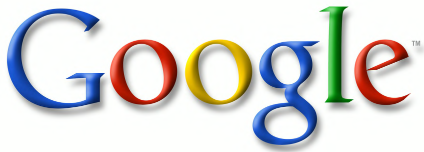
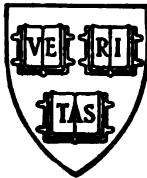

VE RI
TAS

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ РАСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Страна гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

ЖУКОВСКІЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

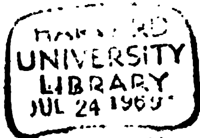
Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра С. Петербургъ Сентября 6 дня 1836 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЫНѢ

ВЕЛИКОЙ КНЯЖНѢ

ОЛЬГѢ НИКОЛАЕВНѢ.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Начало этой *Исторіи* было только опытомъ. Я желала написать нѣсколько Расказовъ, которые бы могли занимать маленькихъ читателей Руской Исторіи. Но опытъ былъ такъ счастливъ, что удостоился лестнаго одобренія Вашего Императорскаго Высочества. Тогда я принялась за трудъ мой съ тѣми чувствованіями признательности и усердія, съ которыми теперь осмѣливаюсь представить его Вашему Императорскому Высочеству, какъ единственной Виновницѣ его исполненія.

Вашего Императорскаго Высочества
всепокорнѣйшая и всенижайшая
Александра Ишимова.

22 Декабря
1836.

ИСТОРІЯ РОССИИ

ВЪ РАСКАЗАХЪ

для

ДѢТЕЙ.

СЛАВЯНЕ

до 862 года Христіанскаго лѣтосчисленія.

Милыя дѣти! вы любите слушать чудные расказы о храбрыхъ герояхъ и прекрасныхъ Царевнахъ, васъ веселятъ сказки о добрыхъ и злыхъ волшебницахъ. Но вѣрно для васъ, еще пріятнѣе будетъ слышать не сказку, а быль, то есть, сущую правду? Послушайте же, я расскажу вамъ ее о дѣлахъ вашихъ предковъ. Вѣдь вы знаете, что такое *предки?* Это дѣдушки и бабушки вашихъ дѣдушекъ и бабушекъ; это люди, отъ которыхъ произошли чрезъ нѣсколько

поколѣній ваши родители. Стало быть, для васъ пріятно будетъ узнать, гдѣ и какъ они жили.

Въ старину, въ отечествѣ вашемъ Россіи, не было такихъ прекрасныхъ городовъ, какъ нашъ Петербургъ и Москва. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы любуетесь теперь красивыми строеніями, гдѣ вы такъ весело бѣгаете въ тѣни прохладныхъ садовъ, нѣкогда видны были непроходимые лѣса, топкія болота и дымныя избушки! Мѣстами были и города, но вовсе не такіе обширные какъ въ наше время: въ нихъ жили люди красивые лицемъ и станомъ, гордые славными дѣлами предковъ, честные, добрые и ласковые дома, но страшные и непримиримые на войнѣ. Ихъ называли Славянами. Какое прекрасное имя, не правда ли, милыя дѣти? Вѣрно и самые маленькіе изъ васъ, понимаютъ что значитъ *слава?* Славяне старались доказать, что не даромъ ихъ называли такъ и отличались всѣми хорошими

качествами, которыми можно заслужить славу.

Они были так честны, что въ обѣщаніяхъ своихъ, вмѣсто клятвъ, говорили только: „Если я не сдержу моего слова, то *да будетъ мнѣ стыдно!* и всегда исполняли обѣщанное; такъ храбры, что и отдаленные народы боялись ихъ; такъ ласковы и гостепріимны, что наказывали того хозяина, у котораго гость былъ чѣмъ нибудь оскорбленъ. Жаль только того, что они не знали истиннаго Бога, и молились не—Ему, но разнымъ идоламъ. Идолъ значитъ статуя, сдѣланная изъ дерева или какого нибудь металла, и представляющая человѣка или звѣря.

Славяне раздѣлялись на разныя племена; у Сѣверныхъ или Новгородскихъ Славянъ не было и Государя, что бываетъ у многихъ необразованныхъ народовъ: они почитали начальникомъ своимъ того, кто болѣе всѣхъ отличался на войнѣ; а какъ они всѣ были храбры, то иногда случалось, что такихъ на-

чальниковъ было много. Каждый изъ нихъ хотѣлъ приказывать по своему, народъ не зналъ кого слушать, и отъ того были у нихъ безпрестанные споры и несогласія. А вѣдь, вы знаете, какъ несносны ссоры? И вамъ въ вашихъ маленькихъ дѣлахъ вѣрно случалось уже испытать какія непріятныя слѣдствія имѣютъ онѣ, и какая разница въ чувствахъ и положеніи вашемъ, когда всѣ, окружающіе васъ, довольны вами.

И Славяне также видѣли, что во время несогласій ихъ, всѣ дѣла шли у нихъ дурно, и даже они переставали побѣждать своихъ непріятелей. Долго не знали они, что дѣлать; наконецъ придумали средство, привести все въ порядокъ. На берегахъ Балтійскаго моря—стало быть не очень далеко отъ отечества нашего — жилъ народъ, по имени Варяги-Русь, происходившій отъ великихъ завоевателей въ Европѣ—Норманновъ.

Эти Варяги-Русь почитались отъ

сосѣдей, народомъ умнымъ: у нихъ давно уже были добрые Государи, которые заботились о нихъ, такъ какъ заботится добрый отецъ о дѣтяхъ; были и законы, по которымъ эти Государи управляли ими, и отъ того Варяги жили счастливо, и имъ удавалось даже иногда побѣждать Славянъ, — правда что это случалось только тогда, какъ они нападали на нихъ во время споровъ и несогласій ихъ.

Вотъ старики Славянскіе, видя счастіе Варяговъ, и желая такого же своей родинѣ, уговорили всѣхъ Славянъ отправить пословъ къ этому храброму и предпріимчивому народу просить у него Князей управлять ими. Послы сказали Варяжскимъ Князьямъ такъ: „*Земля наша велика и богата, а порядка въ ней нѣтъ: идите княжить и владѣть нами.*„

НАЧАЛО РУСКАГО ГОСУДАРСТВА

и

ПЕРВЫЕ ГОСУДАРИ РУСКІЕ.

Отъ 862 до 944 года.

(Періодъ 83 лѣтъ.)

Варяги-Русь были очень рады такой чести, и три брата изъ Князей ихъ: *Рюрикъ*, *Синеусъ* и *Труворъ* тотчасъ поѣхали къ Славянамъ. Рюрикъ сдѣлался Государемъ въ Новѣ-городѣ, самомъ старинномъ изъ городовъ Славянскихъ; Труворъ въ Изборскѣ, Синеусъ въ землѣ, лежащей около Бѣлаго-Озера. Отъ сихъ-то трехъ Варяго-Русскихъ Князей, Славяне начали называться *Рускими*, а земля ихъ *Русью* или *Россіею*. Синеусъ и Труворъ скоро умерли, и Рюрикъ сдѣлался одинъ Великимъ Княземъ Русскимъ и основателемъ Руска-

го Государства. Онъ княжилъ счастливо два года съ братьями и пятнадцать лѣтъ одинъ.

Послѣ него остался маленькой сынъ Игорь, который еще не могъ быть Государемъ: и для того Рюрикъ просилъ своего родственника и товарища Олега, управлять Государствомъ, пока выростетъ Игорь.

Олегъ былъ храбръ и умёнъ, побѣдилъ много сосѣднихъ народовъ и такъ увеличилъ Россію, что при—немъ она простиралась почти до горъ Карпатскихъ, которыя лежатъ въ Венгріи. Но этотъ Олегъ не совсѣмъ заслуживалъ похвалы. Вы увидите это сами, когда я раскажу вамъ, что онъ сдѣлалъ.

Вмѣстѣ съ Рюрикомъ пріѣхали къ Славянамъ многіе Варяги, которые еще на родинѣ служили ему и любя добраго начальника, не хотѣли разставаться съ нимъ. Рюрикъ, за это усердіе дарилъ нѣкоторымъ изъ нихъ деревни и селенія Славянскія: отъ этого появились

у насъ *помѣщики*, т. е. такіе Бояре, которые владѣли людьми и землями. Но не всѣ эти помѣщики были довольны своими помѣстьями: инымъ казалось веселѣе искать счастія на войнѣ, нежели сидѣть дома. Надобно сказать вамъ, милыя дѣти, что тогда люди очень любили войну. Это потому, что будучи язычниками, они почитали непремѣннымъ долгомъ отмщать за обиды, а обижали они очень часто другъ друга! Къ тому же они мало учились тогда, и не понимали пріятностей мира, который доставляетъ намъ возможность предаваться занятіямъ тихимъ, сладостнымъ для сердца и полезнымъ для ума. Они думали только о томъ, чтобы имъ сражаться и побѣждать своихъ враговъ.

Двое изъ такихъ смѣлыхъ воиновъ, по имени Аскольдъ и Диръ, отправились съ товарищами къ югу отъ Новгорода и на прекрасныхъ берегахъ рѣки Днѣпра, увидѣли маленькій городокъ, который имъ очень понравился. Этотъ

городокъ — былъ *Кіевъ*. Они не долго думали: завладѣли имъ и сдѣлались Государями Кіевскими.

Вотъ, милыя дѣти, новое Государство *Руское*: вѣдь вы помните, что и Аскольдъ и Диръ были изъ народа Варяго-Рускаго. Это Государство можно назвать *Южнымъ*, потому что оно лежало къ югу отъ Новгородскаго.

Олегъ, управляя Новгородомъ послѣ смерти Рюрика, слышалъ, что всѣ, пріѣзжавшіе изъ Кіева, хвалили новое Княжество Руское, и вздумалъ завоевать его. Но онъ зналъ, что Князья Кіевскіе и народъ ихъ храбры, что они будутъ сражаться съ такою же смѣлостію, какъ и его воины и отъ того рѣшился употребить хитрость. Онъ пошелъ съ войскомъ къ Кіеву, но оставилъ его назади, а самъ приплылъ къ Кіевскому берегу въ небольшой лодкѣ, съ Игоремъ и нѣсколькими воинами, и послалъ сказать Государямъ Кіевскимъ, что съ ними желаютъ видѣться купцы Варяжскіе изъ Новгорода, ихъ

друзья и земляки. Аскольдъ и Диръ были очень рады такимъ гостямъ, и тотчасъ отправились на лодку ихъ. Но лишь только они вошли туда, какъ вдругъ воины Олега окружили ихъ, а самъ Олегъ, поднявъ на рукахъ маленькаго Игоря, сказалъ: „*Вы не Князья, но я Князь, и вотъ сынъ Рюрика!*" Въ эту самую минуту воины бросились на обоихъ Князей Кіевскихъ и убили ихъ! Вотъ одно дурное дѣло Олега, а впрочемъ онъ былъ хорошій опекунъ маленькаго воспитанника своего, старался о пользѣ народа Рускаго, соединилъ оба новыя Государства Варяговъ въ одно, сдѣлалъ столицею Кіевъ, и такъ прославился своею храбростію, что даже Греки въ Константинополѣ, боялись его и имени Рускаго. Олегъ имѣлъ съ ними войну, подходилъ къ самымъ стѣнамъ славной столицы ихъ; въ знакъ побѣды повѣсилъ свой щитъ на воротахъ ея; собралъ дань съ Грековъ, и когда возвратился въ Кіевъ, народъ назвалъ его *Вѣщимъ*: это зна-

читъ почти тоже, что *мудрымъ*. Онъ управлялъ Государствомъ тридцать три года: добрый Игорь не хотѣлъ напомнить ему, что уже можетъ княжить и сдѣлался Государемъ Рускимъ только тогда, какъ умеръ Олегъ.

Игорь, — какъ и всѣ Руские Князья, былъ храбръ, но не такъ счастливъ какъ Олегъ: при немъ явились въ первый разъ въ Россію Печенѣги,—народъ, который потомъ всегда былъ страшнымъ врагомъ нашихъ предковъ.

Печенѣги поселились между рѣками Дономъ и Днѣпромъ, на лугахъ, гдѣ паслись стада ихъ. Они не строили домовъ, но дѣлали подвижные шатры или шалаши. Когда стада ихъ не находили болѣе корма на лугахъ, то они переносили шалаши свои на другое мѣсто, и оставались тамъ, пока была трава. Они сами и лошади ихъ, бѣгали очень скоро; по рѣкамъ же умѣли плавать почти какъ рыбы. Это очень помогало имъ нападать на сосѣдей своихъ, уводить въ плѣнъ бѣдныхъ

жителей и избавляться отъ наказанія. Злые Печенѣги даже нанимались въ службу къ такимъ народамъ, которые имѣли съ кѣмъ нибудь войну и тогда-то злодѣйствовали, сколько имъ хотѣлось. Игорь, хотя наложилъ на нихъ дань, т. е. заставилъ каждаго изъ нихъ платить нѣсколько денегъ въ казну свою, но не могъ прогнать ихъ подалѣе отъ границъ своего Государства.

Еще несчастнѣе былъ походъ его къ Древлянскому народу, который жилъ тамъ, гдѣ у насъ теперь Волынская Губернія. Древляне были также Славянскаго племени; ихъ покорилъ Олегъ. Игорь ѣздилъ къ нимъ для того, чтобы взять болѣе дани, нежели сколько они всегда платили. Древлянамъ показалось это такъ обидно, что они забыли все почтеніе, какое должно имѣть къ Государю своему и сдѣлали ужасный грѣхъ: убили Игоря! Эти жалкіе люди не знали Бога, и не понимали какое страшное злодѣяніе дѣлали!

Такъ погибъ этотъ несчастный Государь. Онъ княжилъ тридцать два года, но не отличался никакими особенно примѣчательными дѣлами.

РОДОСЛОВНЫЯ ТАБЛИЦЫ.

Двухъ первыхъ Государей

РУСКИХЪ:

Таблица I.

Семейство Вел. Кн. Рюрика I.

Супруга: Эфанда, Княжна Урманская.

Сынъ: Игорь.

Таблица II.

Семейство В. К. Игоря Рюриковича.

Супруга: Ольга, поселянка Псковской области.

Сынъ: Святославъ.

СВЯТАЯ ОЛЬГА.

Отъ 945 до 955 года.

(Пер. 10 лѣтъ.)

Гораздо болѣе Игоря прославилась прекрасная супруга его, *Ольга*. Святославъ, сынъ ея, былъ еще очень малъ, когда умеръ отецъ его, и потому Ольга правила Государствомъ вмѣстѣ съ двумя знаменитыми воеводами; бояриномъ *Асмудомъ*, дядькою маленькагѡ Святослава и *Свѣнельдомъ*, начальникомъ войска. Исторія этой славной Княгини, очень любопытна, милыя дѣти. Каждый Русскій мальчикъ и Русская дѣвочка должны знать ее. Послушайте же.

Ольга родилась простою дѣвушкой въ деревнѣ около города Пскова. Молодой Князь Игорь пріѣхалъ туда на охоту и случайно увидѣлъ эту деревен-

скую красавицу, которая такъ понравилась ему своею скромностію и умомъ, что онъ не хотѣлъ слышать о другихъ невѣстахъ, и женился на милой Ольгѣ. Въ высокомъ дворцѣ Государя, она была также умна и любезна, какъ прежде—въ маленькомъ домикѣ своихъ родителей; также добра и ласкова съ окружавшими ее знатными боярынями, какъ прежде съ своими сельскими подружками.

Услышавъ о несчастной смерти Игоря, Ольга обѣщалась отмстить жестоко злымъ Древлянамъ, и тотчасъ послала войско свое въ землю ихъ.

Древляне отправили пословъ съ оправданіями, но Ольга приказала казнить ихъ, не желая слушать сихъ оправданій, и когда войско ея покорило ихъ, она наложила большую дань на этотъ ненавистный для нея народъ, и присоединила землю его къ своему Государству.

Ольга, вмѣстѣ съ маленькимъ Святославомъ объѣзжала свои области, и

вездѣ приводила въ порядокъ то, что было разстроено. Вы помните, милыя дѣти, что съ тѣхъ поръ, какъ Государи наши начали жить въ Кіевѣ, Новгородъ уже пересталъ быть столицею Государства Рускаго. Князья Кіевскіе, воюя съ Греціею и съ сосѣдними народами, не имѣли времени заботиться объ отдаленныхъ подданныхъ своихъ, Новгородцахъ и позволили имъ самимъ выбирать своихъ судей и начальниковъ, которые бы рѣшали дѣла ихъ, награждали добрыхъ, наказывали злыхъ и сбирали съ народа дань для Князя Кіевскаго. Главнаго изъ такихъ начальниковъ, Новгородцы называли *Посадникомъ*. Зная, что Князь Кіевскій живетъ далеко отъ нихъ, они начали менѣе уважать его и думали, что могутъ обойтись и безъ Государя, имѣя своего посадника.

Ольга поѣхала туда и умными распоряженіями заставила Новгородцевъ

вспомнить, что они должны быть покорны Государю своему, хотя бы онъ жилъ еще гораздо далѣе отъ нихъ.

Такъ хорошо умѣла Княгиня Ольга управлять Государствомъ! Народъ любилъ и благословлялъ добрую мать Государя своего. Но изъ всѣхъ прекрасныхъ дѣлъ Ольги, самое лучшее и самое великое было то, что она приняла вѣру Христіанскую. Она первая изъ Рускихъ, поняла какъ глупо молиться идоламъ, которые столько же могли слышать молитвы бѣдныхъ людей, сколько слышатъ васъ ваши куклы, когда вы говорите съ ними. Умная Княгиня чувствовала въ сердцѣ своемъ, что есть Богъ, безъ котораго не могъ быть міръ, и все, что мы видимъ въ этомъ мірѣ. Къ тому же, она много слышала о вѣрѣ Христіанской съ тѣхъ поръ, какъ жила въ Кіевѣ: воины Князя Олега и супруга ея Игоря, бывшіе вмѣстѣ съ ними въ Греческой Имперіи, расказывали дома о счастіи и добро-

дѣтеляхъ истинныхъ Христіанъ; о святости вѣры ихъ, о терпѣніи, съ которымъ они переносили несчастія здѣшней жизни, надѣясь на награду въ будущей.

Надобно сказать ва́мъ, милыя дѣти, что въ это время, Греки давно уже перестали быть идолопоклонниками, и знали истиннаго Бога. Въ столицѣ ихъ, Константинополѣ, жилъ *Патріархъ*, то есть начальникъ духовенства Христіанъ Греческихъ. У него-то Княгиня Ольга хотѣла учиться закону Божію, и для того поѣхала въ Константинополь, въ 955 году, когда сынъ ея уже выросъ и она перестала управлять Государствомъ.

Патріархъ и Императоръ Греческій Константинъ Багрянородный, дивились уму и кротости знаменитой Государыни Руской. Патріархъ, съ радостію расказалъ ей о жизни, страданіяхъ, смерти и воскресеніи Іисуса Христа; научилъ ее всему, что должны знать

всѣ любящіе Господа и вѣрующіе въ Него, и потомъ окрестилъ ее. Императоръ былъ крестнымъ отцемъ Ольги; въ крещеніи назвали ее *Еленою*. Съ восторгомъ возвратилась она въ Кіевъ, радуясь тому, что можетъ просвѣтить душу сына своего, и сдѣлать его также Христіаниномъ. Но молодой, гордый Святославъ не хотѣлъ слышать о новомъ законѣ. Княгиня печалилась, что не можетъ раздѣлить съ милымъ сыномъ счастіе знать истиннаго Бога, и умерла съ этою печалію черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ крещенія. Церковь наша признала ее — *Святою*, а Исторія — *Мудрою*.

Уважайте память этой доброй Княгини Ольги, милыя дѣти, помните, что она первая старалась о томъ, чтобы предки наши избавились отъ ужаснаго несчастія быть идолопоклонниками; она первая говорила имъ объ истинномъ Богѣ, учила ихъ вѣрѣ Іисуса Христа. Любите Святую Ольгу за такое

великое благодѣяніе, и старайтесь быть также благочестивы, также усердны къ Богу, какъ была Она!

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВЪ I.

Отъ 955 до 972 года.

(Пер. 17 лѣтъ)

Неудивительно, что Святославъ не слушалъ добрыхъ совѣтовъ матери, когда она говорила ему о Богѣ: онъ думалъ только о сраженіяхъ, желалъ только того, чтобы всѣ говорили о его храбрости, и чтобы всѣ боялись его! Конечно, нельзя было и не говорить о немъ: мало было людей такихъ смѣлыхъ и такихъ терпѣливыхъ какъ онъ. Онъ всегда первый бросался въ опасность и никогда не нападалъ на враговъ нечаянно, но посылалъ напередъ сказать имъ: *иду на васъ*!

Какъ храбръ былъ духъ его, такъ крѣпко—тѣло: онъ не боялся никакой погоды, ни слишкомъ жаркой, ни слишкомъ холодной; спалъ на землѣ, даже

безъ палатки;—войлокъ былъ его постелью; сѣдло—подушкой; грубое мясо дикихъ звѣрей—его пищею; простая вода—питьемъ! Таковъ былъ герой нашъ Святославъ; таковы почти и теперь всѣ наши добрые солдаты! Вы вѣрно слыхали, какъ терпѣливы они во время войны за добраго Государя и родину; какъ охотно ѣдятъ они тогда одинъ черный хлѣбъ, пьютъ одну воду и спятъ—часто на мокрой землѣ! Они рады переносить все это, лишь бы не уступить побѣды непріятелю! и это дѣлаютъ они, видя примѣръ, который подаютъ имъ офицеры и генералы ихъ. И вы вѣрно сдѣлаете тоже, милые маленькіе читатели мои, вѣдь и вы будете со временемъ защитниками Государя, отечества, родителей и друзей вашихъ.

Молодой Святославъ началъ побѣждать, какъ только принялъ начальство надъ войсками. Первые народы, покоренные имъ, были: Вятичи, Ко-

зары, Ясы и Касоги. Касогами называли тогда нынѣшнихъ Черкесовъ. Когда уже всѣ сосѣднiе народы были покорены, онъ пошелъ въ Болгарiю; *) завоевалъ и эту страну, которая такъ понравилась ему, что онъ хотѣлъ было остаться навсегда жить въ тамошнемъ городѣ Переяславцѣ; но вдругъ получилъ извѣстiе, что къ Кiеву пришли страшные Печенѣги. Вы помните, милыя дѣти, этотъ злой народъ, который еще при Игорѣ поселился съ своими шатрами близко Россiи? Они боялись храбраго Святослава, но когда узнали, что онъ ушелъ такъ далеко отъ своей земли, то и напали на Кiевъ, а Воевода Рускiй, Претичь и съ нимъ не много войска стояли на другой сторонѣ рѣки Днѣпра, такъ что бѣдные Кiевскiе жители не могли даже сказать своимъ защитникамъ, что они въ опасности. Въ это время, Руская столица и все семейство Свято-

*) Болгарiя принадлежитъ теперь Турцiи.

слава вѣрно бы погибли, если бы не нашелся одинъ смѣлый отрокъ, который спасъ ихъ.

Онъ надѣлъ такое платье, какое носили Печенѣги, взялъ въ руку уздечку и вышелъ изъ города въ поле, будто бы искать свою лошадь. Печенѣги не замѣтили, что это Рускій, и пропустили его чрезъ все войско свое. Когда же онъ дошелъ до берега, то сбросилъ съ себя платье и поплылъ. Тутъ опомнились непріятели и пустили въ него множество стрѣлъ; но онъ былъ уже далеко, въ кругу своихъ, которые встрѣтили его въ лодкѣ. Претичь, узнавъ отъ него, что Кіевъ въ опасности и хочетъ уже сдаться, тотчасъ велѣлъ воинамъ своимъ приготовиться къ сраженію, и на разсвѣтѣ поѣхалъ на лодкахъ къ городу съ громкою, военною музыкою. Печенѣги, которые боялись одного имени Святослава, испугались ужасно, думая въ страхѣ, что самъ Святославъ возвратился изъ Болгаріи. Тутъ ужъ имъ

было не до того, что бы итти къ Кіеву: они думали, какъ бы спасти самихъ себя и тотчасъ же удалились отъ города, а жители Кіевскіе съ радостію вышли на встрѣчу къ своимъ избавителямъ. Тогда было очень весело въ Кіевѣ! и вы вѣрно догадаетесь, кому было всѣхъ веселѣе?... точно, милыя дѣти, доброму молодому Кіевлянину было всѣхъ веселѣе! Онъ сдѣлалъ болѣе нежели Претичь и всѣ его воины: онъ могъ сказать себѣ: *я хотѣлъ умереть за мое отечество и за дѣтей моего Государя! Я спасъ всѣхъ!*„ Вы можете представить себѣ, какъ щедро наградилъ его Святославъ, который вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ въ Кіевъ! Печенѣги же были наказаны за свою дерзость: Святославъ прогналъ ихъ далеко отъ границъ своего государства.

Но скоро наскучила ему тихая жизнь въ Кіевѣ: ему хотѣлось возвратиться опять въ любимую имъ Болгарію, гдѣ было много золота, серебра,

вина, меду и всякихъ плодовъ. Что бы скорѣе исполнить свое желаніе онъ поручилъ государство тремъ сыновьямъ своимъ и приказавъ имъ жить дружно между собою, отправился самъ въ Болгарію. Но Болгарскіе жители встрѣтили его совсѣмъ не съ такою любовію, съ какою проводили Кіевляне: онъ не былъ природнымъ Государемъ ихъ и потому неудивительно, что они не очень любили его. Къ тому же, сосѣдъ ихъ, Греческій Императоръ Іоаннъ Цимискій, совсѣмъ не желалъ видѣть храбраго Святослава въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ отъ Греціи, и старался всѣми силами вытѣснить его изъ Болгаріи. Онъ собралъ даже войско и выступилъ самъ противъ Святослава, который, потерявъ Болгарскую столицу свою, Переяславецъ, долженъ былъ затвориться въ городѣ Доростолѣ. (*)

(*) Нынѣшняя Силистрія, въ Турціи.

Іоаннъ окружилъ войскомъ своимъ этотъ городъ. Грековъ было такъ много, что Святославу и воинамъ его не льзя было думать о спасеніи. Но здѣсь-то и доказалъ Князь Рускій, что онъ былъ точно герой. Когда воины его, терпя болѣе двухъ мѣсяцовъ голодъ и страдая отъ ранъ, совѣтовали ему просить мира у непріятеля или убѣжать ночью въ отечество, Святославъ сказалъ: „Нѣтъ, друзья мои! могутъ ли жить весело тѣ, которые спасутся бѣгствомъ? Побѣдимъ или умремъ! Мертвымъ не стыдно! Я пойду впередъ, и когда положу свою голову, тогда дѣлайте, что хотите!„ Такія слова храбраго Князя ободрили воиновъ до того, что они громко вскричали: „Гдѣ ляжетъ голова твоя, Государь, тамъ лягутъ и наши!„ На другой же день они вышли изъ города на встрѣчу непріятелямъ. Не смотря на то, что Грековъ было гораздо болѣе, долго нельзя было узнать, кто побѣдитъ: такъ храбро сражались Рускіе! Но

вдругъ подулъ страшный вѣтеръ, прямо въ лице ихъ. Бѣдное войско Святослава не могло продолжать сраженія отъ густой пыли, и Греки остались побѣдителями.

Раненый Святославъ, чувствуя, что нѣсколько храбрыхъ воиновъ его не могутъ побѣдить сильное войско Грековъ, согласился наконецъ просить мира. Іоаннъ Цимискій обрадовался этому,—и два знаменитые врага помирились. Они оба желали видѣть другъ друга. Это свиданіе было на берегу Дуная. Императоръ Іоаннъ пріѣхалъ верхомъ, платье его сіяло золотомъ и дорогими каменьями; со всѣхъ сторонъ окружали его воины въ блестящихъ латахъ. Святославъ—приплылъ къ берегу въ лодкѣ, гребя самъ веслами. Простая, бѣлая одежда его не имѣла никакихъ украшеній: въ одномъ ухѣ только свѣтлѣлась золотая серьга съ двумя жемчужинами и рубиномъ; но видъ его былъ такъ важенъ, въ голубыхъ глазахъ его примѣтно было такъ

много величія и благородства, что Іоаннъ почувствовалъ невольное почтеніе къ герою Рускому и сошелъ съ лошади. Святославъ пристально посмотрѣлъ на него, поговорилъ съ нимъ немного и отъѣхалъ отъ берега.

Весело отправился въ Грецію Іоаннъ; грустно было плыть къ Кіеву Святославу, въ первый разъ побѣжденному! Злые Печенѣги, зная, что Рускихъ осталось въ живыхъ немного, ждали ихъ на берегахъ Днѣпра. Старый Свѣнельдъ, который былъ воеводой еще при Игорѣ, совѣтовалъ Государю своему проѣхать сухимъ путемъ опасное мѣсто; но храбрый Князь былъ часто безразсудно-смѣлъ, и не смотря на то, что войско его было очень мало, пустился въ опасность. Печенѣги, которыхъ было множество на берегу, бросились на Рускихъ, какъ скоро увидѣли ихъ и гордый, безстрашный Святославъ былъ убитъ въ этомъ сраженіи! Только одинъ Свѣнельдъ и

нѣсколько воиновъ спаслись и сказали Кіевлянамъ о смерти Государя ихъ.

Куря, Князь Печенѣговъ, отрубилъ голову Святославу и изъ черепа ея сдѣлалъ чашу, въ которой подавали вино на его праздникахъ.

Таблица III.

Семейство В. К. Святослава I. Игоревича.

Супруги: 1. Гречанка, плѣнная монахиня.
2. Ключница В. К. Ольги, *Малуша.*

Дѣти: a. Ярополкъ.
b. Олегъ.
c. Владиміръ.

СЫНОВЬЯ СВЯТОСЛАВА.

Отъ 972 до 980.

(Пер. 8 лѣтъ.)

Вы помните, милыя дѣти, что Святославъ, уѣзжая въ послѣдній разъ въ Болгарію, раздѣлилъ все Государство свое на три части: старшему сыну, *Ярополку*, отдалъ онъ Кіевъ; второму—*Олегу*, землю Древлянскую; младшему—*Владиміру*, Новгородъ. Отъ этого раздѣленія, предки наши сдѣлались очень несчастливы: вмѣсто одного Государя были у нихъ три въ одно время. Тамъ, гдѣ распоряжается не одинъ, а нѣсколько начальниковъ, дѣла идутъ всегда дурно. Я объясню вамъ, отъ чего это бываетъ. Нѣсколько начальниковъ не могутъ имѣть одинакій нравъ и часто, что

нравится одному, то сердитъ другаго, а гдѣ ссорятся старшіе, тамъ и младшіе не могутъ жить въ дружбѣ. Хотя Святославъ и приказалъ двумъ меньшимъ сыновьямъ уважать и слушаться старшаго брата Ярополка, и отъ того назвалъ его *Великимъ Княземъ* Кіевскимъ, а тѣхъ—*удѣльными Князьями*; но они худо исполняли приказаніе отца и отъ того всѣ сдѣлались очень несчастливы. Вы пожалѣете о нихъ, когда услышите ихъ исторію.

Прежде всего поссорились Ярополкъ и Олегъ. Въ этомъ виноватъ былъ старый воевода Свѣнельдъ, который ненавидѣлъ Олега за то, что тотъ однажды на охотѣ убилъ — можетъ быть и ненарочно — сына его *Люта*. Съ тѣхъ поръ онъ безпрестанно наговаривалъ Ярополку на Олега, и наконецъ убѣдилъ его пойти войною въ землю Древлянскую.

Олегъ, услышавъ, что братъ идетъ на него, собралъ также своихъ воиновъ, но Ярополкъ побѣдилъ ихъ и за-

ставилъ бѣжать назадъ: въ этой суматохѣ, они такъ тѣсно столпились на мосту, у города Овруча, гдѣ жилъ Олегъ, что столкнули нечаянно Князя своего въ глубокій ровъ. За нимъ упало туда множество людей и лошадей. Несчастнаго раздавили до смерти.

Ярополкъ, который, хотя былъ легковѣренъ и вѣтренъ, но совсѣмъ не имѣлъ злаго сердца, хотѣлъ непремѣнно видѣть брата, и ему показали тѣло его, покрытое ранами и кровію. Тогда бѣдный Князь забылъ, что онъ побѣдитель: не слышалъ радостныхъ кликовъ своихъ воиновъ, не чувствовалъ ничего, кромѣ ужасныхъ мученій совѣсти, плакалъ и рвалъ свои волосы, но всею своею горестію и слезами не могъ воскресить брата!

Владиміръ, Князь Новгородскій, узнавъ, что Ярополкъ завоевалъ Древлянскую область, испугался и убѣжалъ изъ своей столицы къ Варягамъ, въ ту землю, откуда пріѣхалъ прадѣдушка его Рюрикъ. Ярополкъ скоро

забылъ убѣжавшаго брата, а въ Новгородъ послалъ Посадниковъ или *Намѣстниковъ* своихъ, т. е. такихъ людей, которые, вмѣсто его управляли этою областію.

Но Владиміръ не даромъ жилъ у Варяговъ. Чрезъ два года онъ набралъ тамъ сильное войско и пришелъ въ свой Новгородъ; выгналъ оттуда Посадниковъ Ярополковыхъ и послалъ ихъ сказать брату, что онъ идетъ наказать его за смерть Олега. Между тѣмъ, онъ зналъ, что у Ярополка была прекрасная невѣста, дочь Князя Полоцкаго. Рогнѣда—такъ звали ее—была такъ хороша, мила и умна, что Владиміръ никакъ не хотѣлъ уступить ее брату, и сталъ свататься за нее. Но Рогнѣда уже обѣщала выйти за Ярополка: какъ же ей можно было сдѣлаться невѣстой Владиміра? Она отказала. Владиміръ такъ недоволенъ былъ этимъ отказомъ, что пришелъ съ войскомъ въ Полоцкъ, лишилъ жизни отца ея, двухъ братьевъ и женился на бѣдной Рогнѣдѣ. Ка-

ково-же было ей выйти за такого человѣка, который былъ причиною смерти ея отца и братьевъ? Несчастная столько плакала и была всегда такъ печальна, что ее назвали *Гориславою*.

Вскорѣ послѣ свадьбы, Владиміръ пошелъ къ Кіеву. Ярополкъ не смѣлъ выйти съ войскомъ своимъ на встрѣчу къ брату, и затворился въ городѣ. Здѣсь Ярополкъ опять потерпѣлъ отъ того, что скоро слушался чужихъ совѣтовъ, и не разсуждая вѣрилъ своимъ любимцамъ. Такъ одинъ изъ нихъ, прельщенный дарами Владиміра, посовѣтовалъ ему уйти изъ Кіева въ маленькой городъ Родню, лежавшій близко Кіева. Только что онъ сдѣлалъ это, Владиміръ вошелъ въ Кіевъ и окружилъ войскомъ Родню. Тотъ же измѣнникъ началъ уговаривать тогда Ярополка помириться съ братомъ и отправиться къ нему въ Кіевскій дворецъ. Ярополкъ послушался и въ этомъ злодѣя: поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Кіевъ, и потомъ во дворецъ

брата. Только что они вошли въ сѣни, какъ два Варяга бросились на несчастнаго Ярополка и умертвили его! Ужасно, милыя дѣти, ужасно слышать, что братъ погибъ въ домѣ брата своего! Но такъ часто случалось у народовъ, еще не знавшихъ Бога истиннаго, у жалкихъ идолопоклонниковъ! Они считали долгомъ мстить за обиды, — и Владиміръ, наказывая одного брата за смерть другаго, вѣрно думалъ, что исполняетъ дѣло, пріятное его деревяннымъ богамъ!

Таблица IV.

Семейство В. К. Ярополка I. Святославича:

Супруга. Гречанка, бывшая потомъ супругою брата его Владиміра.

КРЕЩЕНІЕ РУСКАГО НАРОДА.

Отъ 980 до 988 года.

(Пер. 8 лѣтъ.)

Можно ли было ожидать, милыя дѣти, чтобы этотъ Князь Владиміръ, сдѣлавшій столько зла брату своему и бѣдной красавицѣ Рогнѣдѣ, былъ потомъ добрѣйшимъ Государемъ и первымъ благодѣтелемъ своего народа? Вотъ какія чудеса можетъ Богъ дѣлать съ тѣми людьми, которые искренно раскаяваются и сожалѣютъ о худыхъ дѣлахъ своихъ!

Съ самаго начала своего княженія Владиміръ старался побѣдами и славою заставить народъ свой забыть его прежнюю жизнь. Онъ завоевалъ у Польскаго Короля Галицію (*) или города

(*) *Поляки*, также какъ и Русскіе, происходятъ отъ народа *Славянскаго*. Племя ихъ поселилось около

Червенскіе; побѣдилъ Болгаровъ, народъ жившій на берегахъ Волги; къ сѣверу увеличилъ Россію до самаго Балтійскаго моря. Кромѣ этихъ завоеваній, онъ старался прославиться и хорошими качествами: сердце его сдѣлалось добрѣе, нравъ спокойнѣе. Онъ очень любилъ народъ свой, старался о его счастіи, могъ уже не наказывать того, кто обижалъ его, могъ даже прощать самыхъ жестокихъ враговъ своихъ, въ числѣ которыхъ была супруга его, Рогнѣда-Горислава. Эта несчастная Государыня такъ много печалилась, что сдѣлалась почти безумною отъ слезъ. Однажды она вздумала отмстить Владиміру за всѣ горести, какія терпѣла отъ него и уже вошла съ ножемъ въ рукѣ въ ту комнату, гдѣ спалъ онъ крѣпкимъ сномъ. Къ счастію, Вла-

рѣки *Вислы* и основало *Польское Королевство*. *Галиція* была прежде Польскою областію, а нынѣ принадлежитъ Австріи, и лежитъ у горъ Карпатскихъ.

димірѣ вдругъ проснулся и въ первую минуту гнѣва, хотѣлъ наказать смертію такое злодѣйство, но увидѣвъ слезы маленькаго сына своего Изяслава и услышавъ трогательныя слова (*), которыми малютка просилъ помиловать мать—простилъ ее, и по совѣту Бояръ построивъ для нее на родинѣ ея, въ нынѣшней Минской Губерніи, новый городъ, назвалъ его по имени сына, *Изяславлемъ* и отправилъ туда ихъ обоихъ.

Чтобъ успокоить совѣсть свою, которая все еще напоминала ему объ убитомъ братѣ, Владиміръ приносилъ часто жертвы своимъ богамъ, и даже сдѣлалъ одинъ новый идолъ съ серебряною головою. Но могли ли утѣшить его боги безчувственные, какъ бы усердно онъ ни молился имъ? Нѣтъ, онъ

(*) Вотъ подлинныя слова Изяслава, переданныя намъ Лѣтописцами: «*Отче! егда единъ жити хощеши, пріими мечь сей, вонзи прежде въ утробу мою, да не вижу азъ см..... матери мое*.

начиналъ понимать, какъ и бабушка его Ольга, что такіе боги не могутъ быть богами истинными, но не зналъ какая вѣра лучше всѣхъ; въ Кіевѣ были и Магометане, и Іудеи, и Римскіе Католики и Греки. Каждый изъ нихъ хвалилъ свою вѣру. Владиміръ, не зная, кого слушать, рѣшился отправить десять человѣкъ въ разныя земли, чтобъ узнать какой народъ лучше всѣхъ другихъ понимаетъ Бога истиннаго. Послы его объѣздили почти всѣ Государства Европейскія и болѣе всего понравилось имъ благочестіе Грековъ и святое служеніе въ церквахъ ихъ. Съ восхищеніемъ расказывали они Великому Князю о вѣрѣ Греческой. Владиміръ радовался, что наконецъ можетъ молиться Богу истинному и предпочелъ принять Христіанскую вѣру отъ Грековъ.

Но гордому Князю Рускому, привыкшему всегда повелѣвать, казалось унизительно просить съ покорностію

крещенія у Грековъ, прежнихъ враговъ его отечества, и для того отправляя пословъ въ Константинополь къ Императорамъ Василію и Константину, онъ просилъ у нихъ не одной вѣры Христіанской, но вмѣстѣ съ нею и руки сестры ихъ, Царевны *Анны*. Умный Владиміръ зналъ, что, сдѣлавшись братомъ Императоровъ, онъ могъ уже не стыдясь назвать ихъ своими просвѣтителями въ вѣрѣ истинной.

Греки, еще со временъ Олега, начали бояться храбрыхъ Князей Рускихъ; Владиміръ же завоевалъ уже богатый городъ ихъ Херсонъ и угрожалъ итти съ войскомъ къ Константинополю, если ему откажутъ въ рукѣ Царевны. И такъ Императоры должны были умолять сестру свою выйти за Государя Рускаго. Царевна горько плакала, желая лучше умереть нежели разстаться, съ родными и отечествомъ; но Богъ призывалъ ее просвѣтить идолопоклонниковъ;—могла ли она не повиноваться Ему? Добрая Царевна со

слезами простилась съ братьями и отправилась на корабль въ Херсонъ, гдѣ ждалъ ее женихъ. Кромѣ придворныхъ особъ, съ нею поѣхало много Священниковъ для крещенія Владиміра.

Народъ въ Херсонѣ съ радостію спѣшилъ на берегъ встрѣтить прекрасную Невѣсту, назвалъ ее своею спасительницею, дивился ея красотѣ и привѣтливости. Но Великій Князь, съ нетерпѣніемъ ожидавшій ее, не былъ такъ счастливъ какъ народъ его: въ то время у него болѣли глаза, такъ что онъ ничего не видѣлъ. Онъ могъ только плакать о своемъ несчастіи и благодарить Царевну за жертву, которую она сдѣлала.

Анна, какъ Ангелъ хранитель, посланный Богомъ Владиміру, просила его тотчасъ креститься. Великій Князь послушалъ совѣта благочестивой Невѣсты своей, и за то щедро награжденъ былъ Богомъ. Какъ скоро Епископъ Херсонскій и Священники Константинопольскіе въ церквѣ Христіан-

ской приступили къ совершенію крещенія Владиміра, и Епископъ возложилъ руку на новокрещаемаго, больные глаза его открылись, и онъ увидѣлъ храмъ Божій, гдѣ раздавалось святое пѣніе, увидѣлъ прелестную невѣсту свою и вмѣстѣ съ нею упалъ на колѣни благодарить Бога милосердаго и всемогущаго! О! какъ сильно онъ чувствовалъ тогда, что молился Богу истинному, а не прежнимъ идоламъ своимъ! Бояре и дружина его (*), удивляясь такому чуду, также крестились въ вѣру Христіанскую и потомъ весело праздновали свадьбу Государя съ Царевною. Прекрасная Анна уже не плакала, какъ въ то время когда уѣзжала изъ Константинополя: она, какъ усердная Христіанка, радовалась, что избавила знаменитаго супруга своего и народъ его отъ ужаснаго несчастія быть

(*) Такъ называли предки наши—воиновъ и тѣлохранителей Княжескихъ.

идолопоклонниками, потому что съ тѣхъ поръ всѣ Руские начали креститься въ вѣру Христіанскую.

Вотъ, милыя дѣти, было чего посмотрѣть, когда Великій Князь возвратился съ молодою супругою и со всѣмъ дворомъ своимъ въ Кіевъ! Прежде всего онъ велѣлъ жечь и рубить всѣхъ идоловъ, а главнаго изъ нихъ *Перуна* съ серебряною головою — бросить въ въ рѣку. Потомъ приказалъ всѣмъ Кіевлянамъ явиться на другой день на берегъ Днѣпра. Тогда то открылось чудесное, несравненное зрѣлище! Священники освятили Днѣпръ и начали крещеніе народа. Варослые люди вошли въ воду; маленькіе дѣти были на рукахъ отцовъ и матерей, между тѣмъ какъ на берегу стояли: Великій Князь, супруга его, бояре и воины, окрещенные еще въ Херсонѣ. Они стояли въ тихомъ благоговѣніи и усердно молились за новыхъ Христіанъ. Въ эту торжественную минуту Владиміръ подняль руки къ небу и сказалъ: „Творецъ неба и

земли! благослови сихъ новыхъ дѣтей Твоихъ! дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго и утверди вѣру ихъ!„

Такъ крестились предки наши, милыя дѣти, и такое усердіе къ Богу видно было не въ одномъ Кіевѣ, но во всемъ Государствѣ Рускомъ. Вездѣ народъ оставлялъ идоловъ и съ радостію принималъ вѣру Христіанскую.

СМЕРТЬ ВЛАДИМІРА СВЯТАГО.

Отъ 988 до 1014 года.

(Пер. 26 лѣтъ.)

Владимiръ, послѣ крещенiя еще болѣе прославился добрыми дѣлами. Онъ уже не думалъ о завоеванiи чужихъ государствъ, но всего болѣе старался о просвѣщенiи своихъ подданныхъ; заводилъ для нихъ училища, строилъ церкви, заботился какъ отецъ о всѣхъ бѣдныхъ: на Княжескомъ Дворѣ его, они могли во всякое время получать пищу и деньги; больнымъ же, которые не могли выходить изъ домовъ своихъ, Великiй Князь приказывалъ развозить съѣстные припасы, хлѣбы, рыбу, медъ и даже квасъ въ бочкахъ. Онъ сдѣлался наконецъ такъ милостивъ, что самыхъ ужасныхъ злодѣевъ боялся

наказывать смертію, и позволялъ имъ откупаться отъ наказанія деньгами. Такое денежное наказаніе называлось: *вира* (*), и было тяжко для преступниковъ потому, что деньги въ то время были очень рѣдки. Однимъ словомъ всѣ добродѣтели, которыми Великій Князь старался загладить прежніе дурные поступки свои, были такъ велики и угодны Богу, что Церковь наша назвала его *Святымъ* и *Равноапостольнымъ*. Онъ заслужилъ это названіе, потому что съ такимъ же усердіемъ какъ и Святые Апостолы старался просвѣщать вѣрою въ Іисуса Христа своихъ подданныхъ—идолопоклонниковъ.

Въ старости, добрый Владиміръ имѣлъ большое огорченіе. Но прежде нежели вы узнаете какое было это огорченіе, надобно вамъ расказать о

(*) Однакожъ, Владиміръ скоро отмѣнилъ эту *виру* потому, что священники объяснили ему, что Богъ не только позволяетъ, но даже велитъ наказывать дурныхъ людей, чтобы они не обижали добрыхъ.

семействѣ Великаго Князя. Оно было очень велико, потому что до Греческой Царевны Анны, послѣдней супруги его, было у него еще четыре жены. Вы помните, что первою была прекрасная и несчастная Рогнѣда: отъ нея имѣлъ онъ четырехъ сыновей: *Изяслава*, *Мстислава*, *Ярослава* и *Всеволода*. Отъ трехъ другихъ: *Вышеслава*, *Святослава*, *Мстислава*, *Бориса* и *Глѣба*. Кромѣ того, онъ еще усыновилъ *Святополка*, сына убитаго брата своего, Ярополка. Владиміръ назвалъ этого племянника старшимъ сыномъ своимъ, потому что всѣ родныя дѣти его были моложе Святополка.

Всѣ эти Князья были еще маленькіе, когда Владиміръ сдѣлалъ ихъ намѣстниками его въ разныхъ областяхъ государства, и послалъ ихъ туда съ умными воспитателями, которыхъ называли тогда *пѣстунами*. Имъ приказалъ Владиміръ управлять областями, пока выростутъ сыновья его. Прошло много лѣтъ: всѣ маленькія дѣти сдѣ-

лались храбрыми Князьями. Одинъ изъ нихъ, Ярославъ, управлялъ Новгородомъ. Новгородцы, еще во время малолѣтства Святослава, почитались народомъ безпокойнымъ, и только умная Княгиня Ольга могла усмирить ихъ гордость. При Владимірѣ они забыли опять долгъ свой къ Государю и захотѣли быть вольными. Ярославъ, вмѣсто того, чтобы удержать непослушныхъ подданныхъ своего отца и Государя, отъ такого дурнаго поступка, взялъ ихъ сторону, и послалъ сказать Владиміру, что Новгородъ не намѣренъ болѣе платить ему обыкновенную дань и не хочетъ быть подъ его властію (*).

(*) Въ сочиненіи *Исторіи въ разсказахъ для дѣтей*, вообще принята въ основаніе Исторія Карамзина. Преданіе о неповиновеніи Ярослава передано Карамзинымъ по сказанію лѣтописцевъ; но по новѣйшимъ же историческимъ изысканіямъ Эверса, объясняется, что неповиновеніе Ярослава отцу по всей вѣроятности было мнимое, и что въ этомъ случаѣ Ярославъ могъ поступать по тайному согласію съ

Вы можете представить себѣ каково было Владиміру услышать извѣстіе, что одинъ изъ старшихъ сыновей его осмѣлился не повиноваться ему! Тогда-то онъ узналъ, что не должно было раздѣлять Россію на многіе Удѣлы, тогда-то онъ почувствовалъ какія ссоры и несогласія начнутся послѣ смерти его! Эти размышленія о несчастіи любезнаго отечества безъ сомнѣнія были всего горестнѣе для души Владиміра: онъ занемогъ и вскорѣ потомъ скончался въ загородномъ дворцѣ своемъ, Берестовѣ. Народъ неутѣшно плакалъ о добромъ Государѣ; бѣдные — о благодѣтелѣ! Долго расказывали и въ

Владиміромъ, чтобы тѣмъ удобнѣе усмирить гордыхъ Новгородцевъ. — Надобно замѣтить это, чтобы удалить упрекъ отъ Ярослава, который въ послѣдствіи былъ мудрымъ, добрымъ Государемъ, и котораго жизнь убѣждаетъ, что лѣтописцы говорили о неповиновеніи его отцу, судя по наружности, между тѣмъ, какъ о поступкахъ Ярослава, невсегда можно было судить такимъ образомъ.

Россіи и въ чужихъ земляхъ о славномъ княженіи Великаго Князя Владиміра I, много говорили о богатыхъ пирахъ его и о славныхъ богатыряхъ, которые отличались подъ его начальствомъ. Изъ приключеній ихъ, сочиняли даже много сказокъ, и теперь еще, добрые крестьяне наши съ удовольствіемъ читаютъ эти сказки и дивятся силѣ Ильи Муромца, Добрыни Новгородскаго, Рогдая и другихъ богатырей Владиміра. Конечно нельзя вѣрить всѣмъ сказкамъ, по причинѣ тѣхъ небылицъ, какія обыкновенно расказываются въ нихъ, но можно видѣть и изъ нихъ, что Владиміръ очень любилъ храбрыхъ воиновъ своихъ, что онъ щедро награждалъ вѣрную службу ихъ, что давалъ для нихъ веселые праздники во дворцѣ своемъ. На этихъ празникахъ, Великій Князь и семейство его угощали отъ души гостей своихъ и не сердились даже и тогда, какъ эти гости отъ большихъ кружекъ вина и меда дѣлались очень веселы; и говорили смѣло все, что думали.

Такъ, на примѣръ, однажды они сказали, что стыдно славному Государю Рускому подавать за столомъ своимъ деревянныя ложки. Владиміръ, услышавъ это, приказалъ сдѣлать для нихъ серебряныя, и сказалъ при этомъ случаѣ: „*Серебромъ и золотомъ не достанешь вѣрной дружины, а съ нею, я достану много серебра и золота.*“

Вы видите, милыя дѣти, какъ Цари Рускіе были всегда добры и ласковы къ своимъ подданнымъ. Вы съ восхищеніемъ смотрите теперь, когда Государь милостиво разговариваетъ въ лагерѣ подъ Петергофомъ съ маленькими кадетами и заслужеными воинами; вы удивляетесь этой рѣдкой снисходительности и можетъ быть думаете, что прежде никогда этого не бывало. Нѣтъ, милые друзья мои, любовь къ народу была всегда врожденнымъ чувствомъ нашихъ Государей. Но за то какъ и народъ всегда любилъ ихъ! Вы вѣрно замѣтили это въ то время, когда читали, что воины Святослава хотѣли съ ра-

достію умереть вмѣстѣ съ нимъ, при Доростолѣ. Вы замѣтили это и тогда, какъ по одному повелѣнію Владиміра весь народъ крестился въ вѣру Христіанскую, и изъ любви къ Государю, рѣшился оставить прежнихъ боговъ своихъ. Вы увидите эту любовь и потомъ, во все продолженіе нашей исторіи, вы найдете ее и въ юныхъ сердцахъ вашихъ, которыя такъ сильно и весело бьются всякой разъ когда вамъ случается видѣть прекрасныхъ Дѣтей нашего добраго Государя! Въ привѣтливыхъ поклонахъ, въ ласковыхъ взорахъ Ихъ, видите вы ясный отвѣтъ на любовь вашу. Берегите эту драгоцѣнную любовь, милыя дѣти: въ ней заключается счастіе жизни вашей и слава отечества вашего!

Таблица V.

Семейство В. К. Владиміра I Святославича:

Супруги: 1. Чехиня.
2. Рогнѣда, княжна Полоцкая.
3. Гречанка, вдова Ярополка.
4. Чехиня вторая.
5. Болгарка.
6. Анна Греческая Царевна.

Сыновья:

a. Святополкъ.
b. Вышеславъ.
c. Изяславъ.
d. Ярославъ.
e. Всеволодъ.
f. Святославъ.
g. Станиславъ.
h. Позвиздъ.
i. Борисъ.
j. Глѣбъ.
k. Мстиславъ.
l. Судиславъ.

НЕБЛАГОДАРНОСТЬ.

Отъ 1015 до 1019 года.

(Пер. 4 лѣтъ.)

То, что предчувствовалъ Владиміръ предъ смертію своею — исполнилось: несчастія дѣтей его, и Россіи, начались прежде нежели его прохоронили. Племянникъ его, Святополкъ, котораго онъ назвалъ старшимъ сыномъ своимъ, былъ во время кончины его въ Кіевѣ. Этотъ гордый, злой и хитрой Князь, не могъ никогда простить Владиміру убіенія отца своего Ярополка, и не смотря на всѣ благодѣянія, которыми Великій Князь осыпалъ его, и которыми старался загладить преступленіе своей молодости, Святополкъ оставался всегда непримиримымъ врагомъ дяди. Какъ скоро онъ узналъ о смерти его, тотчасъ объявилъ народу, что онъ Государь Кіевскій и от-

правилъ четырехъ злодѣевъ убить Бориса, любимаго сына Владиміра, котораго отецъ не задолго передъ кончиною послалъ съ войскомъ усмирять Печенѣговъ.

Борисъ былъ молодой человѣкъ прекрасный душею и тѣломъ, кроткій, благочестивый, умный и храбрый. Болѣе всего, онъ любилъ молиться Богу и пѣть священныя пѣсни Давида. Уже онъ усмирилъ Печенѣговъ и стоялъ съ войскомъ въ лагерѣ при рѣкѣ Альтѣ, когда получено было извѣстіе о смерти Владиміра и о новомъ Государѣ Кіевскомъ, Святополкѣ. Огорченный Борисъ плакалъ о нѣжно-любимомъ отцѣ, молился о душѣ его, и не думалъ обижаться тѣмъ, что двоюродный братъ его завладѣлъ престоломъ; напротивъ того, онъ даже молился за него въ ту самую минуту когда убійцы были уже въ лагерѣ и подошли къ палаткѣ его. Они услышали нѣжный голосъ Бориса, читавшаго молитвы и задрожали такъ, что должны были остановиться отъ

страха. Но голосъ скоро замолкъ: Борисъ кончилъ молитву и легъ въ постель. Тогда злодѣи сдѣлались опять смѣлы: они вбѣжали въ палатку, убили добраго Князя и вѣрнаго Отрока (*) его Георгія. Святополкъ наградилъ четырехъ убійцъ, которые такъ удачно исполнили его порученіе и можетъ быть, ихъ же отправилъ къ другому сыну Владимірову, Князю Муромскому Глѣбу. И этотъ Князь, во всемъ похожій на брата своего Бориса, и искреннѣйшій другъ его, былъ также убитъ, подкупленнымъ злодѣемъ, который назывался *Торчинъ*. Тѣло его положено было вмѣстѣ съ тѣломъ Бориса и оба брата признаны церковью нашею *Святыми.*

Но для жестокаго Святополка казалось еще мало погубить двухъ братьевъ: онъ приказалъ убить и третьяго,—Святослава, Князя Древлян-

(*) *Отроками* назывались тѣлохранители Князей.

скаго. Такія злодѣйства не могли оставаться долго безъ наказанія. Ярославъ, Князь Новгородскій, отмстилъ убійцѣ трехъ братьевъ своихъ. Онъ нанялъ Варяговъ и вмѣстѣ съ ними и Новгородцами пришелъ къ Кіеву, и на поляхъ Альты, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погибъ Святый Борисъ, побѣдилъ неблагодарнаго брата своего.

Святополкъ убѣжалъ далеко отъ отечества, въ густыя лѣса Богеміи, но и тамъ, сдѣланныя имъ преступленія безпрестанно представлялись ему; мысль о нихъ такъ мучила совѣсть его, что наконецъ онъ лишился разсудка и умеръ на чужой сторонѣ, безъ родныхъ и друзей. Никто не плакалъ и даже не сожалѣлъ объ этомъ несчастномъ Князѣ, и всѣ назвали его *Окаяннымъ*.

Таблица VI.

Семейство В. К. Святополка I. Владиміровича *Окаяннаго*:

***Супруга:* Дочь Короля Польскаго Болеслава I.**

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ I-й ВЛАДИМІРОВИЧЪ.

Отъ 1019 до 1054.

(Пер. 35 лѣтъ.)

Ярославъ Новогородскій, побѣдивъ Святополка, вошелъ въ Кіевъ и сдѣлался одинъ Великимъ Княземъ почти всей Россіи. Только два Княжества не принадлежали ему: *Тмуторокан́ское*, лежавшее на берегу Азовскаго моря, и *Полоцкое*. Въ первомъ княжилъ, послѣдній, оставшійся въ живыхъ, братъ его Мстиславъ, прозванный *Удалымъ*, а Полоцкою областію владѣли дѣти старшаго брата его Изяслава, того самаго, который, будучи еще ребенкомъ, спасъ мать свою, Рогнѣду, отъ гнѣва Государева и смерти.

Мстислава не даромъ называли *Удалымб*: онъ былъ очень храбръ, силенъ и любилъ войну. Народы, жившіе около владѣній его, скоро испытали это: онъ побѣдилъ Козаровъ и Касоговъ, и прослылъ такимъ знаменитымъ побѣдителемъ, что ему казалось уже стыдно, быть Государемъ одной только Тмутороканской области! Онъ пошелъ съ покоренными народами къ Кіеву. Ярославъ прибѣгнулъ опять къ храбрымъ помощникамъ своимъ, Варягамъ, и вмѣстѣ съ ними и съ своею собственною дружиною, встрѣтилъ брата у города *Листвена* въ Черниговской Губерніи. Началось сраженіе. Богъ, какъ будто бы для того, чтобъ показать какъ гнѣвитъ Его ссора двухъ братьевъ, покрылъ все небо черными тучами; яркія молніи безпрестанно сверкали, дождь съ шумомъ лилъ на сражавшихся! Но они ничего не видѣли и не слышали: всѣ мысли ихъ были заняты битвою! И за то эта битва была отчаянная! Оба войска были храбры;

ни одно не хотѣло уступить другому побѣды; наконецъ, однакожъ, счастливый Мстиславъ, никогда не знавшій неудачь и въ этотъ разъ остался побѣдителемъ! Но онъ не поступилъ такъ, какъ поступали въ то время всѣ люди храбрые и сильные: онъ не воспользовался своимъ счастіемъ, не присвоилъ себѣ всего владѣнія брата, но предложилъ ему помириться и раздѣлить Россію на двѣ части: Ярославу, какъ старшему, онъ отдалъ *Кіевъ*; себѣ взялъ — *Черниговъ*. Днѣпръ былъ границею между владѣніями ихъ: всѣ земли, лежавшія по лѣвую сторону этой рѣки, принадлежали Мстиславу; — всѣ другія, на правой сторонѣ — Ярославу.

Настало спокойное время для Россіи: примирившіеся братья уже никогда болѣе не ссорились, но оба старались о счастіи своихъ подданныхъ. Чрезъ десять лѣтъ послѣ ихъ мира, Мстиславъ заболѣлъ и скоро скончался. Послѣ него не осталось наслѣдниковъ

и Ярославъ, получивъ въ свое владѣніе всю часть брата, сдѣлался одинъ Государемъ Россіи.

Въ его княженіе, отечество наше очень прославилось: онъ былъ Князь умный, храбрый, богобоязливый, справедливый, который старался не столько о завоеваніяхъ и побѣдахъ, сколько о счастіи своего народа; и какъ онъ зналъ, что нельзя быть счастливымъ безъ вѣры въ Іисуса Христа и просвѣщенія, то старался, чтобы подданные его были истинными Христіанами; велѣлъ переводить священныя книги съ Греческаго на Славянскій языкъ, даже списывалъ самъ многія изъ нихъ для народнаго употребленія; заводилъ училища въ городахъ своихъ; уговаривалъ подданныхъ отдавать туда дѣтей, вызывалъ изъ иностранныхъ Государствъ художниковъ для украшенія церквей и дворцовъ Кіевскихъ; собралъ всѣ законы, по которымъ предки его управляли землею Рускою, и приказалъ написать ихъ: это была первая книга

законовъ Рускихъ; она есть еще и теперь, и называется *Рускою Правдою*. Однимъ словомъ, слава имени Ярославова была такъ велика, что и отдаленные Государи уважали знаменитаго Князя Рускаго, и почитали честію быть его союзниками и родственниками: Король Французскій, Генрихъ I, женился на одной изъ дочерей его, Княжнѣ *Аннѣ*; другая была за Королемъ Венгерскимъ, а третья за Принцемъ Норвежскимъ.

Казалось, что Ярославъ—видѣвшій собственными глазами, что Россія только тогда можетъ быть сильна и счастлива, когда управляется однимъ Государемъ—никогда уже не раздѣлитъ ее на нѣсколько частей, но случилось иначе, и—Ярославъ, удивлявшій всѣхъ своимъ благоразуміемъ—отдалъ государство пятерымъ сыновьямъ своимъ! Онъ думалъ, что родительскія наставленія его удержатъ ихъ отъ ссоръ даже и тогда, когда его не будетъ на свѣтѣ, и потому, предъ смертію, долго говорилъ съ ними; напомнилъ имъ, сколько

несчастій терпѣли предки ихъ отъ несогласій, просилъ ихъ не забывать, что они всѣ, какъ дѣти одного отца и матери, должны искренно любить другъ друга; приказалъ имъ слушаться во всемъ старшаго брата, какъ отца и государя, и умеръ спокойно, думая что они никогда не забудутъ завѣщанія родительскаго.

Ему было болѣе семидесяти лѣтъ. Народъ искренно плакалъ о славномъ Государѣ, который такъ много заботился о его пользахъ и счастіи; но всѣхъ болѣе плакали Новгородцы: Ярославъ особенно любилъ ихъ, за вѣрную службу и привязанность къ нему. Онъ далъ имъ многія преимущества, какихъ не имѣли другіе подданные его и даже позволилъ имъ самимъ, выбирать Князей своихъ. Прошло много вѣковъ — и Новгородцы все еще помнили и любили незабвеннаго Князя своего, все еще пользовались тѣми выгодами, какія онъ доставилъ имъ, все еще на-

зывали *Дворомъ Ярослава* то мѣсто, гдѣ собирались для совѣта о дѣлахъ своихъ.

Таблица VII.

Семейство В. К. Ярослава I Владиміровича:

Супруга: Ингегерда, Королевна Шведская, въ крещеніи *Ирина*.

Сыновья: 1. Владиміръ.
2. Изяславъ.
3. Святославъ.
4. Всеволодъ.
5. Вячеславъ.
6. Игорь.

КУДЕСНИКИ.

Опъ 1054 до 1077 года.

(Пер. 23 лѣтъ)

Вѣрно никто изъ васъ, милыя дѣти, не повѣритъ теперь глупымъ сказкамъ о колдунахъ и волшебникахъ, если бы и вздумалось какой нибудь простодушной нянюшкѣ или шалуну-товарищу попугать васъ ими? Вѣрно всѣ вы понимаете уже, что чудесныя штуки, которыми удивляютъ насъ въ деревянныхъ театрахъ у качелей, на масляницѣ и Святой недѣлѣ, дѣлаются проворствомъ и ловкостью, а не волшебствомъ. Но не такъ разсудительны были въ этомъ случаѣ—предки наши! Всякой хитрый человѣкъ, который зналъ болѣе ихъ и умѣлъ пользоваться

ихъ незнаніемъ—могъ обмануть и напугать ихъ. Однакожъ, мы не должны порицать ихъ за то, Теперь намъ не мудрено не быть суевѣрными; съ самыхъ малыхъ лѣтъ насъ учатъ, что есть Богъ, который заботится какъ отецъ о всѣхъ людяхъ, что подъ защитою Его и не дѣлая ничего дурнаго, мы ничего не должны бояться, что никакихъ волшебниковъ и колдуновъ, нѣтъ на свѣтѣ. Но добрые предки наши могли думать иначе! тогда еще не прошло ста лѣтъ, какъ они начали креститься изъ прежней, языческой вѣры своей въ христіанскую; а эта прежняя вѣра ихъ, была наполнена такими вздорными сказками, что совсѣмъ неудивительно, если, привыкнувъ съ малолѣтства вѣрить имъ, они вѣрили и колдунамъ. Конечно съ тѣхъ поръ, какъ Рускіе узнали вѣру въ Іисуса Христа, они начали просвѣщаться; но скоро ли это просвѣщеніе могло разойтится по всему отечеству нашему? Оно всегда было очень велико и долго

еще въ разныхъ областяхъ его были безразсудные люди, вѣрившіе расказамъ о прежнихъ, славныхъ волшебникахъ, которые у язычниковъ были въ величайшемъ почтеніи. Дурные люди пользовались этимъ легковѣріемъ и, называя себя кудесниками или колдунами, безсовѣстно обманывали бѣдный народъ, который, чтобъ избавиться отъ колдовства ихъ, отдавалъ имъ съ радостію все что имѣлъ лучшаго.

Но самые злые изъ такихъ обманщиковъ, были два злодѣя, называвщіе себя кудесниками, и явившіеся около 1070 года въ городѣ Ростовѣ, во время случившагося тамъ голода. Они увѣряли людей, будто бы голодъ происходитъ отъ того, что женщины скрываютъ въ тѣлахъ своихъ хлѣбъ, рыбу и медъ. Можете ли вы представить себѣ, милыя дѣти, что нашлось множество людей, которые повѣрили такимъ глупостямъ и почитая многихъ несчастныхъ женщинъ колдуньями, мучили и убивали ихъ.

Къ счастію, въ то самое время, когда эти два злодѣя дѣлали такіе ужасы въ Ростовской области, пріѣхалъ туда храбрый и умный воевода Янъ, сынъ славнаго Вышаты, полководца Ярославова. Онъ услышалъ о злыхъ кудесникахъ и велѣлъ представить ихъ къ себѣ, но они испугались его и убѣжали въ Бѣлозерскъ. Онъ поѣхалъ и туда за ними. Бѣлозерскіе жители видно были умнѣе Ростовскихъ: они не побоялись схватить колдуновъ и представили ихъ къ Яну.

Янъ долго разговаривалъ съ ними, старался вразумить ихъ, какой страшный грѣхъ они дѣлали, губя беззащитныхъ женщинъ, но видя упрямство, съ которымъ они спорили съ нимъ и злость, съ которою они защищали прежнихъ боговъ своихъ, Янъ, для общаго спокойствія, приказалъ повѣсить ихъ. На другой день медвѣдь влѣзъ на дерево, гдѣ они были повѣшены, и съѣлъ тѣла ихъ.

Еще одинъ кудесникъ явился въ Новгородѣ, въ то время, когда тамъ былъ Княземъ, молодой и благочестивый Глѣбъ, сынъ Святослава Ярославича. Этотъ новый кудесникъ отговаривалъ людей креститься въ вѣру христіанскую, и успѣлъ такъ прельстить чудесами своими Новгородцевъ, что они собрались на главной городской площади и хотѣли убить Епископа, т. е. начальника всего духовенства въ Новгородѣ. Епископъ не испугался, но взялъ въ руки крестъ и вышелъ къ народу, спрашивая: *Кто за него, и кто со мною?* Князь Глѣбъ, видя что никто изъ народа нейдетъ прикладываться къ кресту, подошелъ очень близко къ колдуну и спросилъ у него: „Знаешь ли ты то, что будетъ завтра?„ Все знаю, отвѣчалъ кудесникъ. Стало быть ты знаешь и то, что случится съ тобою сегодня?„ спросилъ опять Князь. — Я сдѣлаю много чудесъ! вскричалъ мнимый волшебникъ. Въ эту самую минуту Глѣбъ отсѣкъ ему голо-

ву топоромъ. Эта рѣшительность смѣлаго Князя спасла отъ многихъ несчастій народъ, который, увидѣвъ собственными глазами безсиліе мнимаго колдуна и славу Князя, вѣрившаго истинному Богу, понялъ обманщика и спокойно разошелся по домамъ.

Были и такіе дурные люди, которые пугали народъ разными глупыми предвѣщаніями, на примѣръ, говорили будто бы земля перевернется, рѣки начнутъ течь назадъ, и всѣ земли перейдутъ изъ одного мѣста въ другое, такъ что гдѣ была Россія—тамъ будетъ Греція, а гдѣ была Греція, тамъ будетъ Россія. Иные люди смѣялись надъ такими предсказаніями; другіе вѣрили имъ и тревожились, потому что въ тѣ времена думали, что всякое необыкновенное происшествіе предвѣщало что нибудь дурное. Эта несправедливая мысль утвердилась въ народѣ еще болѣе въ то несчастное время, когда послѣ смерти Ярослава отечество наше опять раздѣлилось, и страдало отъ

безпрестанныхъ ссоръ Князей своихъ. То въ одной области люди гибли отъ войны за какую нибудь небольшую обиду, сдѣланную Государю ихъ, братомъ его; то въ другой, отъ набѣга сосѣднихъ народовъ, которые умѣли пользоваться слабостію несогласныхъ жителей; то въ третьей—отъ голода; а этотъ голодъ очень часто случался отъ того, что всѣ взрослые люди уходили на войну, и некому было обработывать полей? Такія несчастія могли быть предсказаны предкамъ нашимъ не одними хитрыми обманщиками, но каждымъ человѣкомъ, видѣвшимъ что государствомъ ихъ правили пять Государей! Изъ этихъ пяти сыновей Ярославовыхъ—которыхъ имена были: *Изяславъ*, *Святославъ*, *Всеволодъ*, *Игорь* и *Вячеславъ*—старшій, Изяславъ, былъ Великимъ Княземъ, другіе же четверо—Удѣльными Князьями. Кромѣ того,—вы помните, что было еще особенное Княжество Полоцкое, принадлежавшее потомкамъ Рогнѣды или Гориславы.

Въ это время былъ тамъ Государемъ молодой и храбрый Князь Всеславъ.

Всѣ эти шесть Государей Рускихъ жили очень несогласно другъ съ другомъ. Всеславъ ненавидѣлъ родственниковъ своихъ и называлъ себя законнымъ наслѣдникомъ Великаго Княжества, потому что дѣдушка его былъ старшій сынъ Св. Владиміра. Ярославичи такъ же ссорились другъ съ другомъ за наслѣдственныя области: каждому хотѣлось имѣть болѣе другихъ. Великій Князь Изяславъ принужденъ былъ даже два раза бѣжать изъ Россіи и просить помощи у чужихъ Государей. Онъ возвратился въ отечество только тогда, какъ уже изъ четырехъ братьевъ его, остался въ живыхъ только одинъ, Всеволодъ. Этотъ добрый братъ, узнавъ о возвращеніи Изяслава, встрѣтилъ его съ войскомъ, какъ Государя, далеко отъ столицы; привезъ съ торжествомъ въ Кіевъ, уступилъ ему Великое княженіе и самъ доволенъ былъ только Черниговскою областію.

Но несчастный Изяславъ не надолго успокоился: черезъ годъ послѣ возвращенія своего въ отечество, онъ убитъ былъ въ сраженіи съ племянниками: *Олегомъ Святославичемъ* и *Борисомъ Вячеславичемъ.*

Таблица VIII.

Семейство В. Кн. Изяслава Ярославича:

Супруга: **Королевна Польская** *Мечислава.*

Сыновья: 1. **Мстиславъ.**
2. **Михаилъ.**
3. **Ярополкъ.**
4. **Юрій.**

ССОРЫ КНЯЗЕЙ.

Отъ 1077 до 1097 года.

(Пер. 20 лѣтъ.)

Вы, конечно, удивляетесь, милыя дѣти, что Великій Князь Изяславъ Ярославичь умеръ въ сраженіи съ племянниками? Но къ несчастію, это была правда: примѣру отцовъ слѣдовали и дѣти, и какъ несогласно жили между собою сыновья Ярослава, такъ точно и внуки его. Самые примѣчательные изъ нихъ были: *Святополкъ*, сынъ Изяслава, *Олегъ* и *Давидъ*, сыновья Святослава; *Владиміръ*, сынъ Всеволода; *Давидъ*—Игоря; *Борисъ*—Вячеслава, и еще внуки шестаго сына Ярославова, умершаго въ молодыхъ лѣтахъ: *Володарь* и *Василько* Ростиславичи.

Знаменитѣйшими изъ этихъ Князей были *Олегъ* и *Владиміръ.* Богъ одарилъ ихъ самыми хорошими способностями: они были очень умны, храбры, великодушны. Владиміръ получилъ даже за военныя заслуги свои, названіе *Мономаха.* Это значитъ по Гречески: *Единоборецъ.* Въ послѣдствіи вы еще болѣе услышите объ этомъ славномъ Князѣ. Но всѣ достоинства его и Олега много теряли отъ того, что они не любили другъ друга, и жили совсѣмъ не такъ, какъ должны бы жить двоюродные братья. Ахъ! милыя дѣти, научитесь изъ примѣра ихъ, какъ вредно несогласіе въ семействѣ! Сколько радостей оно отнимаетъ у насъ въ жизни, сколько славы—по смерти! Если бы не это несогласіе, мы восхищались бы теперь прекрасными дѣлами двухъ знаменитыхъ героевъ своего времени! Мы гордились бы ими, — потому что они были, также какъ и мы—Рускіе! — Но теперь, не всѣ дѣла ихъ можно назвать прекрасными: стараясь изъ

ненависти вредить другъ другу, они часто употребляли средства несправедливыя. Сказать правду, нельзя слишкомъ много обвинять ихъ, потому, что не рѣдко сами отцы и дяди ихъ поступали несправедливо. Такъ Изяславъ и Всеволодъ лишили нѣкоторыхъ изъ молодыхъ племянниковъ своихъ, наслѣдственныхъ владѣній отцовъ ихъ. Обиженные Князья удалились въ отдаленную область Тмутороканскую, и думали какъ бы отмстить дядьямъ за обиду. Скоро они нашли къ тому средство.

Вы помните, милые читатели мои, страшныхъ Печенѣговъ, которые дѣлали столько зла нашимъ предкамъ, при Игорѣ и Святославѣ? Со временъ Св. Владиміра, прогнавшаго ихъ далеко отъ своего государства, не слышно было объ этихъ непримиримыхъ врагахъ Россіи; но при Изяславѣ I-мъ Ярославичѣ, явился на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они жили, другой народъ одного съ ними племени и одинакихъ свойствъ. Этотъ народъ были — Половцы. Они

были также злы, также дики и необразованны, какъ Печенѣги. Всякой, кому нужны были безжалостные воины, могъ нанимать ихъ, и за деньги они готовы были драться даже съ родными братьями.

Вотъ съ ними-то, молодые, обиженные Князья надѣялись отмстить дядямъ, и двое изъ нихъ, Олегъ Святославичь и Борисъ Вячеславичъ, нанявъ цѣлыя толпы злыхъ Половцевъ, вступили въ Черниговское Княжество, гдѣ былъ тогда Княземъ, Всеволодъ.

Защитниками его явились: храбрый сынъ его, Владиміръ Мономахъ и братъ, Великій Князь Изяславъ. Здѣсь-то была первая ссора Олега и Владиміра; здѣсь-то, какъ вы уже слышали, былъ убитъ Изяславъ.

Встарину, послѣ смерти Государя Рускаго, наслѣдовалъ не сынъ его, но братъ. И такъ хотя Изяславъ I-й имѣлъ сыновей, но Великимъ Княземъ Кіевскимъ сдѣлался братъ его Всеволодъ I Ярославичь. Княженіе этого

Государя было очень несчастливо. Онъ былъ уже такъ старъ и такъ слабъ, что не могъ усмирять безпокойныхъ племянниковъ, которые продолжали ссориться, не смотря на то, что Всеволодъ далъ многимъ изъ нихъ удѣлы. Подпорою и помощникомъ его былъ сынъ его Мономахъ, котораго онъ сдѣлалъ Княземъ Черниговскимъ. Этотъ Князь служилъ отцу и храбростію и умомъ своимъ. Безпрестанно онъ долженъ былъ, то наказывать непослушаніе однихъ двоюродныхъ братьевъ своихъ, то мирить другихъ, то бояться третьихъ. Можетъ быть, ему не удалось бы такъ удачно управлять ими, если бы самый опасный и самый умный изъ нихъ — Олегъ, вмѣшивался также въ эти ссоры; но напротивъ того, онъ жилъ все это время очень уединенно въ области Тмутороканской, которая, находясь на берегахъ Азовскаго моря, далеко отъ всѣхъ другихъ Княжествъ Рускихъ, почиталась какъ будто мѣстомъ ссылки. Мы увидимъ потомъ,

что Олегъ не даромъ жилъ тамъ, но приготовлялся къ войнѣ за свое наслѣдство.

Между тѣмъ престарѣлый Всеволодъ, замѣчательный своимъ справедливымъ и кроткимъ нравомъ, умеръ послѣ пятнадцати лѣтъ княженія. Это былъ уже послѣдній изъ дѣтей Ярослава I-го. Наслѣдникомъ его, по тогдашнему обыкновенію, былъ *Святополкъ*, сынъ старшаго брата ихъ. Бѣдное отечество наше ни при одномъ изъ прежнихъ Государей своихъ не было такъ несчастливо какъ при этомъ Князѣ, не имѣвшемъ никакихъ хорошихъ достоинствъ. При немъ Половцы безпрестанно нападали на города и деревни Рускія, и безъ всякой жалости грабили и жгли ихъ. При немъ Олегъ, собравъ въ шестнадцать лѣтъ силы свои и нанявъ цѣлое войско Половцевъ, ворвался во владѣнія Мономаха и принудилъ этого храбраго Князя уступить и отдать ему Черниговскую область. При немъ, и даже съ согласія его, одинъ изъ Рус-

кихъ Князей сдѣлалъ такое злодѣйство, что вы ужаснетесь, любезныя дѣти, и у многихъ изъ васъ, навернутся на глазахъ слезы жалости! Послушайте и подивитесь до чего можетъ дойти злой человѣкъ!

Таблица IX.

Семейство В. К. Всеволода I. Ярославича.

Супруга: **Греческая Царевна** ***Анна*, дочь Императора Константина Мономаха.**

Сыновья: **1. Владимiръ.**

2. Ростиславъ.

СЪѢЗДЫ КНЯЗЕЙ.

Отъ 1097 до 1113 года.

(Пер. 16 лѣтъ)

Князья, сожалѣя о несчастіяхъ отечества и видя безпрестанныя ссоры свои за владѣнія, рѣшились помириться, и въ первый разъ съѣхались всѣ на совѣтъ въ городъ *Любечь*, лежавшій на берегахъ Днѣпра. Кромѣ Великаго Князя Кіевскаго, Святополка II Изяславича, пріѣхали туда: Мономахъ, Олегъ, Володарь и Василько Ростиславичи и Давидъ Игоревичъ. Они съ общаго согласія снова раздѣлили Рускія земли. *Мономаху* достались: Переяславль, Смоленскъ, Ростовъ, Суздаль и Бѣлоозеро: сыну его *Мстиславу* —Новгородъ; *Олегу*—Черниговъ; двумъ братьямъ Олега — Рязань и Муромъ;

Давиду Игоревичу — Владиміръ Волынскій; *Володарю* и *Васильку Ростиславичамъ*—два города Перемышль и Теребовль, отдѣленные отъ Волынской области и отданные сыновьямъ Ростислава по тому что прадѣдушка ихъ Ярославъ не назначилъ имъ никакого Удѣла.

Это отдѣленіе двухъ городовъ отъ Волыни, принадлежавшей отцу Давида Игоревича, было первою причиною ненависти Давида къ молодымъ племянникамъ его и особенно къ младшему Васильку, котораго всѣ прославляли за умъ, храбрость и доброе сердце. Видя на съѣздѣ уваженіе всѣхъ родственниковъ своихъ къ Васильку, прекрасному и видомъ и душой; слушая расказы о его неустрашимости, о его намѣреніи побѣдить, безъ помощи другихъ Князей, всѣхъ непріятелей отечества—и Болгаръ, и Поляковъ, и Половцевъ, — завистливый Давидъ рѣшился погубить его, чтобы избавиться отъ этихъ непріятныхъ расказовъ,

и въ то же время возвратить къ своей области, отданный Васильку — Теребовль.

Вотъ Князья, окончивъ всѣ дѣла свои на съѣздѣ и давъ клятву жить дружно и быть довольными своими Удѣлами, поѣхали въ свои области. Одинъ Давидъ Игоревичь отправился не домой, но въ Кіевъ, и тамъ напугалъ Великаго Князя, что Василько хочетъ погубить ихъ обоихъ. „Не думай, говорилъ этотъ злой Князь Святополку — чтобы Василько собиралъ войско для войны съ Поляками, какъ онъ объявилъ это нарочно на съѣздѣ— нѣтъ, онъ хочетъ напасть на тебя и на меня! Не будетъ намъ обоимъ покою, пока онъ свободенъ;—схвати его когда онъ поѣдетъ мимо Кіева и отдай мнѣ. Я ужъ справлюсь съ нимъ!„ Этого довольно было, чтобы встревожить слабаго, трусливаго Святополка: онъ повѣрилъ всему и условился съ Давидомъ какъ заманить во дворецъ бѣднаго Василька. Они послали звать

его къ себѣ въ гости въ то время, когда онъ заѣхалъ въ Кіевскій монастырь Св. Михаила, помолиться Богу.

Не подозрѣвая никакаго обмана и полагаясь на клятву, такъ недавно еще данную въ Любечѣ, молодой Князь спокойно поѣхалъ во дворецъ дяди. Святополкъ съ притворною ласкою встрѣтилъ его, привелъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ Давидъ, и вышелъ будто бы за тѣмъ, чтобы велѣть подать завтракъ. Василько остался одинъ съ злодѣемъ, начиналъ дружески говорить съ нимъ, но совѣсть такъ мучила Давида, что онъ ничего не слышалъ и ничего не отвѣчалъ, но только безпрестанно краснѣлъ и блѣднѣлъ, и наконецъ вышелъ изъ комнаты, чтобы послать убійцъ. Они тотчасъ вошли, сковали удивленнаго Василька и отвели въ темницу.

На другой день, духовенство, бояре и народъ просили Святополка не судить слишкомъ скоро Василька и прежде узнать справедливо ли обви-

няетъ его Давидъ: но Великій Князь, опять напуганный обманщикомъ, отдалъ ему въ руки несчастнаго племянника. Давидъ поручилъ двумъ конюхамъ, —своему и Святополкову—везти Василька въ Бѣлгородъ. Злодѣи пріѣхали ночью въ этотъ городъ, ввели бѣднаго Князя въ тѣсную комнату, начали при немъ острить ножъ и разостлали на полъ коверъ. Василько догадался, что хотятъ дѣлать съ нимъ убійцы и началъ противиться имъ. Тогда они призвали еще двухъ помощниковъ, связали Князя, положили его на полъ, бросили доску на грудь его и сѣли по концамъ доски, такъ что кости несчастнаго затрещали.... Этого еще мало. Пастухъ Святополковъ, бывшій тутъ же, вырѣзалъ ему глаза! Въ это время, бѣдный Князь уже ничего не помнилъ. Безчувственнаго бросили въ телегу и повезли во Владиміръ.

Ужасно было положеніе страдальца, когда дорогою онъ пришелъ въ память, и не могъ видѣть ни свѣтлаго

солнца, ни голубыхъ небесъ, ни яркихъ звѣздъ небесныхъ, ни прекрасныхъ цвѣтовъ въ поляхъ! Грустно, грустно было бѣдному Васильку, милыя дѣти! темно, очень темно предъ больными глазами, но свѣтло въ доброй душѣ его! Онъ не проклиналъ враговъ своихъ, даже не роппталъ на жестокую судьбу свою, но переносилъ терпѣливо свое несчастіе и думалъ, что Богу угодно было такимъ образомъ наказать гордое намѣреніе его: побѣдить всѣхъ враговъ Россіи безъ помощи братьевъ.

Такія смиренныя мысли имѣлъ кроткій несчастливецъ и во время своего печальнаго путешествія, и при въѣздѣ во Владиміръ, гдѣ жилъ жестокій врагъ его, и въ самой темницѣ Владимірской, куда заперли его тотчасъ по пріѣздѣ.

Между тѣмъ слухъ о такомъ ужасномъ злодѣяніи скоро разнесся по всѣмъ Рускимъ княжествамъ и заставилъ плакать всѣхъ добрыхъ Князей. Особенно огорчены были Мономахъ и Олегъ,

Они условились наказать злодѣевъ и пошли съ войскомъ къ Кіеву, требовать отвѣта отъ Святополка. Этотъ недостойный и малодушный Князь, по обыкновенію испугался, сложилъ всю вину на Давида и раскаивался только въ томъ, что скоро повѣрилъ ему. Сжалясь надъ его слезами и страхомъ, и еще болѣе надъ несчастіями отечества, Митрополитъ и старая Княгиня, вдова Всеволода поѣхали въ станъ соединенныхъ Князей, просить о томъ, чтобы они не раздирали земли Руской междоусобіемъ и помиловали Святополка. Добрый Мономахъ, привыкшій уважать и служителей Божіихъ и почтенную мачиху свою, согласился простить Великаго Князя, который обѣщалъ наказать Давида.

Но долго бы бѣдному Васильку еще томиться въ заключеніи, еслибы храбрый братъ его, Володарь не пошелъ тотчасъ въ Владимірское Княжество и не заставилъ Давида силою освободить его. Обнимая другъ друга,

эти благородные, великодушные братья христіане, простили враговъ своихъ и возвратились въ свои области. Для наказанія же Давида, Князья назначили новый съѣздъ и наказали его тѣмъ, что Владимірскую область его прибавили къ владѣніямъ Святополка, а ему дали другую.

ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ.

Отъ 1113 до 1125 года.

(Пер. 12 лѣтъ.)

Владимiръ Мономахъ во всякомъ возрастѣ умѣлъ заслуживать любовь всѣхъ окружавшихъ его. Въ дѣтствѣ своемъ, онъ былъ самый послушный сынъ, въ молодости—самый смѣлый изъ Князей на полѣ битвы; самый привѣтливый дома; самый почтительный къ родителямъ, которые въ знакъ особенной любви своей къ нему назвали его *Мономахомъ* (*); въ зрѣлыхъ лѣтахъ—

*) Греческій Императоръ Константинъ — дѣдъ Владиміра по матери, назывался *Мономахомъ*, и можетъ быть въ честь его дано было это прозваніе самому достойному изъ его внуковъ.

самый добрый Государь въ наслѣдственномъ владѣніи своемъ; самый умный совѣтникъ Великаго Князя; самый сострадательный благодѣтель бѣдныхъ; самый знаменитый побѣдитель враговъ отечества.

Слава его еще болѣе увеличилась въ послѣдніе годы княженія Святополка: онъ уговорилъ въ это время всѣхъ князей идти на жестокихъ Половцевъ, разорявшихъ Рускую землю. Владиміръ говорилъ такъ пріятно о счастіи избавить отъ опасности жизнь и имѣніе своихъ соотечественниковъ, о славѣ — умереть за родину, что всѣ Князья забыли на время ссоры свои, и съ благороднымъ усердіемъ собрали воиновъ во всѣхъ Княжествахъ. Согласіе ихъ подавало имъ надежду побѣдить, и эта надежда точно исполнилась: они побѣдили Половцевъ совершенно и заключили съ ними самый выгодный миръ. Всею славою этой побѣды, всѣми выгодами этого мира — Россія была обязана Мономаху. Народъ зналъ это

и при всякомъ случаѣ старался показать благодарность и особенную любовь свою къ Владиміру. Эта любовь была наконецъ такъ велика, что когда Великій Князь Святополкъ умеръ, жители Кіевскіе объявили, что не хотятъ слышать ни о какомъ другомъ Государѣ, кромѣ общаго любимца всѣхъ Русскихъ—знаменитаго Мономаха! Сначала онъ отказывался, потому что были другіе наслѣдники престола ближе его: *Олегъ* Черниговскій и братья его — дѣти старшаго Владимірова дяди *Святослава*, но потомъ—видя что въ Кіевѣ происходятъ ужасные безпорядки отъ безначалія—согласился на желаніе Кіевлянъ, тѣмъ болѣе, что и самъ Олегъ, старинный непріятель его и главный наслѣдникъ великаго княженія, не спорилъ съ народомъ и молчаніемъ своимъ подтверждалъ его выборъ. Такой поступокъ Олега показываетъ вамъ, милыя дѣти, какъ велики были и его достоинства: надобно имѣть очень доброе сердце, чтобъ не спорить, ког-

да нашу собственность отдают другому, и еще врагу нашему! Может быть причиной этаго были слабыя силы и старость его: но как бы то ни было, мы обязаны ему благодарностью за то, что он не начал новой войны за свое наслѣдство, и согласился видѣть на престолѣ Великокняжеском—Владиміра!

Мономах—во все время двѣнадцатилѣтняго княженія своего продолжал отличаться храбростію. Не смотря на старость свою, он усмирил еще раз Печенѣгов и двух новых народов, появившихся на Руси: *Торков* и *Берендѣев*. С его времени, эти грубые народы уже не были так страшны для Руских. Многіе из них покорились Владиміру и поселились на берегах Днѣпра. Их называли предки наши *Каракалпаками* или *Черными-Клобуками*. Это названіе произошло от того, что они носили *черныя шапки*.

Кромѣ побѣд над народами чужими и над своими непокорными Князь-

ями, Мономахъ славился и другими дѣлами. Онъ старался улучшать законы, строилъ церкви и общественные домы, обводилъ каменными стѣнами старые города, закладывалъ новые. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ *Владиміръ*, основанный въ Суздальской области и названный *Залѣсскимъ*, для отличія его отъ другаго Владиміра, бывшаго на Волыни. Не забудьте названіе этаго новаго города, милыя дѣти: онъ, со временемъ будетъ очень примѣчателенъ.

Но чтобъ вы поняли совершенно, каковъ былъ Владиміръ Мономахъ, прочитайте духовное завѣщаніе его дѣтямъ своимъ. Я выпишу для васъ въ короткихъ словахъ прекрасныя наставленія, какія даетъ онъ молодымъ потомкамъ своимъ. Счастливы бы они были, если бы послѣдовали этимъ наставленіямъ! Не худо и вамъ хорошенько затвердить ихъ въ памяти: добрыя дѣти Руския найдутъ много полезнаго

въ умныхъ совѣтахъ старинняго Государя своего. Читайте же:

„Приближаясь ко гробу, благодарю Бога за долгіе дни мои: рука Его довела меня до глубокой старости. А вы, дѣти любезныя, и всякой, кто будетъ читать это писаніе, исполняйте правила, въ немъ написанныя.

„Страхъ къ Богу и любовь къ людямъ есть начало добродѣтели. Великъ Господь; чудесны дѣла Его!

„О дѣти мои! хвалите Бога! Любите также людей. Не постъ, не монашество спасетъ васъ, но благодѣяніе. Не забывайте бѣдныхъ, кормите ихъ и помните что все, что вы имѣете, принадлежитъ Богу, и поручено вамъ только на время. Будьте отцами сиротъ; судите вдовицъ сами; не давайте сильнымъ обижать слабыхъ. Не убивайте ни праваго, ни виноватаго: жизнь и душа Христіанина священны. Не призывайте напрасно имени Бога; давъ же клятву, не преступайте ее. Не оставляйте больныхъ; не страши-

тесь видѣть мертвыхъ: всѣ умремъ. Принимайте съ любовію благословеніе священниковъ; не удаляйтесь отъ нихъ; дѣлайте имъ добро, чтобъ они молились за васъ Богу.—Не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, и думайте: мы не вѣчны, *сегодня живы, а завтра въ гробѣ!* Бойтесь всякой лжи. — Почитайте старыхъ людей, какъ отцевъ, любите младшихъ, какъ братьевъ.—Въ хозяйствѣ, сами за всѣмъ смотрите, чтобы гости не осудили ни дома, ни обѣда вашего. — На войнѣ будьте дѣятельны. Тогда не время думать о праздникахъ.—Путешествуя въ своихъ областяхъ, не давайте жителей въ обиду Княжескимъ отрокамъ. Всего же болѣе почитайте гостя; и знаменитаго и простаго, и купца и Посла: гости распускаютъ въ чужихъ земляхъ, и добрую и худую объ насъ славу. Кланяйтесь каждому человѣку, когда идете мимо.—Все хорошее узнавъ, вы должны помнить; чего не узнаете, тому учитесь. — Лѣность

—мать пороковъ; берегитесь ее.—Старайтесь чтобъ солнце никогда не застало васъ въ постелѣ! Идите рано въ церковь, принести Богу молитву утреннюю: такъ дѣлалъ отецъ мой, такъ дѣлали всѣ добрые люди. Когда озаряло ихъ солнце, они хвалили Бога съ радостію. Потомъ садились думать съ дружиною, или судить народъ, или ѣздили на охоту. Такъ жилъ и вашъ отецъ. Я самъ дѣлалъ все, что могъ бы велѣть Отроку: на охотѣ и на войнѣ, днемъ и ночью, въ жаръ лѣтній и въ холодъ зимній, не зналъ покоя, не надѣялся на Посадниковъ, не давалъ бѣдныхъ и вдовъ въ обиду сильнымъ; самъ смотрѣлъ за церковью и за божественнымъ служеніемъ, за домашнимъ порядкомъ, конюшнею, охотою, ястребами и соколами.—Всѣхъ походовъ моихъ было восемдесятъ три; а другихъ маловажныхъ, не упомню. Я заключилъ съ Половцами девятнадцать мирныхъ договоровъ, взялъ въ плѣнъ и выпустилъ изъ неволи, болѣе ста лучшихъ

Князей ихъ, а болѣе двухъ сотъ казнилъ и топилъ въ рѣкахъ. — Кто ѣздилъ скорѣе меня? Выѣхавъ рано изъ Чернигова, я бывалъ въ Кіевѣ, у родителя прежде вечеренъ. — Любя охоту, мы часто ловили звѣрей съ вашимъ дѣдомъ. Своими руками, въ густыхъ лѣсахъ вязалъ я дикихъ коней вдругъ по нѣскольку. Два раза буйволъ бросалъ меня на рогахъ; олень — бодалъ; лань топтала ногами; медвѣдь прокусилъ сѣдло; лютый звѣрь однажды бросился и уронилъ коня подо мною! Сколько разъ падалъ я съ лошади! Дважды разбилъ себѣ голову, повреждалъ руки и ноги, не берегъ жизни въ юности, и не щадилъ головы своей. Но Господь хранилъ меня. И вы, дѣти мои, не бойтесь смерти, ни битвы, ни звѣрей свирѣпыхъ; но будьте мужественны во всякомъ случаѣ, посланномъ отъ Бога. Если Господь опредѣлитъ кому умереть, то не спасутъ его ни отецъ, ни мать, ни братья. Богъ лучше сохранитъ, нежели люди.„

Изъ этой духовной, милыя дѣти, вы можете видѣть и душу Владиміра Мономаха, и образъ жизни того времени. Вы вѣрно замѣтили, что Государи наши были очень усердны къ Богу, что они любили болѣе всего славиться храбростію: а жили очень просто и часто сами смотрѣли за порядкомъ церкви, дворца и даже конюшенъ своихъ.

Таблица X.

Семейство В. К. Владиміра II Всеволодовича:

Супруги: 1. Христина, дочь Шведскаго Короля Ингоря.

2. Евфимія.

Сыновья: a. Мстиславъ.

b. Изяславъ.

c. Ростиславъ.

d. Ярополкъ.

e. Вячеславъ.

f. Романъ.

g. Юрій.

h. Андрей.

i. Глѣбъ.

j. Святославъ.

ОЛЕГОВИЧИ и МОНОМАХОВИЧИ.

Отъ 1125 до 1147 года.

(Пер. 21 года.)

Олеговичами называютъ въ исторіи нашей — потомковъ *Олега; Мономаховичами*—потомковъ *Мономаха*,— двухъ знаменитыхъ Князей, которыхъ ссоры причиняли столько несчастій землѣ Руской. Несчастія еще болѣе увеличились когда начались ссоры между — этими Олеговичами и Мономаховичами.

Вы, конечно не забыли, милыя дѣти, что Владиміръ Мономахъ сдѣлался Великимъ Княземъ не потому что былъ наслѣдникомъ отца своего, но потому что народъ любилъ его и желалъ имѣть своимъ Государемъ, настоящимъ же наслѣдникомъ Всеволо-

да I-го былъ Олегъ, происходившій изъ старшаго рода. Любовь и уваженіе къ Мономаху были такъ велики, что и послѣ смерти его никто не думалъ спорить, когда Великими Князьями были *его* дѣти, а не *Олеговы*. Однакожъ эта тишина была не на долго: только на время княженія перваго сына его *Мстислава*; при второмъ же *Ярополкѣ Владиміровичѣ*, дѣти Олега заговорили о томъ, что они законные наслѣдники Кіевскаго престола, и съ этого-то времени начались безпрестанныя ссоры и несогласія ихъ съ Мономаховичами. Эти ссоры раздирали бѣдное отечество наше болѣе ста лѣтъ, и были причиною всѣхъ бѣдствій, которыя потомъ такъ опечалятъ васъ, милые читатели мои!

Сначала намѣреніе Олеговичей возвратить наслѣдственный престолъ исполнилось довольно удачно, потому что Ярополкъ Владиміровичъ былъ Князь слабый, и въ его княженіе было много безпорядковъ въ Россіи. Новгород-

цы безпрестанно бунтовали, смѣняли сами своихъ посадниковъ, изгоняли Князей своихъ и уже считали себя не подданными Государей Кіевскихъ, но людьми вольными. Сыновья Мономаха— которыхъ кромѣ Великаго Князя, было еще трое: *Вячеславъ*, *Георгій* и *Андрей*—часто ссорились съ племянниками своими, дѣтьми умершаго Мстислава Владиміровича: эти молодые Князья, по примѣру дѣдушки своего, почитали себя, а не дядей своихъ — законными наслѣдниками. Великій Князь долженъ былъ безпрестанно усмирять то Новгородцевъ, то братьевъ, то племянниковъ своихъ. Это уменьшало силы его и было такъ выгодно для главныхъ враговъ его: Олеговичей, что по смерти Великаго Князя Ярополка Владиміровича, Всеволодъ Олеговичь безъ всякаго труда отнялъ у Мономаховичей престолъ Кіевскій. Семь лѣтъ онъ владѣлъ имъ, старался быть въ мирѣ со всѣми Князьями, и особенно съ молодыми Мсти-

славичами. Сильнѣйшими врагами его были: безпокойные Новгородцы, *Георгій Владимiровичъ, Князь Суздальскій* или *Владимiрскій*, желавшій непремѣнно бышь Великимъ Княземъ и — *Князь Галицкій*.

До сихъ поръ, вы еще не слышали милыя дѣши, о Княжесшвѣ Галицкомъ. Эшо пошому чшо оно было еще новое и основано около эшаго времени *Владимiркомъ*, сыномъ Володаря, Князя Перемышльскаго, племянникомъ бѣднаго слѣпца Василька. Владимiрко, былъ смѣлый, храбрый, но шакже и жадный Князь: онъ несправедливо завладѣлъ удѣломъ племянника своего *Іоанна Берладника*, перенесъ сшолицу свою въ Галичь, лежавшій на берегахъ Днѣсшра, и эшо новое Княжесшво было пошомъ очень знаменишо. Берладникъ принужденъ былъ бѣжашь ошъ дяди въ Кiевъ и просишь защишы у Великаго Князя, кошорый принялъ его ласково. Владимiрко шакъ разсердился за эшо,

что объявилъ войну Великому Князю, и во время этой войны Всеволодъ II, скончался. Передъ смертію онъ объявилъ наслѣдникомъ своимъ роднаго брата своего, *Игоря Олеговича* и заставилъ многихъ Князей присягнуть ему еще при жизни своей.

Несчастный Игорь—не смотря на присягу--былъ Государемъ только шесть недѣль. Никто не любилъ его и почти всѣ Князья, давшіе клятву быть ему вѣрными,—измѣнили. Жители Кіевскіе также: они тайно звали къ себѣ Изяслава Мстиславича, который тотчасъ собралъ войско и пришелъ къ Кіеву. У Игоря былъ одинъ только защитникъ: братъ его Святославъ Олеговичь, но и тотъ принужденъ былъ бѣжать, когда показалось войско Изяслава, встрѣченное съ радостію народомъ Кіевскимъ. Игоря нашли завязшимъ въ болотѣ съ нѣсколькими воинами и отправили въ монастырь Переяславскій. Съ тѣхъ поръ, потомки Олеговы уже

не были болѣе Великими Князьями и Мономаховичи остались побѣдителями, но ссоры ихъ еще не скоро окончатся.

Таблица XI.

Семейство Мстислава I Владимировича:

Супруги: 1. **Христина.**

2. **Дочь Новгородскаго Посадника.**

Сыновья: a. **Всеволодъ.**

b. **Изяславъ.**

c. **Ростиславъ.**

d. **Святополкъ.**

e. **Владимiръ.**

f. **Романъ.**

Таблица XII.

Семейство В. К. Ярополка II Владимировича.

Супруга: **Елена, Княжна Ясская.**

Сынъ: **Василько.**

Таблица XIII.

Семейство В. К. Всеволода II Олеговича:

Сыновья: 1. Святославъ.
2. Михаилъ.

НАЧАЛО МОСКВЫ.

Отъ 1146 до 1155 года.

(Пер. 9 лѣтъ.)

Въ то время, когда народъ Кіевскій съ радостію встрѣчалъ новаго Великаго Князя своего, Изяслава II Мстиславича, въ отдаленной Суздальской области сбирались враги его, разсуждать о томъ, какъ бы скорѣе выгнать его изъ Кіева. Главный изъ этихъ враговъ, кромѣ дяди его, Суздальскаго Князя *Георгія* или *Юрія Владиміровича Долгорукаго* *) — почитавшаго себя законнымъ наслѣдникомъ Престола Кіевскаго, — былъ *Святославъ Олеговичъ*, братъ несчастнаго Игоря, заключеннаго

*) Георгій Владиміровичь названъ былъ *Долгорукимъ*, можетъ быть отъ того, что любилъ присвоивать себѣ чужое.

въ монастырь Переяславскій. Этотъ нѣжный братъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ счастіемъ своимъ и даже жизнію, чтобы только освободить бѣднаго Игоря изъ рукъ Изяславовыхъ. Онъ думалъ, что Георгій—отецъ семи храбрыхъ Князей, и ненавидѣвшій Великаго Князя, скорѣе всѣхъ можетъ помочь ему въ войнѣ съ Кіевомъ, и для того пріѣхалъ къ нему вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Олегомъ.

Георгій ласково принялъ и угощалъ ихъ въ новомъ городѣ своемъ *Москвѣ*. Но эта маленькая, бѣдная Москва вовсе не походила тогда на нашу нынѣшнюю бѣлокаменную, гордую Москву! Еще не прошло и года отъ ея построенія. Многіе еще и не называли ее Москвою, но *Кучковымъ*. Это названіе произошло отъ того, что прежде на мѣстѣ, гдѣ она построена, было нѣсколько селъ и деревень богатаго боярина, *Степана Ивановича Кучка*. Георгій былъ недоволенъ какимъ-то дерзкимъ поступкомъ это-

го боярина и приказалъ убить его, а села взять въ казну.

Чрезъ нѣсколько времени онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ любимымъ сыномъ своимъ, прекраснымъ и храбрымъ Андреемъ, посмотрѣть имѣніе убитаго боярина. Въ одной изъ деревень жили сироты Кучки: два сына и дочь. Необыкновенная красота этой молодой дѣвушки удивила обоихъ Князей: отецъ упрекалъ себя, что причинилъ несчастіе такого милаго, нѣжнаго творенія; сынъ, говорилъ съ восхищеніемъ, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ дѣвушки добрѣе прелестной сироты Кучковой, и умолялъ отца позволить ему жениться на ней. „Родитель!-говорилъ добрый Андрей —ты облегчишь этимъ горестную судьбу бѣдныхъ дѣтей, у которыхъ отнялъ отца." Георгій, нѣжно-любившій сына, не могъ отказать неотступнымъ просьбамъ его: онъ велѣлъ приготовляться къ сватьбѣ и позволилъ сыну взять къ себѣ въ службу братьевъ невѣсты. Между тѣмъ красивыя мѣста по берегамъ

рѣки Москвы такъ понравились ему, что онъ вздумалъ основать тутъ городокъ и назвалъ его по имени рѣки— *Москвою*. Андрей былъ очень доволенъ этимъ: ему казалось, что не было мѣста лучше того, гдѣ узналъ онъ милую невѣсту свою. Здѣсь праздновали свадьбу, и здѣсь-то, чрезъ нѣсколько времени потомъ, Георгій Владиміровичь угощалъ Святослава Олеговича и бояръ его, сбираясь вмѣстѣ съ ними итти къ Кіеву.

Но прежде нежели успѣли собраться защитники Игоря, этотъ несчастный Князь уже былъ взятъ силою изъ монастыря и убитъ народомъ.

Такое злодѣйство еще болѣе ожесточило Святослава Олеговича: онъ могъ подозрѣвать, что Великій Князь самъ позволилъ народу это убійство, и еще болѣе началъ просить Георгія поспѣшить походомъ.

Но Георгій, соглашаясь помогать ему, думалъ болѣе о собственныхъ выгодахъ, нежели о немъ; хотѣлъ мстить

Изяславу II-му не за Игоря, но за престолъ Кіевскій, и потому не удивительно, что онъ обращалъ мало вниманія на просьбы его, и вѣрно еще долго бы медлилъ, если бы Великій Князь не сдѣлалъ ему новой жестокой обиды: онъ напалъ съ Новгородцами на Суздальскіе города его, жегъ и разорялъ ихъ, и наконецъ выгналъ изъ Кіева сына Георгіева, Ростислава, прежняго друга своего. Все это заставило Георгія рѣшиться. Онъ выступилъ съ Святославомъ и наемными Половцами. Пять лѣтъ продолжалась эта война почти безпрестанно. Въ небольшіе промежутки мира, Кіевляне имѣли Государями своими, то Георгія Владиміровича, то Изяслава Мстиславича, то еще третьяго Князя, Вячеслава, старшаго сына Владиміра Мономаха. Этотъ послѣдній Князь имѣлъ болѣе всѣхъ права быть Государемъ Кіевскимъ, но онъ былъ тихаго, нечестолюбиваго нрава, никогда не искалъ самъ престола, но принималъ его всякій разъ когда Изя-

славъ II предлагалъ ему. Изяславъ же дѣлалъ это для того, чтобы подъ его именемъ управлять государствомъ. Вячеславъ былъ уже такъ старъ, что не могъ заниматься дѣлами и отдавалъ все во власть Изяслава Мстиславича, которому обязанъ былъ именемъ Великаго Князя. Однакожъ не смотря на старость свою, Вячеславъ пережилъ этого племянника своего! Война съ Георгіемъ еще не была окончена какъ умеръ Изяславъ II. Вскорѣ послѣ него скончался и старый Вячеславъ Владиміровичь, и тогда-то честолюбивый Князь Суздальскій достигъ своего желанія. Никто уже не спорилъ съ нимъ: какъ старшій изъ всѣхъ Князей онъ былъ законный наслѣдникъ Великаго Княжества, и Кіевляне должны были покориться ему хотя и не любили его.

Таблица XIV.

Семейство Изяслава II Мстиславича:

Супруга: Обезская Княжна.

Сыновья: 1. Мстиславъ.
2. Ярославъ.
3. Ярополкъ.
4. Владиміръ.

СВОЕВОЛЬСТВО НОВГОРОДЦЕВЪ.

Отъ 1155 до 1167 года.

(Пер. 12 лѣтъ)

Прежде нежели мы будемъ говорить о томъ, что̀ были Новгородцы при Великомъ Князѣ Георгіи Владиміровичѣ Долгорукомъ, надобно расказать вамъ, милыя дѣти, исторію ихъ гораздо ранѣе того времени.

Вы помните, что Новгородцы почти еще при самомъ началѣ Рускаго государства были уже непослушны къ Князьямъ своимъ, жившимъ въ Кіевѣ. Въ то время мудрая Княгиня Ольга усмирила ихъ. Они боялись потомъ храбрыхъ Князей: Святослава I-го, Ярослава I-го, ихъ благодѣтеля, и Владиміра Мономаха; но несогласныя дѣти

Ярослава и Мономаха, безпрестанно ссорясь между собою и стараясь вредить другъ другу всѣми возможными средствами, часто были такъ слабы, что и смирные подданные могли не слушаться ихъ! А о Новгородцахъ и говорить нечего! Они выгоднѣе всѣхъ другихъ Рускихъ, отправляли торговыя дѣла свои, не только съ сосѣдними народами, но даже съ Даніей и съ Нѣмецкими городами. Торговля доставляла имъ богатство; а богатство дѣлало ихъ гордыми. Они сочинили себѣ пословицу: *Кто противъ Бога и Великаго Новагорода?*—и дѣлали въ этомъ Великомъ Новгородѣ все, что хотѣли. Чтобы поднять тревогу въ городѣ и собрать гражданъ Новгородскихъ на совѣтъ, стоило только кому нибудь изъ нихъ ударить въ большой колоколъ, висѣвшій на *Дворѣ Ярослава.* Всѣ граждане тотчасъ сходились и разсуждали о дѣлахъ своихъ. Такое собраніе Новгородцевъ называлось *Вѣче*, а большой колоколъ *Вѣчевымъ Колоколомъ.*

Послѣ смерти Мономаха этотъ колоколъ звонилъ часто, потому что Новгородцы начали съ тѣхъ поръ очень своевольничать. Такъ при Великомъ Князѣ Ярополкѣ Владиміровичѣ, они — досадуя на Князя своего Всеволода Мстиславича, внука Мономахова, нѣсколько разъ смѣняли посадниковъ; бросили съ моста и утопили въ рѣкѣ одного изъ главныхъ чиновниковъ, наконецъ посадили подъ стражу самаго Князя своего со всемъ его семействомъ, и только тогда выпустили, какъ пріѣхалъ въ Новгородъ новый Князь, выбранный народомъ. Этотъ Князь былъ Святославъ Олеговичъ. Съ того времени Новгородцы уже не считали себя подвластными Кіевскому Государю, но назывались *вольными людьми*.

Чрезъ два года они изгнали и Святослава и призвали къ себѣ княжить Ростислава Георгіевича, сына Князя Суздальскаго. И онъ пробылъ не болѣе двухъ лѣтъ.

При Великомъ Князѣ Изяславѣ II·

Новгородцы выпросили себѣ Княземъ сына его—*Ярослава Изяславича*. Этотъ Князь былъ долѣе другихъ Государемъ ихъ, потому что они любили отца его, который пріѣзжалъ къ нимъ изъ Кіева. Народъ, давно невидавшій у себя Великихъ Князей, былъ въ восхищеніи отъ пріѣзда Изяслава, особливо когда онъ на другой день далъ пиръ всѣмъ гражданамъ, и самъ обѣдалъ вмѣстѣ съ ними. *Городище*, то мѣсто, гдѣ былъ этотъ праздникъ и теперь еще извѣстно въ Новгородѣ.

Не прошло пяти лѣтъ — и вѣтреные Новгородцы уже забыли и Изяслава Мстиславича, и сына его. Третій внукъ Мономаха, Ростиславъ Мстиславичъ, пріѣхалъ, по желанію ихъ, княжить въ Новгородѣ. Но этотъ Князь, послѣ смерти Изяслава II-го призванъ былъ Кіевлянами заступить мѣсто его при старомъ Вячеславѣ. Радуясь Великому Княжеству, Ростиславъ спѣшилъ въ Кіевъ, и оставилъ Княземъ Новгородскимъ, сына своего Давида.

Гордые Новгородцы не любили Князей, которые оставляли ихъ, хотя бы то было для престола Великокняжескаго: они тотчасъ же изгнали Давида, и выбрали Княземъ — Мстислава, другаго сына Георгіева.

Въ это самое время исполнилось самое пріятное желаніе Георгія Владиміровича. Мы говорили уже объ этомъ: онъ вступалъ съ побѣдою въ Кіевъ, послѣ смерти Вячеслава. Ростиславъ же Мстиславичъ едва успѣлъ пріѣхать въ Кіевъ, и долженъ былъ уже выѣхать и уступить силѣ Георгія. Съ досадою поѣхалъ онъ назадъ въ Новгородъ, но тамъ стоило ему большихъ трудовъ примириться съ народомъ, который раздѣлялся на двѣ стороны: одна, *торговая*, защищала новаго своего Князя — Мстислава Георгіевича; другая — *Софійская* — хотѣла прежняго — Ростислава. Добрый Мстиславъ Георгіевичъ, не желая чтобы за него проливалась кровь невинныхъ, уступилъ

престолъ свой Ростиславу и уѣхалъ ночью изъ Новгорода.

Вотъ какіе безпорядки происходили у дерзкихъ Новгородцевъ, любезныя дѣти! а они были такъ безразсудны, что не только не винили въ томъ себя, но еще величались своимъ гибельнымъ своеволіемъ! Дерзость ихъ была такъ велика, что они сами выбирали и Епископа своего!

Ростиславъ Мстиславичь былъ Княземъ Новгородскимъ до тѣхъ поръ, пока Кіевляне — послѣ смерти Георгія Владиміровича, въ другой разъ призвали его на престолъ свой. Уѣзжая, онъ оставилъ у нихъ сына Святослава. Безпокойные Новгородцы изгоняли и этого молодаго Князя, но чрезъ нѣсколько времени опять помирились съ нимъ.

Ростиславъ Мстиславичъ, безпокоясь объ участи этого сына, поѣхалъ незадолго до кончины своей въ Новгородъ и взялъ клятву съ подданныхъ его въ томъ, что они никогда не будутъ искать другаго Князя и *разлу-*

чатся съ Святославомъ только смертію. **Послѣ этой клятвы, Новгородцы, казалось — успокоились. Увидимъ, на долго ли?**

Таблица XV.

Семейство В. К. Георгія I. Владиміровича *Долгорукаго*:

Супруги: 1. Дочь Князя Половецкаго.
2. Ольга, въ монахиняхъ *Ефросинія.*

Сыновья: a. Ростиславъ. g. Ярославъ.
b. Андрей. h. Мстиславъ.
c. Іоаннъ. i. Василій.
d. Борисъ. j. Михаилъ.
e. Глѣбъ. k. Димитрій.
f. Святославъ.

Таблица XVI.

Дѣти **В. К. Ростислава I. Мстиславича:**

1. Романъ.
2. Рюрикъ.
3. Святославъ.

НОВОЕ ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО СУЗДАЛЬСКОЕ

или

ВЛАДИМІРСКОЕ.

Отъ 1167 до 1173.

(Пер. 6 лѣтъ.)

Когда почти всѣ Князья въ южной Россіи ссорились за престолъ Кіевскій, въ сѣверовосточной части ея, жилъ Князь еще въ молодыхъ лѣтахъ удивлявшій всѣхъ своею храбростію и умомъ. Этотъ Князь—былъ прекрасный и мужественный *Андрей*, сынъ Георгія Владиміровича Долгорукаго. Вы уже слышали о немъ, милые читатели мои, — вспомните расказъ о началѣ Москвы.

Андрей Георгіевичъ, родившійся и выросшій въ Суздальской области, не любилъ Кіева—какъ причину вѣчныхъ споровъ княжескихъ, — и рѣдко ѣздилъ туда, даже и тогда, какъ Великимъ Княземъ Кіевскимъ, былъ отецъ его Георгій. Онъ отказался и отъ новыхъ удѣловъ, какіе отецъ давалъ ему на югѣ, и уѣзжая въ послѣдній разъ изъ Кіева взялъ съ собою только образъ Божіей Матери, привезенный изъ Греціи однимъ купцомъ греческимъ, по имени Пирогощи. *) Андрей Георгіевичъ ѣхалъ изъ Кіева на родину свою въ городъ Владиміръ-Залѣсскій, основанный знаменитымъ дѣдомъ его Мономахомъ. Огорчаясь ссорами Князей, и видя, что всѣ несчастія земли Руской происходятъ отъ раздѣленія ея на многіе удѣлы, умный Андрей ѣхалъ во Владиміръ съ тѣмъ

*) Говорятъ, что этотъ образъ *Богоматери Пирогощей* писанъ Евангелистомъ Лукою. Онъ находится теперь въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ и называется *Владимірскимъ*.

намѣреніемъ, чтобы поселиться тамъ, и всѣми силами стараться перемѣнить обыкновеніе Князей, дѣлить свои владѣнія братьямъ и сыновьямъ, и по крайней мѣрѣ для дѣтей своихъ, оставить Княжество сильное и счастливое подъ властію одного Государя.

Съ такими благодѣтельными для отечества нашего мыслями, Андрей Георгіевичь подъѣзжалъ къ Владиміру съ драгоцѣннымъ образомъ Божіей Матери. За одиннадцать верстъ отъ этого города, лошадь, на которой везли образъ, вдругъ остановилась и никакъ не хотѣла идти далѣе. Князь, который —какъ и всѣ предки наши—былъ очень набоженъ и богобоязливъ, почиталъ это происшествіе—не простымъ случаемъ, но опредѣленіемъ Божіимъ: онъ велѣлъ построить на томъ мѣстѣ, гдѣ остановилась лошадь—церковь во имя Рождества Богоматери, и поставилъ въ ней образъ Ея. Потомъ построилъ тутъ дворецъ для себя и монастырь для монаховъ. Бояре и жители Влади-

мірскіе строили также домы въ любимомъ мѣстѣ Государевомъ, такъ что цѣлый городъ скоро явился около церкви. Андрей Георгіевичъ назвалъ его *Боголюбовымъ*. Онъ очень любилъ этотъ городъ, и отъ него получилъ названіе *Боголюбскаго*.

Андрей, желая видѣть всю Россію подъ властію одного Государя, и—можетъ быть желая самъ быть этимъ самовластнымъ Государемъ, не давалъ удѣловъ, ни сыновьямъ, ни меньшимъ братьямъ своимъ, Михаилу и Всеволоду Георгіевичамъ. Отъ того Владимірское Княжество его не ослабѣвало, но напротивъ того, укрѣплялось болѣе и болѣе, и было уже очень сильно, когда умеръ наслѣдникъ Георгія Долгорукаго на Кіевскомъ престолѣ — Ростиславъ Мстиславичъ. Онъ назначилъ Великимъ Княземъ — племянника своего Мстислава II Изяславича, Князя уже славнаго военными дѣлами.

Въ тоже время, вѣтреные и безсовѣстные Новгородцы, узнавъ о смер-

ти Ростислава, забыли клятву, которую дали ему, изгнали сына его Святослава и просили Великаго Князя прислать къ нимъ Государемъ сына его *Романа*. Мстиславъ II зналъ, что несправедливо было бы исполнять требованіе народа своевольнаго; зналъ, что Андрей Георгіевичъ, сильный, всѣми уважаемый Князь Суздальскій, принялъ подъ свое покровительство изгнаннаго Князя Новгородскаго,—и потому, сначала не хотѣлъ отпустить Романа въ Новгородъ, чтобы тѣмъ не разсердить Андрея, но потомъ рѣшился сдѣлать это. Еще хуже отца поступилъ молодой Романъ. Какъ только онъ пріѣхалъ въ Новгородъ, тотчасъ объявилъ новымъ подданнымъ своимъ, что будетъ мстить за нихъ всѣмъ Князьямъ, защищавшимъ прежняго Государя ихъ и пошелъ разорять города Полоцкіе, Смоленскіе и Суздальскіе.

Андрей Георгіевичъ вступился за обиженныхъ, и хотѣлъ наказать не молодаго, безразсуднаго Романа, но того,

кто несправедливо послалъ его къ Новгородцамъ: Великаго Князя Мстислава. Многіе изъ Князей были уже недовольны имъ. Андрей видѣлъ, что ему представлялся случай унизить навсегда важность Великаго Князя Кіевскаго и сдѣлаться старшимъ надъ всѣми Князьями Рускими. Онъ спѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ и уговорилъ недовольныхъ Князей итти на Кіевъ. Ихъ было одиннадцать. Каждый привелъ съ собою свое войско; главнымъ начальникомъ всѣхъ былъ Андрей Георгіевичь. Они окружили Кіевъ. Бѣдный Мстиславъ съ нанятыми Черными Клобуками защищался храбро два дня; на третій — древняя столица Олега, *мать городовъ Рускихъ*—взята была *приступомъ!* Воины союзныхъ Князей силою ворвались въ Золотыя ворота, и, къ стыду своему, забыли, что побѣжденные жители Кіева, были также какъ и они— Рускіе. Великій Князь Мстиславъ ушелъ съ братомъ своимъ въ Волынію.

Съ тѣхъ поръ Великимъ Княземъ Россіи былъ Андрей Георгіевичъ Боголюбскій. Столицею его былъ уже не *Кіевъ*—сдѣлавшійся простымъ удѣльнымъ городомъ—а *Владиміръ Залѣсскій*, городъ новый, бѣдный, но счастливый потому, что Государь любилъ его!

Таблица XVII.

Семейство В. К. Мстислава II Изяславича.

Супруга: **Дочь Якуна Новгородскаго.**

Сыновья: **1. Романъ.**

2. Святославъ.

3. Ярополкъ.

УБІЕНІЕ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКАГО.

1174 годъ.

Понимая, что всѣ несчастія Россіи происходили отъ ея раздѣленія на многія удѣльныя княжества, желая видѣть ее подъ властію одного Государя, — Андрей Боголюбскій доказалъ намъ, что былъ Князь умный. Храбрость его была также извѣстна съ самыхъ молодыхъ лѣтъ его, когда еще происходили частыя войны за престолъ Кіевскій, у отца его Георгія съ Изяславомъ II.

Но эти способности Андрея Георгіевича очень ослабѣли въ старости. Совѣсть упрекала его за разграбленіе Кіева: всякое несчастіе, случавшееся въ государствѣ его, онъ почиталъ наказаніемъ Божіимъ за грѣхи свои и

потому проводилъ большую часть времени въ молитвѣ, а государственныя дѣла поручалъ боярамъ, которые грабили и притѣсняли народъ. Бѣдный Андрей Георгіевичъ не думалъ, что такимъ поведеніемъ, онъ еще болѣе увеличиваетъ вину свою предъ Богомъ; теряетъ любовь народа и доставляетъ дурнымъ людямъ случай не бояться справедливости законовъ. Дерзость такихъ людей дошла наконецъ до того, что они сдѣлали заговоръ на жизнь Великаго Князя, т. е. сговорились убить его!

Вы вздрогнули, милые читатели мои? Точно, вы правы, и я раздѣляю вашъ ужасъ! Такія злодѣйства рѣдко случаются въ исторіяхъ народовъ, и всегда доказываютъ грубые и жестокіе нравы ихъ, необразованность и даже гнѣвъ Божій на ту несчастную страну, гдѣ онѣ происходятъ. Такъ было и съ новымъ Великимъ Княжествомъ. Послушайте, и вы ужаснетесъ еще болѣе, когда узнаете, что главными заговорщиками были родственники Го-

сударя, осыпанные его благодѣяніями.

Вы знаете, что Андрей Боголюбскій женатъ былъ на дочери боярина Кучки. Нѣжно любя прекрасную супругу свою, Великій Князь любилъ всею душею и братьевъ ея. Оба они занимали важныя мѣста при Дворѣ и жили очень счастливо. Вдругъ одинъ изъ нихъ сдѣлалъ какое-то важное преступленіе, за которое по законамъ слѣдовало наказать его смертію. Онъ думалъ, что братъ Великой Княгини избавленъ будетъ отъ этаго наказанія, или лучше сказать, онъ надѣялся на слабость Великаго Князя; но на этотъ разъ, Андрей Георгіевичъ поступилъ иначе, и чрезъ нѣсколько дней голова Кучковича была отрублена. Братъ его Якимъ, возненавидѣлъ за это Андрея и подговорилъ двадцать человѣкъ друзей и товарищей своихъ отмстить Великому Князю смертію, за смерть убитаго преступника. Злодѣи, въ числѣ которыхъ были: *Петръ*, зять Якима, *Анбалъ Ясинъ*,

казначей Князя, положили собрашься въ Боголюбовѣ, 29 Іюня, въ день Петра и Павла.

Когда Князь уже помолился Богу и легъ въ постель въ своей ложницѣ *) заговорщики тихонько вошли во дворецъ и прежде всего въ Княжескій погребъ, къ Анбалу, который напоилъ ихъ допьяна.

Въ шакомъ положеніи, злодѣи потеряли послѣдній, оставававшійся у нихъ страхъ, и съ неслыханною дерзостію и злобою перерѣзали всю стражу и подошли къ дверямъ ложницы. Князь проснулся отъ шума и спрашивалъ: кто тамъ?--,,Прокопій! отвѣчалъ одинъ изъ злодѣевъ, называя по имени любимца Княжескаго, Прокопія. ,,Отвори Государь!,, Но Андрей узналъ, что это голосъ не Прокопія, и не велѣлъ Отроку, бывшему при немъ, отворять дверей. Тогда убійцы однимъ ударомъ вышибли ихъ и ворвались въ ложницу. Несчастный Князь вскочилъ съ постели и дол-

*) Такъ называли въ то время *спальню*.

го защищался. Но онъ былъ безъ всякаго оружія, одинъ съ молодымъ Опрокомъ; злодѣи же имѣли все, что только можно было имѣть въ то время: сабли, мечи и копья, и—ихъ было двадцать человѣкъ! Они рубили и кололи его до тѣхъ поръ, пока онъ, сказавъ: „Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой!" скончался. Убійцы вышли изъ ложницы и отправились окончить грабежемъ свое ужасное преступленіе!

Богъ, принявъ на небо душу набожнаго Князя, такъ прогнѣвался на землю Рускую за это злодѣяніе, что казалось, совсѣмъ оставилъ ее. Это говорили всѣ добрые люди того времени. Они видѣли гнѣвъ Божій въ тѣхъ ужасахъ, какіе происходили послѣ кончины Государя. Убійцы его разграбили погреба и казну Княжескую, разбѣжались по городку Боголюбову, сзывали къ себѣ всѣхъ жителей, чтобы вмѣстѣ итти грабить дворецъ и домы боярскіе. Не нужно сказывать вамъ, что всѣ дурные люди тотчасъ

послушались ихъ. Ворвавшись во дворецъ, они вытащили тѣло Князя и бросили его въ огородѣ, безъ всякой одежды. Вѣрный слуга его, Козьма Кіевлянинъ, едва могъ выпросить у злаго Анбала коверъ, чтобы покрыть его и отнести въ церковь. И туда даже безумный народъ не пустилъ своего Князя! Всѣ причетники были пьяны и сторожъ велѣлъ положить тѣло на паперть. Жалко было смотрѣть и слушать какъ добрый, чувствительный Козьма, горько рыдая надъ тѣломъ и цѣлуя покрытыя кровью руки Государя, говорилъ такъ о своей горести: „О добрый Князь мой! Никто изъ слугъ твоихъ не узнаетъ тебя! тебя, который такъ ласково принималъ и угощалъ во дворцѣ своемъ всякаго, и Грека и Латина и Болгара и Еврея! А тебя и въ храмъ Божій не пускаютъ!“—

Никто не пришелъ утѣшать его: онъ плакалъ одинъ! Да и некому было раздѣлять его горесть: весь народъ

былъ въ ужасѣ и смятеніи. Одни убивали и грабили, другіе прятались отъ убійцъ и грабителей, третьи плакали объ убитыхъ. Однимъ словомъ, нельзя пересказать вамъ, милыя дѣти, всего, что происходило въ это время въ Великомъ Княжествѣ Владимірскомъ и особенно въ Боголюбовѣ! Наконецъ священники рѣшились молить Бога о прощеніи великаго злодѣянія, сдѣланнаго въ землѣ Руской. Помолясь усердно въ церквахъ, они пошли въ ризахъ, съ образами, молитвами и пѣніемъ по улицамъ. Бунтовщики испугались, вспомнили о Богѣ, Котораго они такъ прогнѣвали и усмирились. Тогда граждане и священники Владимірскіе пришли за тѣломъ несчастнаго Государя и повезли его во Владиміръ. Толпы Владимірцевъ вышли изъ города, и какъ только увидѣли вдали Княжескія знамена и услышали печальное пѣніе; всѣ заплакали и упали на колѣни. Грустно было имъ видѣть въ гробѣ того, кого они встрѣчали прежде съ радостію въ *Золотыхъ Воро-*

щахъ своихъ: Андрей Георгіевичъ почти всегда возвращался изъ походовъ своихъ съ побѣдою надъ непріятелями. Онъ построилъ у въѣзда такія же Золотыя Ворота, какія были въ Кіевѣ. Сюда въѣзжалъ онъ живой съ веселіемъ и славою; сюда ввезли его и мертваго,—и похоронили въ прекрасной Золотоверхней церкви Св. Богоматери, имъ же построенной.

Таблица XVIII.

Семейство В. К. Андрея I Георгіевича *Боголюбскаго*.

Супруга: **Улита, дочь боярина Кучки.**

Сыновья: **1. Юрій.**

2. Изяславъ.

3. Владиміръ.

4. Мстиславъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ГЕОРГІЕВИЧЬ.

От 1174 до 1176 года.

(Пер. 2 лѣтъ.)

Послѣ несчастной смерти Андрея Георгіевича всѣ подданные его: Ростовцы, Суздальцы и Переяславцы съѣхались въ городъ Владиміръ на Вѣче, т. е. на совѣтъ, кого выбрать Государемъ. Четыре Князя имѣли право быть наслѣдниками Андрея: два брата его, *Михаилъ* и *Всеволодъ Георгіевичи* и еще два сына старшаго брата его: *Ярополкъ* и *Мстиславъ Ростиславичи.*

Вѣче было шумное: съѣхавшіеся бояре и военные люди много спорили; одни хотѣли имѣть Государями; Миха-

хаила и Всеволода; другіе—Ярополка и Мстислава. Глѣбъ Святославичъ, Князь Рязанскій, одинъ изъ Олеговичей, женатый на сестрѣ Ярополка и Мстислава, старался всѣми силами, чтобы выбраны были молодые Князья, братья жены его: они всегда жили въ домѣ его, и потому онъ надѣялся, что по молодости ихъ, будетъ имѣть много власти въ Великомъ Княжествѣ. Старанія его—хотя и не на долго—имѣли успѣхъ: Ярополкъ и Мстиславъ были выбраны, но только при этомъ случаѣ, всѣ съѣхавшіеся на Вѣче изъ разныхъ городовъ бояре-избиратели перессорились, и Великое Княжество раздѣлилось на два: *Владимірское* и *Ростовское*: Въ первомъ былъ Государемъ Ярополкъ; во второмъ—Мстиславъ.

Княженіе ихъ было непродолжительно. Владимірцы скоро увидѣли, что не новый Государь, но Глѣбъ Рязанскій управляетъ ими, что не природные бояре ихъ, но только пріѣзжіе изъ Рязани и Кіева живутъ счастли-

но и весело при дворѣ Княжескомъ; что Великій Князь позволяетъ богатымъ обижать бѣдныхъ; братъ деньги не только изъ казны государственной, но даже и изъ церковной; наконецъ, что онъ отдалъ Глѣбу Святославичу Рязанскому, даже драгоцѣнный образъ Богоматери Пирогощей. Все это—и особенно послѣднее, вывело изъ терпѣнія Владимірцевъ: они увидѣли, что нечего ожидать имъ отъ Государя, такъ мало любившаго народъ свой, и по согласію съ Ростовцами отправили пословъ къ Михаилу Георгіевичу, жившему тогда въ Черниговѣ, и велѣли посламъ сказать ему такъ: „Ты внукъ Мономаха и старшій изъ Князей его рода. Иди на престолъ Боголюбскаго.„

Михаилъ былъ въ это время боленъ, однакожъ согласился на просьбы бояръ Владимірскихъ и велѣлъ нести себя на носилкахъ въ городъ Владиміръ. Вмѣстѣ съ нимъ былъ и меньшій братъ его Всеволодъ Георгіевичъ. Ярополкъ,

услышавъ о такой неожиданной новости, пошелъ на встрѣчу къ врагамъ своимъ; но ни онъ, ни пришедшій на помощь къ нему братъ его, Мстиславъ Суздальскій, не могли остановить Михаила. Хотя онъ и былъ боленъ, но за то братъ его, Всеволодъ Георгіевичъ, храбро сражался и прогналъ обоихъ племянниковъ.

Михаила внесли въ городъ какъ побѣдителя; народъ встрѣтилъ его съ радостію и веселился нѣсколько дней съ новымъ Великимъ Княземъ, который старался исправить всѣ ошибки Ярополка: отдалъ назадъ всѣ деньги, взятыя изъ церквей и выгналъ изъ Владиміра чужихъ бояръ, обижавшихъ бѣдныхъ жителей.

Ростовцы и Суздальцы просили его также быть и ихъ Государемъ. Михаилъ ѣздилъ къ нимъ, принялъ присягу и приказалъ войску приготовиться къ войнѣ, чтобы наказать Глѣба Рязанскаго. Но Глѣбъ прислалъ просить у него прощенія, и отдалъ назадъ все, что вывезъ

язъ Владиміра. Въ числѣ прочихъ вещей былъ и образъ Богоматери. Михаилъ, видя радость, съ которою народъ встрѣчалъ Святую Заступницу свою, согласился простить Рязанскаго Князя.

Кончивъ дѣло съ этимъ хитрымъ врагомъ, Михаилъ почиталъ первымъ долгомъ своимъ наказать убійцъ брата его, Андрея Георгіевича: онъ приказалъ всѣхъ ихъ утопить въ озерѣ, которое съ тѣхъ поръ называлось *поганымъ*.

Великій Князь Михаилъ вѣрно отличилъ бы себя многими славными дѣлами, но къ несчастію — болѣзнь его продолжалась, и черезъ годъ народъ Рускій лишился добраго Государя!

Таблица XIX.

Семейство В. К. Михаила I Георгіевича:

Супруга **неизвѣстна.**

Сынъ: **Глѣбъ.**

ВСТУПЛЕНІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА III.

Отъ 1176 до 1178 года.

(Пер. 2 лѣтъ.)

Владимірцы—тотчасъ послѣ смерти Михаила Георгіевича — собрались передъ Золотыми Воротами своими и выбрали Княземъ — брата Михаилова, Всеволода III Георгіевича. Но не то было въ Ростовѣ! тамъ Рязанскій Князь, Глѣбъ Святославичъ, принялся опять за прежнее, любимое ремесло свое, ссорить Князей и народъ, что бы пользоваться ихъ ссорами; и Ростовцы, по совѣту его, объявили, что желаютъ имѣть Государемъ, не Всево-

лода, но прежняго Князя своего, Мстислава Ростиславича.

Опять началась война, опять полилась кровь Руских! Глѣбъ, защитникъ Мстислава, доказалъ во время этой войны, что не имѣлъ ни какой привязанности къ отечеству, ни какой жалости къ народу: онъ нанялъ злыхъ Половцевъ и первый ввелъ ихъ въ сѣверныя области наши, гдѣ они до нихъ поръ никогда не были. Подъ начальствомъ этого жестокаго Князя, они ворвались какъ голодные волки въ овчарню, взяли Боголюбовъ, грабили церкви, жгли деревни боарскія, уводили женъ и дѣтей въ плѣнъ. Но Богъ наказалъ за это Глѣба Святославича; онъ, сынъ его Романъ и Мстиславъ Ростиславичъ, были побѣждены Великимъ Княземъ и посажены въ темницу.

Въ этой темницѣ объявили безпокойному Глѣбу, что онъ будетъ свобожденъ только тогда, какъ откажется навсегда отъ своего Княжества и

уѣдетъ жить въ южную Россію. Онъ гордо отвѣчалъ, что лучше умреть въ неволѣ, нежели согласится на такое условіе, и въ самомъ дѣлѣ вскорѣ скончался.

Рязанцы, услышавъ о несчастіи своего Князя, испугались сильнаго Всеволода и сами привезли къ нему брата Мстиславова, Ярополка Ростиславича. Народъ Владимірскій, увидѣвъ опять этого Князя, причинившаго вмѣстѣ съ братомъ своимъ столько бѣдъ въ Великомъ Княжествѣ, пришелъ въ ужасную ярость, ворвался въ темницу и ослѣпилъ обоихъ братьевъ. Неизвѣстно, не хотѣлъ, или точно не могъ Великій Князь удержать дерзость народа, сдѣлавшаго это преступленіе; мы знаемъ только то, что онъ не наказалъ злодѣевъ и отъ того нельзя почитать его совершенно невиннымъ въ этомъ дѣлѣ.

Но Ярополкъ и Мстиславъ были всѣхъ менѣе виноваты въ тѣхъ безпорядкахъ, за которые, думали наказы-

вать ихъ: они были молоды, никогда сами не начинали ссоръ, не только исполняли приказанія Глѣба, котораго привыкли слушаться, потому что выросли въ его домѣ. Богу угодно было доказать всѣмъ невинность ихъ, и вы очень удивитесь, милыя дѣти, услышавъ, что случилось съ ними.

Когда выпустили ихъ — уже слѣпыхъ изъ темницы, они отправились въ южную Россію и проѣзжая мимо Смоленска, зашли помолиться въ Смядынскую церковь Св. Бориса и Глѣба. Оба Князя были всегда очень набожны, но въ этотъ разъ они, съ особеннымъ усердіемъ молились и, помня слова Іисуса Христа, не только не проклинали враговъ своихъ, но даже простили ихъ. Богъ не оставляетъ никогда безъ награды такія добрыя сердца, и вообразите же, милыя дѣти, радость и счастіе обоихъ Князей, когда вдругъ — въ то время, какъ они уже оканчивали молитву свою — темнота, покрывавшая глаза ихъ, начала исче-

вать, и вмѣсто нее показывалось что-то похожее на прежній, прекрасный свѣтъ дня. Бѣдные Князья думали сначала, что они видятъ это во снѣ! Но вотъ уже они различаютъ образа, горящія передъ ними свѣчи, видятъ всю церковь, наконецъ узнаютъ другъ друга! Съ слезами восхищенія и благодарности, громко прославляя святое имя Господа, они упали на колѣни и обѣщались всегда быть добрыми и неслушать совѣтовъ злыхъ людей.

Это чудо разнеслось по всей Руси: всѣ полюбили Князей любимыхъ Богомъ и Новгородцы призвали ихъ быть Государями въ областяхъ ихъ: Мстиславъ началъ княжить въ самомъ Новгородѣ; Ярополкъ—въ Торжкѣ.

Такимъ образомъ всѣ успокоились, и Всеволодъ III Георгіевичъ уже безъ всякаго спора, какъ *старшій изъ Мономаховичей*, сдѣлался Великимъ Княземъ Владимірскимъ. *Старшій же изъ Олеговичей*, Святославъ Всеволодовичъ, сынъ

Всеволода II былъ въ это время Княземъ Черниговскимъ и Кіевскимъ.

ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ РУСКОЕ.

Отъ 1178 до 1185 года.

(Пер. 7 лѣтъ.)

Вѣрно многіе изъ васъ, милыя дѣти, съ восхищеніемъ слушаютъ, когда старшіе братцы или сестрицы ваши читаютъ прелестныя сказки Жуковскаго и Пушкина? Можетъ быть даже вы знаете наизусть нѣкоторыя? Припомнивъ изъ нихъ нѣсколько пріятныхъ строчекъ, прочитайте потомъ слѣдующія:

„Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ аркучи: „О вѣтре вѣтрило! чему Господине насильно вѣеши? Чему мычеши Хановскіе стрѣлки на своею нетрудною крильцю, на моея лады воевъ! Мало ти бяшетъ горъ подъ облаки вѣяти,

лелѣючи корабли на сине морѣ! Чему, Господине, мое веселіе по ковылію развѣта! О Днѣпре словутице! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозь землю Половецкую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до полку Кобякова! Возлелѣй, Господине, мою ладу ко мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано!„

Каково показалось вамъ это, милыя дѣти! Однакожъ, это также стихи, сочиненные при Великомъ Князѣ Всеволодѣ Георгіевичѣ, въ XII вѣкѣ. Они взяты изъ первой Руской поэмы, которая называется: *Слово о полку Игоревѣ*. Мы называемъ ее первою, потому что она была *первая*, до насъ дошедшая; но надобно думать, что и до того времени были поэты Руские: сочинитель *Слова о полку Игоревѣ*, говоритъ о *Соловьѣ* стараго времени, стихотворцѣ Боянѣ, который сладко пѣлъ о славѣ Князей нашихъ. Сочиненія ихъ—вѣроятно—затерялись во время безпрестанныхъ войнъ, пожаровъ и грабительствъ,

разорявшихъ нѣсшарину наше отечество.

Слово о полку Игоревѣ, значитъ повѣсть или расказъ о походѣ Игоря. Игорь былъ внукъ знаменитаго Олега Черниговскаго и Князь Новгорода-Сѣверскаго. Этотъ городъ находился въ землѣ Сѣверской, тамъ гдѣ теперь двѣ Губерніи наши: Черниговская и Полтавская. Игорь, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ былъ чрезвычайно храбръ, любилъ войну и для славы готовъ былъ съ радостію умереть. Въ 1184 году Князья южной Россіи, — изъ которыхъ главнымъ былъ Святославъ Всеволодовичъ Кіевскій — не сказавъ ни слова Игорю Сѣверскому пошли противъ злыхъ враговъ отечества — Половцевъ, и 30 Іюля одержали надъ ними славную побѣду, взяли въ плѣнъ 7000 человѣкъ, 417 Князьковъ, — въ томъ числѣ знаменитаго Кобяка, — множество прекрасныхъ лошадей Азіатскихъ и разнаго оружія. Даже самый храбрый изъ Хановъ ихъ, Кончакъ, былъ разбитъ

ками, не смотря на то, что у него было *огнестрѣльное оружіе*, которое предки наши называли *живымъ огнемъ*.

Слава о такой побѣдѣ разнеслась по всей землѣ Руской. И большіе, и маленькіе, говорили о храбрыхъ Князьяхъ; пѣвцы пѣли о дѣлахъ ихъ въ пѣсняхъ; сказочники—расказывали въ сказкахъ. Многіе завидовали такой славѣ— а всѣхъ болѣе Князь Игорь Сѣверскій. Онъ потерялъ совершенно прежнее спокойствіе и веселость свою, сердился на Князей за то, что они не пригласили его идти вмѣстѣ съ ними; думалъ только о томъ, чтобы прославиться еще болѣе ихъ, и для того, началъ вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ своимъ, Всеволодомъ Курскимъ, тайно приготовляться къ походу. Не прошло года, какъ уже оба смѣлые Князья, съ своими боярами, дружиною и наятыми Черными Клобуками пошли къ Дону. Около этой рѣки раскинуты были шатры Половецкіе. Кончакъ, такъ недавно еще разбитый Рускими и пять другихъ

Хановъ, удивились, увидѣвъ ихъ опять предъ собою. Съ ужасною злобою, съ сильнымъ желаніемъ отмстить, бросились они на нашихъ, однакожъ храбрые Князья побѣдили и принудили Половцевъ бѣжать и оставить имъ въ добычу весь станъ и даже семейства свои.

Весело пировали Князья Руские въ завоеванной землѣ и въ шатрахъ непріятельскихъ; гордо говорили: „что скажутъ теперь Князья и братья наши? Они побѣдили Половцевъ у себя, дома, и не смѣли итти въ ихъ землю; а мы уже въ ней, скоро будемъ и за Дономъ гдѣ никогда еще не были отцы наши; истребимъ всѣхъ *поганыхъ* *) и достанемъ себѣ славу вѣчную!„

Такая гордость, такое ненасытное желаніе прославиться истребленіемъ невинныхъ людей, никогда не остаются безъ наказанія. Это случилось и съ Игоремъ. Онъ хотѣлъ истребить

*) Такъ всегда Руские называли — своихъ непріятелей особенно, не-христіанъ.

всѣхъ Половцевъ, а между тѣмъ они собрали силы свои и на берегахъ рѣки Каялы *) истребили почти все войско Руское! Некому было даже принести въ отечество извѣстіе о несчастіи ихъ: всѣ оставшіеся въ живыхъ были уведены въ плѣнъ, въ томъ числѣ Князь Игорь и братъ его, Всеволодъ.

Къ счастію, случилось въ это время проѣзжать по Каялѣ какимъ-то купцамъ: имъ поручили Половцы сказать въ Кіевѣ, что теперь они могутъ обмѣняться съ Святославомъ — плѣнниками.

Получивъ это извѣстіе, всѣ Князья опечалились, Святославъ Кіевскій даже плакалъ; но никто не пошелъ выручать Князей изъ плѣна, боясь такой же участи. Однакожъ Игорь вскорѣ возвратился самъ. Одинъ крещеный Половчанинъ помогъ ему убѣжать отъ Хана Кончака, который, не смотря на жестокое сердце свое, уважалъ храб-

*) *Каяла*—называется нынѣ *Кагальникомъ*.

раго Игоря и не обижалъ его во время плѣна, но позволилъ ему жить какъ Князю, имѣть у себя слугъ, священника и забавляться ястребиною охотою. За то и Игорь не скоро согласился бѣжать отъ благороднаго непріятеля своего: только сильное желаніе увидѣть печальную супругу, дѣтей и народъ свой: заставило его рѣшиться на такой поступокъ, который онъ всегда называлъ — постыднымъ.

Кончакъ не разсердился за это на Игоря; но *упустивъ сокола, хотѣли опутать соколенка,* сказано въ *Словѣ о полку Игоревѣ:* у Игоря былъ молоденькой сынъ, Владиміръ, такой же храбрый какъ и отецъ. Онъ былъ съ нимъ въ этомъ походѣ и не отставалъ отъ отца ни въ какихъ опасностяхъ. Вмѣстѣ съ нимъ попался и онъ въ плѣнъ. Это былъ тотъ соколенокъ, котораго хотѣлъ опутать Ханъ Кончакъ. Такими словами сочинитель первой поэмы нашей, хотѣлъ сказать, что благородный Кончакъ желалъ привязать къ

себѣ молодаго Владиміра любовію и благодарностію, и сдѣлалъ это, выдавъ за него прекрасную дочь свою. Два года прожилъ молодой Князь въ новомъ семействѣ своемъ; на третьемъ—началъ просить тестя отпустить его на родину, и добрый Кончакъ согласился; Владиміръ уѣхалъ изъ земли Половецкой вмѣстѣ съ женою своею.

Вотъ этотъ несчастный походъ и плѣнъ Игоря описаны въ первомъ стихотвореніи Рускомъ. Чтобъ оцѣнить всѣ достоинства его, надобно хорошо понимать старинный языкъ нашихъ предковъ, а вы видѣли изъ нѣсколькихъ строкъ въ началѣ этой главы, что это невозможно для васъ, милыя дѣти. И такъ подождите когда вы будете постарше: тогда вы вѣрно скажете, что и самый старинный поэтъ нашъ не много уступалъ нынѣшнимъ. А до тѣхъ поръ, будьте довольны тѣми немногими строками, которыя прочли здѣсь. Я постараюсь сдѣлать ихъ болѣе понятными для васъ. Въ

нихъ описывается горесть супруги Игоревой, когда она узнала, что онъ въ плѣну у Половцевъ.

„Ярославна плачетъ рано поутру, смотря съ городской стѣны Путивля въ чистое поле: О вѣтеръ сильный! Для чего легкими крыльями своими наносишь ты стрѣлы Ханскія на воиновъ моего друга! Развѣ мало для тебя вѣять на горахъ подоблачныхъ и лелѣять корабли на синемъ морѣ?.... Для чего, о сильный, развѣялъ ты веселіе мое?.... О Днѣпръ славный! ты пробилъ горы каменныя, стремяся въ землю Половецкую; ты лелѣялъ на себѣ ладіи Святославовы до стана Кобякова: принеси же и ко мнѣ друга милаго, чтобы не посылала я къ нему рано утромъ слезъ моихъ въ синее море!„

Маленькіе читатели мои! Не правда ли, что это очень мило?

ЛИТОВЦЫ
И
РЫЦАРИ НѢМЕЦКІЕ.

Отъ 1185 до 1200 года.

(Пер. 15 лѣтъ.)

На берегахъ Балтійскаго моря, — стало быть, на западѣ Россіи, въ нынѣшнихъ губерніяхъ нашихъ: Лифляндской, Эстляндской и Курляндской — жили въ XII вѣкѣ *Литовцы* и народы *Чудскіе*, или просто *Чудь*. Потомковъ сихъ послѣднихъ, вы видите теперь, милыя дѣти, въ нашихъ Финнахъ или Чухнахъ, которые такъ часто привозятъ на рынки Петербургскіе масло, молоко, угли, дрова и разныя

другія вещи. Хотите ли вы знать, какъ попали къ намъ Нѣмцы? Послушайте.

Въ то время всѣ народы Европейскіе, принявшіе вѣру Христіанскую, очень заботились о томъ, чтобы не было нигдѣ идолопоклонниковъ. Почти въ каждомъ государствѣ были люди, которые, чувствуя истину Христіанской вѣры, такъ усердно желали сдѣлать всѣхъ Христіанами, что собирались по нѣскольку сотъ человѣкъ вмѣстѣ, и клялись стараться всѣми силами крестить всѣхъ невѣрныхъ, гдѣ бы они ни жили и защищать церковь Божію отъ всѣхъ враговъ ея. Такіе люди назывались—*Рыцарями*, а общество ихъ—*орденомъ*. Эти рыцари разъѣзжали по всѣмъ странамъ, гдѣ думали найти идолопоклонниковъ, и часто, даже силою заставляли ихъ быть Христіанами.

Чудскіе народы и Литовцы не имѣли еще никакого понятія о Богѣ истинномъ, и вотъ Христіане разныхъ государствъ пошли просвѣщать ихъ. Чаще всего приходили къ нимъ Шведы,

Датчане и Нѣмцы. Бѣдненькіе много терпѣли отъ своихъ просвѣтителей: они учили ихъ не съ тою кротостію, въ которой примѣръ показалъ намъ Спаситель нашъ, но съ жестокостію, можно сказать даже съ злодѣйствомъ: они убивали тѣхъ, которые не слушали ихъ и завладѣвъ землями убитыхъ, поселялись сами въ жилищахъ ихъ. Въ 1186 году одинъ изъ просвѣтителей, по имени Мейнгардъ, построилъ первую Латинскую церковь въ городѣ Икскулѣ, при рѣкѣ Двинѣ. Папа *) былъ такъ доволенъ усердіемъ этого Мейнгарда, что сдѣлалъ его Епископомъ Ливонскимъ и съ тѣхъ поръ Нѣмцы получили большую власть въ землѣ Литовской. Эта власть еще болѣе увеличилась въ 1197 году, когда послѣ смерти Мейнгарда пріѣхалъ изъ Германіи Епископомъ Ливонскимъ, Албертъ фонъ Бугсгевденъ. Онъ привезъ съ собою

*) Папа или Первосвященникъ, есть начальникъ всего духовенства Римско-Католическаго. Онъ живетъ въ Римѣ.

множество родственниковъ своихъ, Нѣмецкихъ купцовъ и воиновъ, чтобы поселить ихъ въ своемъ Епископствѣ, и для того заложилъ въ 1200 году городъ *Ригу*. Албертъ былъ очень уменъ и хитръ: чтобъ утвердиться еще болѣе въ Ливоніи, онъ выпросилъ у Папы позволеніе учредить военный и духовный Орденъ Рыцарей, которые бы защищали церковь Ливонскую, покоряли земли невѣрныхъ и крестили ихъ. Вотъ это и были *Меченосцы* или *Рыцари Св. Маріи*. Послѣднее названіе получили они отъ того, что церковь, которую имъ должно было защищать, была во имя Пресвятой Богородицы. Они такъ усердно помогали своему Епископу, что бѣдные Литовцы и Чудь боялись ихъ какъ огня! Изъ страха къ проповѣдникамъ, они тотчасъ соглашались креститься и быть подданными Епископа. Чтобы заставить Литовца отдать все, что было у него самое лучшее, стоило только надѣть бѣлый плащъ съ краснымъ крестомъ Рыцаря! Завы-

дѣвъ издали эту страшную одежду, идолопоклонники прятались куда только могли; многіе убѣгали въ дремучіе лѣса и оставались тамъ жить. Если кто нибудь изъ нихъ умиралъ, они плакали надъ нимъ, клали въ гробъ его пищу, питье, топоръ, немного денегъ и говорили: „Ступай бѣднякъ, въ лучшій міръ, гдѣ не тебѣ, Нѣмцы, но „ты—Нѣмцамъ, будешь приказывать!„ По этому вы можете судить, милыя дѣти, какъ во зло употребляли имя Божіе эти жестокіе рыцари Меченосцы и даже самъ Епископъ!

При такой силѣ и при такихъ злодѣяніяхъ, неудивительно, что владѣнія Епископа Рижскаго безпрестанно увеличивались и скоро нападенія рыцарей съ Литовцами на сосѣдственныя къ нимъ земли Полоцкія, Псковскія и Новгородскія сдѣлались страшны для бѣднаго отечества нашего и безъ того разоряемаго ссорами собственныхъ удѣльныхъ Князей и нерѣшительностію, можно сказать, даже слабостію

Великаго Князя Всеволода Георгіевича, который, продолжая спокойно княжить въ сѣверныхъ областяхъ Рускихъ, казалось, мало заботился о южныхъ, и совсѣмъ не думалъ, что Россія счастлива только тогда, когда зависитъ отъ одного Государя. Вмѣсто того чтобы держать въ страхѣ южныхъ удѣльныхъ Князей, онъ позволялъ имъ своевольничать до того, что наконецъ они совершенно по своей волѣ распоряжали своими владѣніями и безпрестанно отнимали ихъ другъ у друга. Самымъ смѣлымъ, сильнымъ, хитрымъ и жестокимъ изъ нихъ, былъ Романъ Мстиславичъ Волынскій, правнукъ Мстислава Великаго. Исторія о дѣлахъ его такъ велика, что надобно расказать ее въ особенной главѣ.

РОМАНЪ ВОЛЫНСКІЙ

И

КНЯЖЕСТВО ГАЛИЦКОЕ.

Отъ 1200 до 1242 года.

(Пер. 42 лѣтъ)

Ярославъ Владимірковичъ, сынъ перваго Князя Галицкаго *Владимірка Володаревича*, былъ достоинъ знаменитаго отца своего,—котораго маленькіе читатели мои конечно помнятъ, потому что онъ былъ племянникъ ослѣпленнаго Василька и основатель Галича въ княженіе Всеволода II-го. Ярославъ Владимірковичъ увеличилъ еще болѣе это новое Княжество и сдѣлалъ его страшнымъ для сосѣдей своихъ, Венгерцовъ и Поляковъ. Но за то единственный

сынъ его — Владиміръ, во все не походилъ ни на отца своего, ни на дѣда. Причиною этого было баловство матери, которая сначала позволяла ему дѣлать всѣ возможныя шалости, а потомъ не могла уже и унять избалованнаго сына! Помните это, милыя дѣти, и никогда не желайте, чтобы папенька или маменька, или кто нибудь изъ старшихъ, баловали васъ!

Не льзя описать всѣхъ безпорядковъ, какіе были при Владимірѣ, когда послѣ смерти отца, онъ сдѣлался Государемъ Галицкимъ! Вмѣсто того, чтобы заниматься дѣлами, онъ предавался невоздержанію, веселился какъ безумный. Послѣ этого, вы можете представить себѣ, что при такомъ Государѣ, бояре могли дѣлать все что хотѣли. Бѣдный народъ терпѣлъ ужасныя притѣсненія, началъ роптать и наконецъ взбунтовался. Но надобно сказать къ чести простаго народа нашего, что никогда самъ онъ не забудетъ почтенія къ Государю своему,

всегда какіе нибудь дурные люди научатъ его этому. Такъ случилось и въ Галичѣ. Самымъ близкимъ сосѣдомъ Галичанъ, былъ Романъ Мстиславичъ Волынскій, Князь гордый, хитрый, властолюбивый. Безпрестанно слыша о безпорядкахъ Владиміра, онъ зналъ, что не трудно будетъ взбунтовать недовольный народъ и заставить его изгнать слабаго Государя. Онъ надѣялся также, что Галичане, сдѣлавъ это, изберутъ непремѣнно его Княземъ своимъ.

Надежда его точно исполнилась. Владиміръ принужденъ былъ бѣжать въ Венгрію, а Романъ Мстиславичъ тотчасъ призванъ былъ Галичанами на престолъ его. Но это было не на долго.

Венгерскій Король Бела, также какъ и Романъ, хотѣлъ завладѣть Галичемъ и послалъ туда съ войскомъ сына своего Андрея, который, выгнавъ Князя Волынскаго, сдѣлался самъ Королемъ Галицкимъ. Несчастный же Вла-

диміръ былъ посаженъ въ темницу, въ Венгріи.

Но и царствованіе Андрея было непродолжительно. Всѣ Князья южной Россіи съ досадою смотрѣли, что прекраснѣйшая область въ отечествѣ ихъ была въ рукахъ у чужеземцевъ; всѣ они съ жадностію бросились отнимать ее у Венгровъ, но никто не успѣлъ въ этомъ, потому что всѣ они, по обыкновенію своему, перессорились. Андрей радовался этимъ ссорамъ и уже думалъ спокойно владѣть чужею областію, какъ вдругъ совсѣмъ неожиданно лишился ея.

Владиміръ Ярославичъ Галицкій былъ посаженъ, по приказанію Венгерскаго Короля, въ высокую башню. Ему удалось однакожъ уйти оттуда въ окно по веревкамъ, свитымъ изъ простынь и занавѣсовъ кровати. Нѣмецкій Императоръ Фридерикъ Барберусса и Польскій Король, Казиміръ Справедливый, были его покровителями. Послѣдній, даже далъ ему войско, чтобы выгнать Венгровъ

жемъ Галича. Галичане радовались эшому, пошому что новый Государь ихъ Андрей, дѣлалъ имъ еще болѣе зла нежели Владимiръ. Онъ и прiѣхавшiе съ нимъ Венгры, шакъ презирали Рускихъ, что даже въ церквахъ нашихъ дѣлали лошадиныя сшойла! Послѣ эшого, подумайше, могли ли они не радовашься возвращенiю Владимiра? Покрайней мѣрѣ, онъ былъ одной съ ними вѣры.

Владимiръ, выгнавъ Венгровъ, боялся другихъ искашелей Галича и для шого просилъ о покровишельсшвѣ Великаго Князя Всеволода Георгiевича. Онъ писалъ ему шакъ: „Будь моимъ ошцемъ и Государемъ, *я Божiй* и *швой* со всѣмъ Галичемъ, но *шолько швой*; шебѣ одному хочу повиновашься.„ Такiя слова Государя княжесшва знаменишаго, были лесшны для гордаго Всеволода, и онъ объявилъ себя защишникомъ его.

Чрезъ нѣсколько лѣшъ Владимiръ умеръ, не осшавивъ дѣшей. Тогда-шо ужасна была судьба несчасшнаго кия-

жества Галицкаго! Романъ Волынскій тотчасъ явился туда съ Поляками, которыхъ выпросилъ на помощь себѣ у Короля Польскаго. Галичане, зная жестокій нравъ этого Князя, умоляли сына Казимірова, чтобы онъ самъ управлялъ ими, или прислалъ намѣстника. Однакожъ онъ не согласился, и силою сдѣлалъ Романа — Государемъ ихъ.

Если бы бѣдные Галичане знали это, то вѣрно не показали бы Роману что такъ сильно ненавидѣли его: дорого заплатили они за эту ненависть! Съ самаго начала его княженія не проходило дня, чтобы кто нибудь изъ бояръ не былъ наказанъ. Лучшихъ изъ нихъ онъ умерщвлялъ, зарывалъ живыхъ въ землю, разстрѣливалъ и потомъ присвоивалъ себѣ имѣнія ихъ. Любимая пословица его была: „*Если хочешь ѣсть медъ, то надобно задавить пчелъ*..„ Послѣ этого, я уже не буду расказывать вамъ, милыя дѣти, ка-

ново было княженіе Романа. Вы сами поймете.

Страшный Князь Галицкій былъ жестокъ не только къ однимъ подданнымъ своимъ. Узнавъ, что тесть его и наслѣдникъ умершаго Святослава Кіевскаго, Князь Рюрикъ Ростиславичъ, замышляетъ съ Олеговичами отнять у него Галичъ, Романъ собралъ войско свое скорѣе ихъ, явился въ Кіевѣ, покорилъ всѣхъ, и тесть его съ женою и дочерью ихъ, супругою Романа, — очень нелюбимою имъ — были насильно пострижены и заключены въ одномъ изъ монастырей Кіевскихъ.

Романъ Мстиславичъ, поступивъ такъ жестоко съ бѣдною супругою своею, женился на другой. Воюя безпрестанно съ сосѣдними народами и безпрестанно побѣждая ихъ, онъ такъ прославился своими завоеваніями, что Волынскіе историки называютъ его *Великимъ* и даже *Самодержцемъ всей Руси.* Можетъ быть, стараясь загладить преступленія своей молодости

раскаяніемъ и добрыми дѣлами, онъ также какъ и Св. Владиміръ заслужилъ бы подлинно это названіе *Великаго*, но жизнь и счастіе его не были такъ продолжительны, и въ 1203 году онъ убитъ былъ въ сраженіи съ Поляками. Молодая супруга его, оставшись вдовою съ двумя маленькими сыновьями, терпѣла много горя. Старшему изъ нихъ, Даніилу, наслѣднику Романа, было только четыре, меньшему — Васильку, два года. Подумайте, милые читатели мои, что могла сдѣлать слабая женщина съ двумя малютками, противъ всѣхъ непріятелей Князя Галицкаго, которые съ нетерпѣніемъ ожидали случая отмстить ему?

Князья южной Россіи и особенно постриженный Князь Кіевскій Рюрикъ спѣшили воспользоваться смертію Романа Мстиславича, и явились въ Галичѣ. Съ другой стороны шли туда Поляки. Испуганная Княгиня съ обоими сыновьями бѣжала въ наслѣдственную область супруга своего, Владиміръ—Во-

лынскій, но и тамъ пробила недолго.

Князья Сѣверскіе, сыновья Игоря, извѣстнаго несчастнымъ походомъ на Половцевъ—сдѣлавшись съ общаго согласія Олеговичей, Государями Галицкими, требовали отъ Владимірцевъ, чтобы они выдали имъ маленькихъ сыновей Романа, или столица ихъ будетъ разрушена. Народъ хотѣлъ умертвить посла, привезшаго это извѣстіе, и просилъ Княгиню надѣяться на его защиту: но нѣжная мать, страшась одной мысли потерять милыхъ дѣтей своихъ, не рѣшилась остаться вблизи враговъ, и ночью бѣжала изъ дворца. О! маленькіе читатели мои, какъ бы вамъ жаль было видѣть эту знаменитую Государыню, пробиравшуюся въ темнотѣ по улицамъ Владимірскимъ, гдѣ она ѣзжала прежде съ такою славою и веселіемъ! Проливая слезы, вела она за руку наслѣдника прекраснаго Княжества Галицкаго, бѣднаго мальчика Даніила, который въ эту мину-

шу, вѣрно не столько жалѣлъ о престолѣ, сколько о теплой постелькѣ своей! Съ другой стороны велъ Даніила—дядька его Мирославъ, вѣрный слуга семейства своего Государя. За ними шелъ священникъ Юрій и кормилица съ малюткой Василькомъ. Подойдя къ воротамъ городскимъ, несчастные бѣглецы нашли ихъ уже запертыми, и принуждены были пролезть сквозь небольшое отверзтіе развалившейся стѣны. Долго шли они пѣшкомъ до границъ Польши. Тамъ Король Лешко Бѣлый ласково и дружески принялъ Княгиню. Судьба несчастнаго семейства такъ тронула его, что онъ обѣщалъ ему всю возможную помощь и послалъ маленькаго Даніила съ письмомъ къ Королю Венгерскому Андрею. Въ этомъ письмѣ, онъ напоминалъ Андрею дружбу къ нему Романа, отца Даніилова и приглашалъ его вступиться за изгнанниковъ и возвратить имъ наслѣдственныя владѣнія. Андрей также очень ласково принялъ маленькаго Князя, но ни тотъ,

ни другой ничего не сдѣлали въ пользу его, потому что богатые подарки Князей Сѣверскихъ, завладѣвшихъ Галичемъ, вскорѣ перемѣнили расположеніе Венгріи и Польши къ семейству Романа Мстиславича. Однакожъ вдова и сироты его жили при этихъ двухъ дворахъ, гдѣ мы не на долго оставимъ ихъ, чтобы взглянуть на то, что дѣлается на сѣверѣ Россіи.

МСТИСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЪ

ХРАБРЫЙ,

КНЯЗЬ НОВОГОРОДСКІЙ.

Отъ 1212 до 1219 года.

(Пер. 7 лѣтъ.)

Великій Князь Всеволодъ III имѣлъ много дѣтей, и по этой причинѣ предки наши называли его *Великимъ Гнѣздомъ*. Шесть сыновей его были: *Константинъ*, *Георгій*, *Ярославъ*, *Владиміръ*, *Святославъ* и *Іоаннъ*. Всѣхъ ихъ, онъ любилъ съ одинакою нѣжностію. Весело и богато праздновалъ онъ рожденіе каждаго изъ нихъ, но еще веселѣе и торжественнѣе *постриги* ихъ.

Вы удивляетесь этому слову, милые читатели мои, и вѣрно не понимаете его?

Слово: *постриги*, значило встарину праздникъ перваго обрѣзанія волосъ у мальчика, когда ему исполнится четыре года. Предки наши почитали это обрѣзаніе важнымъ обрядомъ: оно означало, что мальчикъ, которому при Епископѣ, боярахъ и гражданахъ *стригли волосы*, и котораго потомъ *сажали на лошадь* — вступалъ въ званіе гражданина и воина. Чѣмъ знатнѣе были родители, чѣмъ нѣжнѣе они любили сына, тѣмъ богаче были *постриги* малютки. Но никто не давалъ такихъ пышныхъ пировъ при этомъ случаѣ, какъ Всеволодъ III. Онъ угощалъ тогда всѣхъ Князей союзныхъ, дарилъ ихъ золотомъ, прекрасными лошадьми, дорогими одеждами; дарилъ и бояръ своихъ мѣхами, позволялъ и народу пировать и веселиться на дворѣ Княжескомъ.

Когда же всѣ сыновья Великаго Князя выросли, особенная любовь его примѣтна была ко второму сыну, Георгію. Онъ даже назначилъ наслѣдникомъ своимъ его, а не старшаго сына, Константина. Это подало причину къ

ссорѣ между братьями, которая и открылась тотчасъ послѣ смерти отца. Примирителемъ ихъ былъ *Мстиславъ Мстиславичъ Храбрый*, Князь знаменитый, добрый, великодушный. Дѣла его заслуживаютъ особенное вниманіе, и потому я расскажу вамъ исторію его нѣсколько прежде того времени, какъ онъ помирилъ двухъ братьевъ.

Вы видѣли сколько безпорядковъ происходило въ продолженіе тридцати семи-лѣтняго княженія Всеволода III-го; вы видѣли, что слабая нерѣшительность его не могла удержать въ повиновеніи Князей южной Россіи, которые вовсе не считали его Государемъ своимъ. Въ сѣверныхъ областяхъ, власть его была гораздо дѣйствительнѣе, такъ что онъ могъ держать въ страхѣ безпокойныхъ Новгородцевъ, и по волѣ своей смѣнять Князей ихъ. Гордые Новгородцы славились богатою торговлею своею. Всеволодъ Георгіевичъ зналъ, что препятствуя этой торговлѣ, всего скорѣе можно покорить

сильный Новгородъ, и точно не ошибся! Какъ скоро онъ началъ мѣшать Новгородскимъ купцамъ — торговать по Россіи заморскими товарами, а чиновникамъ — разъѣзжать по Двинской землѣ за податьми, — *вольные люди*, чтобы умилостивить хитраго Князя, принуждены были выбрать Государемъ своимъ одного изъ сыновей его, по имени Святослава. Всеволодъ только того и ждалъ, и—съ тѣхъ поръ начались несчастія Новгорода! Вмѣстѣ съ четырехлѣтнимъ Святославомъ Всеволодовичемъ пріѣхали въ Новгородъ опытные Бояре Владимірскіе, управлявшіе Новгородцами подъ именемъ маленькаго Князя. Много терпѣли несправедливостей и обидъ граждане Новгородскіе отъ этихъ пріѣзжихъ бояръ, но не смѣли жаловаться, потому что боялись терпѣть еще болѣе. Надѣясь на Бога, они ожидали помощи отъ одного Его.

Эта надежда не обманула ихъ: къ нимъ явился защитникъ, сынъ прежняго, любимаго Князя ихъ, знаменита-

го Мстислава *Храбраго*, также Мстиславъ и также названный потомъ *Храбрымъ* и *Счастливымъ*. Этотъ молодой Князь, горячо любившій свое отечество, съ печалію смотрѣлъ на безпорядки, происходившіе во всѣхъ областяхъ его, и рѣшился употребить всѣ силы свои, чтобы поправить разстройство и примирить сколько можно Князей. Дѣла было довольно—для великодушнаго Мстислава Мстиславича: безпорядки были и въ Кіевѣ и въ Галичѣ и въ Новгородѣ. Прежде всего, онъ отправился въ сей послѣдній городъ, объявилъ себя защитникомъ Новгородцевъ, которые, съ восторгомъ принимая новаго Государя, называли его своимъ спасителемъ, отцемъ, своимъ воскресшимъ Ярославомъ! Онъ усмирилъ бояръ Владимірскихъ и отправилъ ихъ вмѣстѣ съ маленькимъ Святославомъ къ Великому Князю. Потомъ защитилъ земли Новгородскія отъ нападеній Нѣмецкихъ Рыцарей и Литовцевъ, принудилъ Чудь

заплатить обыкновенную дань ея Новгороду и наконецъ, приведя все въ порядокъ, объявилъ на Вѣче, что онъ долженъ итти въ южную Россію, гдѣ жадные Венгры, Поляки и Олеговичи, безжалостно мучили бѣдныхъ жителей.

Новгородцы со слезами разстались, съ незабвеннымъ Княземъ, благодѣтелемъ отечества ихъ и призвали на престолъ свой, зятя его, Ярослава Всеволодовича. Но какъ онъ былъ непохожъ на добраго и благороднаго тестя своего! Ярославъ думалъ, что одна строгость можетъ удержать въ повиновеніи безпокойныхъ Новгородцевъ и довелъ эту строгость до такой жестокости, что во время случившагося тамъ голода, выѣхалъ со всѣмъ семействомъ своимъ въ Торжокъ и не послалъ въ столицу Новгородскую ни одного воза съ хлѣбомъ. Добрый Мстиславъ Мстиславичъ, услышавъ о дѣлахъ зятя, пріѣхалъ утѣшить Новгородцевъ. Онъ надѣялся, что успѣетъ помирить

ихъ съ Ярославомъ, но этотъ строгій Князь не хотѣлъ и слышать о мирѣ. Въ то время, отца его, Великаго Князя Всеволода III-го, уже не было на свѣтѣ, а у двухъ старшихъ братьевъ *Константина* и *Георгія* началась та ссора за престолъ Великокняжескій, о которой вы читали въ началѣ этого расказа. Войско Георгія было многочисленнѣе, и всѣмъ казалось, что побѣда будетъ на его сторонѣ. Онъ обѣщалъ помогать и меньшему брату своему Ярославу въ войнѣ его съ Мстиславомъ и Новгородцами; но въ тоже время и Мстиславъ обѣщалъ возвести Константина на престолъ Великокняжескій, если онъ поможетъ ему усмирить зятя. Константинъ Всеволодовичъ явился съ полками своими. Сначала благоразумный Мстиславъ старался всѣми силами уговорить Князей не начинать войны междоусобной, которая бываетъ всегда величайшимъ зломъ для государства; просилъ ихъ ласково признать Великимъ Княземъ старшаго брата и

возвратить Новгородцамъ взятые у нихъ Ярославомъ города. Но гордые Князья съ насмѣшкою отвѣчали, что они съ своими храбрыми Суздальцами могутъ противиться всѣмъ Рускимъ вмѣстѣ, а Новгородъ *закидаютъ и одними сѣдлами!* Послѣ такого дерзкаго отвѣта, они созвали къ себѣ въ шатры воеводъ своихъ, приказали имъ не щадить въ битвѣ никого, но убивать всѣхъ безъ разбора; и думая непремѣнно завоевать всю Россію, уже дѣлили ее между собою. Георгій назначилъ писменнымъ договоромъ, какія области достанутся братьямъ его, какія останутся за нимъ, и окончивъ эти распоряженія, послалъ сказать Мстиславу и Константину, что онъ и братъ его Ярославъ, хотятъ сражаться съ ними на Липецкомъ полѣ.

Замѣтьте, милыя дѣти, какъ Богъ всегда наказываетъ людей гордыхъ и слишкомъ надѣющихся на себя! Георгій и Ярославъ пришли на Липецкое поле, думая непремѣнно побѣдить не-

пріятелей своихъ, и — вмѣсто того, были побѣждены сами! Новгородцы и полки Константиновы, подъ начальствомъ героя Мстислава, показали рѣдкую храбрость. Непріятели вскорѣ побѣжали отъ нихъ и на каждомъ шагу оставляли мертвыхъ! побѣдители гнались за ними не щадя никого. Ярославъ ушелъ въ свой Переяславскій удѣлъ и въ гнѣвѣ умертвилъ тамъ многихъ купцевъ Новогородскихъ, а Георгій, прискакалъ во Владиміръ. Напрасно умолялъ онъ Владимірцевъ защитить его: спустя два дня пришелъ къ нимъ Мстиславъ, и все покорилось ему и Константину. Георгій, выѣзжая изъ столицы, съ горестію жаловался на Ярослава и винилъ его во всемъ несчастіи своемъ.

Но доброму Константину горестно было видѣть въ изгнаніи брата: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ призвалъ его къ себѣ, и чувствуя слабое здоровье свое, объявилъ его своимъ наслѣдникомъ.

Между тѣмъ храбрый Мстиславъ во второй разъ простился съ Новгородцами. Хотите ли послушать, милые читатели мои, какъ говорили тогда Князья Новгородскіе съ своими подданными на Вѣче ихъ? — Вотъ немногія слова Мстислава: „Кланяюсь Святой Софіи *), гробу отца моего и вамъ, добрые Новгородцы! Чужіе народы владѣютъ знаменитымъ княжествомъ Галицкимъ: я хочу изгнать ихъ. Но васъ незабуду, и желаю, чтобы кости мои лежали у Св. Софіи, тамъ, гдѣ покоится родитель мой!„

Онъ точно исполнилъ свое намѣреніе, и вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Галичь, развѣялъ какъ пыль многочисленныхъ враговъ этой несчастной земли. Главными изъ нихъ были Венгры и Поляки, которые убивъ самымъ жестокимъ образомъ Игоревичей, посади-

*) Въ Новгородѣ была главная церковь во имя Св. Софіи, покровительницы того Княжества.

ли на престолѣ ихъ двухъ соединенныхъ бракомъ дѣтей: *Коломана*, сына Короля Венгерскаго и *Саломею*, дочь Короля Польскаго.

Такимъ образомъ Венгры и Поляки уже совсѣмъ завладѣли наслѣдствомъ дѣтей Романа Мстиславича; короновали Коломана и Саломею, какъ Короля и Королеву Галицкихъ, и между тѣмъ какъ ихъ Величества занимались своими игрушками, бояре ихъ управляли, какъ хотѣли дѣлами государственными. Своевольство ихъ дошло наконецъ до того, что они хотѣли перемѣнить и Греческую вѣру Галичанъ на Латинскую, и уже выгнали нашихъ священниковъ, и принуждали всѣхъ Рускихъ сдѣлаться католиками. Вотъ это притѣсненіе православной вѣры нашей заставило Мстислава Храбраго поспѣшить какъ можно скорѣе на помощь къ бѣдному народу Галицкому.

Для героя, прославившагося дѣлами необыкновенными, не трудно было побѣдить разстроенное войско Венгровъ,

не имѣвшихъ опытнаго начальника, унять своевольныхъ бояръ, и взять въ плѣнъ маленькихъ Государей ихъ. Галичане, благословляя своего избавителя, называли его своимъ *Краснымъ Солнышкомъ*, а Епископы Рускіе, возвращенные имъ на родину, возвели его на престолъ Галицкій.

Но вы вѣрно ожидали, милыя дѣти, что добрый и справедливый Мстиславъ отдастъ это княжество Даніилу, законному наслѣднику Романа, и я ожидала и очень желала этаго, потому что Даніилъ, еще будучи ребенкомъ, подавалъ отличными качествами своими прекрасную надежду быть со временемъ Княземъ знаменитымъ. Но Мстиславъ Храбрый имѣлъ тотъ недостатокъ, который имѣютъ почти всѣ добрые и откровенные люди: онъ былъ легковѣренъ, и никогда не умѣя лгать, думалъ, что и всѣ люди говорятъ правду. Хитрые бояре Галицкіе, подкупленные Венграми, старались воспользоваться этою слабостію и увѣ-

рили его, что народъ не любитъ Даніила, и что миръ съ Королемъ Венгерскимъ гораздо выгоднѣе для Галича нежели война съ нимъ. Мстиславъ сожалѣлъ объ этомъ, потому что любилъ Даніила и даже отдалъ за него дочь свою, но чтобы не ссориться съ Венграми, не только отпустилъ въ Венгрію *Коломана* и *Соломею,* но и сговорилъ другую дочь свою за меньшаго сына Короля Венгерскаго и обѣщалъ дать за нею въ приданое Галичъ. Это была важная ошибка Мстислава, ошибка, которая причинила вскорѣ новыя бѣды Галичанамъ!

Даніилъ Романовичъ, уважая тестя, не роптаалъ на него и остался Княземъ только въ Волыніи.

Таблица XX.

Семейство В. Кн. Всеволода III-го Георгіевича:

Супруга: неизвѣстна.

Сыновья: 1. Константинъ.
2. Георгій.
3. Ярославъ.
4. Владиміръ.
5. Святославъ.
6. Іоаннъ.

НАШЕСТВІЕ ТАТАРЪ.

Отъ 1219 до 1238 года.

(Пер. 9 лѣтъ)

Милыя дѣти! если читая эту исторію, вы часто жалѣли о несчастіяхъ бѣднаго отечества нашего; если васъ точно огорчало то, что должны были терпѣть добрые предки наши,— то приготовтесь плакать теперь: ни злые кудесники, ни дикіе Печенѣги и Половцы, ни появившіеся вновь Литовцы и Нѣмецкіе Рыцари, ни ссоры Князей и ненависть ихъ другъ къ другу, не причинили столько бѣдъ землѣ Руской, какъ ужасное, неслыханное несчастіе, которое въ исторіи нашей называется *нашествіемъ Татаръ!* Вы

живете въ самое счастливое время Россіи: вы веселитесь ея славою, которая гремитъ въ самыхъ отдаленныхъ странахъ; вы гордитесь великимъ Государемъ нашимъ, который съ отеческою нѣжностію заботится о счастіи Своихъ подданныхъ, вы радуетесь тому уваженію, которое всѣ народы оказываютъ къ Рускимъ,—и такъ, вы не можете судить, не можете понять, что испытали бѣдные предки наши подъ властію жестокихъ варваровъ, ихъ покорившихъ! Одна мысль, что Богъ наказываетъ въ здѣшней жизни только тѣхъ людей, которыхъ любитъ и хочетъ сдѣлать лучшими, могла поддержать ихъ въ страданіяхъ и спасти отъ совершенной погибели, въ продолженіе этого ужаснаго, болѣе двухъ сотъ лѣтъ продолжавшагося бѣдствія! Пусть же эта мысль о любви Божіей и о нынѣшнемъ счастіи и славѣ нашей, будетъ утѣшать васъ при чтеніи о прошедшихъ бѣдствіяхъ нашей милой родины.

Въ то время Татары вовсе не походили на смирныхъ и честныхъ потомковъ ихъ, спокойно живущихъ теперь въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ Губерній, на примѣръ: Тобольской, Казанской, Таврической. Нѣтъ! то были грубые, полудикіе, безчеловѣчные воины,—жившіе въ Азіи, къ югу отъ Иркутска, въ нынѣшней Татаріи Китайской,—питавшіеся звѣриною ловлею, скотоводствомъ и грабежемъ. О природной жестокости ихъ, вы можете судить по слѣдующему расказу, взятому изъ дѣтства самаго знаменитаго Хана или Царя ихъ, Темучина.

Онъ остался тринадцати лѣтъ послѣ смерти отца своего, Езукая Багадура. Подданные его вдругъ взбунтовались противъ Хана-ребенка. Что-же сдѣлалъ этотъ ребенокъ? Милыя дѣти! вы, которыхъ чувства обыкновенно бываютъ такъ нѣжны, сердца— такъ сострадательны, души — такъ чисты; вы, съ мыслями свѣтлыми какъ голубое небо въ прекрасный день ве-

сны, вы испугаетесь, узнавъ что сдѣлалъ тринадцати-лѣтній Темучинъ! Онъ собралъ войско, усмирилъ бунтовщиковъ и приказалъ ихъ сварить живыхъ въ семидесяти котлахъ кипящей воды! Одинъ такой поступокъ показываетъ вамъ всѣ ужасныя свойства народа, у котораго даже дѣти были такъ злы и безжалостны!

Этотъ молодой Темучинъ — болѣе всѣхъ другихъ Хановъ—прославился завоеваніями и побѣдами: онъ покорилъ не только многія сосѣдственныя орды *) Татарскія, Монгольскія и Киргизскія, но даже былъ и въ Китаѣ, и сжегъ главный городъ Китайцевъ, — Пекинъ. Подданные Темучина почитали его человѣкомъ необыкновеннымъ, посланнымъ къ нимъ отъ Бога, для прославленія ихъ царства. Эта мысль еще болѣе утвердилась въ нихъ съ тѣхъ поръ какъ явился къ нимъ какой-то мнимый пророкъ или колдунъ, вѣроят-

*) — *Орда* значитъ толпа кочующихъ народовъ.

но подкупленный Ханомъ, и объявилъ всему народу и войску Татарскому, что Богъ отдаетъ Темучину всю землю, и повелѣваетъ ему называться впередъ *Чингис-ханомъ* или *Великимъ-Ханомъ*. Послѣ такого объявленія, Темучинъ или Чингис-ханъ ужъ не встрѣчалъ болѣе непріятелей между Татарскими народами: всѣ они почитали за грѣхъ противиться повелѣнію Божію. Не находя болѣе противниковъ въ Азіи, и все еще желая увеличивать свою славу, Чингис-ханъ пошелъ въ 1223 году къ странамъ западнымъ,—и тѣмъ рѣшилъ судьбу Россіи!

Не далеко отъ береговъ Каспійскаго моря, полководцы Чингис-Хана встрѣтили Половцевъ, разбили ихъ и гнались за ними до самыхъ границъ нашихъ. Побѣжденные Половцы убѣжали въ Кіевскую область, и въ числѣ ихъ былъ Ханъ Котянъ, тесть Мстислава Храбраго *) Этотъ Ханъ встревожилъ

*) Не одинъ Владиміръ, сынъ Игоря Сѣверскаго, но и

всю Россію своими расказами о страшныхъ Татарахъ, умолялъ Князей итти противъ нихъ, увѣряя, что если они не сдѣлаютъ этого, то Татары придутъ и въ Рускую землю, также какъ пришли въ Половецкую.

Князья наши, всегда любившіе войну и славу, не съ страхомъ, но съ жадностію слушали расказы стараго Котяна: имъ хотѣлось летѣть на встрѣчу новыхъ, еще невиданныхъ враговъ, и вотъ самые храбрые изъ нихъ: Мстиславъ Галицкій, Мстиславъ Черниговскій и Мстиславъ Кіевскій, со многими молодыми Князьями, не согласившись съ старшими, безразсудно пошли сами искать Татаръ! Въ то время Великаго Князя Константина Всеволодовича уже не было на свѣтѣ, и престолъ Владимірскій принадлежалъ брату его, Георгію II. Георгій, воюя съ Камскими Болгарами, побѣждая ихъ и основывая новые

многіе другіе Князья наши были женаты на Княжнахъ Половецкихъ.

города *) въ мѣстахъ завоеванныхъ, не могъ, участвовать въ походѣ южныхъ Князей.

На Днѣпрѣ, смѣльчаки встрѣтили пословъ Татарскихъ. Они еще не начинали ссоры, и напротивъ того приглашали Князей нашихъ бить, вмѣстѣ съ ними, Половцевъ, которыхъ Татары называли своими *рабами* и *конюхами*. Но Князья, какъ будто сами желали своей погибели: они думали, что мирныя предложенія Татаръ происходятъ отъ трусости, и съ гордостію отвергли ихъ. Молодой Князь Волынскій Даніилъ, вмѣстѣ съ тестемъ своимъ Мстиславомъ Храбрымъ, первые бросились на показавшійся вдали отрядъ непріятельскій и совершенно разбили его. Эта первая удача заманила

*) Въ это время Георгій II Всеволодовичь основалъ тамъ, гдѣ сливаются рѣки *Волга и Ока*, — *Нижній-Новгородъ*, знаменитый до сихъ поръ славною ярмаркою, которая бываетъ тамъ каждый годъ въ Августѣ мѣсяцѣ.

далѣе минутныхъ побѣдителей: они переправились со всѣмъ войскомъ за Днѣпръ и девять дней шли до рѣки Калки *) Здѣсь-то, на берегахъ этой несчастной для Руских — рѣки, начались бѣдствія отечества нашего, милыя дѣти! здѣсь-то, 31 Маія 1224 года, предки наши вытерпѣли ужасное пораженіе, отъ котораго не спасли ихъ ни храбрость всего войска, ни отчаянное мужество неустрашимаго Даніила Волынскаго! Этотъ герой въ жару сраженія не чувствовалъ раны полученной въ грудь, и продолжалъ бить Татаръ. Все прекрасное войско наше исчеало: шесть Князей и семдесятъ славныхъ богатырей были убиты! Едва десятая часть спаслась бѣгствомъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ Галицкимъ и Даніиломъ Волынскимъ.

Побѣдители преслѣдовали побѣжденныхъ до самаго Днѣпра. Жители

*) Эта рѣка называется теперь *Калецолъ* и течетъ въ Екатеринославской Губерніи, близъ Маріуполя.

городовъ и селеній, чтобы смягчить враговъ своихъ покорностію, выходили къ нимъ на встрѣчу съ образами и крестами; но у Татаръ было правиломъ что *побѣжденные не могутъ быть друзьями побѣдителей.* Слѣдуя этому правилу, жестокіе Татары убивали всѣхъ, кого встрѣчали, не щадя ни стариковъ, ни женщинъ, ни даже дѣтей! Народъ во всей южной Россіи былъ въ ужасѣ: ожидая неминуемой смерти, всѣ молились Богу въ церквахъ и дома,—и Милосердый сжалился надъ слезами Христіанъ, и еще на нѣсколько лѣтъ отсрочилъ погибель ихъ: полководцы Татарскіе вдругъ получили повелѣніе отъ Чингисхана возвратиться къ нему въ Азію.

Нельзя описать той радости, какую почувствовали Рускіе, услышавъ, что страшные враги удалились отъ отечества ихъ! Не зная откуда они приходили и куда ушли, всѣ почитали ихъ наказаніемъ небеснымъ, и вѣтреный народъ, къ несчастію, скоро за-

былъ это наказаніе! Двѣнадцать лѣтъ не было слуху о Татарахъ, и Князья Руские, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ временемъ и соединенными силами укрѣпить свое разстроенное государство., продолжали свое несогласіе. Двое изъ нихъ: Михаилъ Черниговскій и Ярославъ Всеволодовичъ,—уже извѣстный маленькимъ читателямъ моимъ—братъ Великаго Князя, ссорились за Новгородъ: непостоянные Новгородцы избирали то одного изъ нихъ, то другаго. Однакожъ, наконецъ утвердился тамъ Ярославъ, имѣвшій гораздо болѣе правъ на эту безпокойную область и по той храбрости, съ которою онъ защищалъ ее отъ нападеній Литовцевъ и Нѣмецкихъ Рыцарей, и по тому усердію, съ которымъ старался загладить прежнюю жестокость свою къ Новгородцамъ. Однакожъ княженіе его у нихъ было непродолжительно: въ 1236 году онъ призванъ былъ на престолъ Кіевскій. Княземъ же Новгородскимъ остался сынъ его, мо-

лодой *Александръ Ярославичъ*, который прославится потомъ знаменитыми дѣлами, заслужитъ имя *Невскаго*, и еще болѣе, — заслужитъ небесный вѣнецъ *Святаго!*

Великій Князь Георгій II, усмиривъ Болгаръ, жилъ спокойно въ Владимірѣ и слѣдуя примѣру отца своего, не вмѣшивался въ ссоры Князей, не старался усмирять непокорныхъ изъ нихъ, ни мирить несогласныхъ. Время отъ времени ходилъ онъ воевать съ Мордвою. Это былъ народъ, жившій недалеко отъ Камскихъ Болгаръ, по берегамъ Волги.

Мстиславъ Галицкій, послѣ несчастнаго сраженія при Калкѣ уже не могъ называться *Счастливымъ:* уныніе совершенно перемѣнило нравъ его; онъ сдѣлался слабымъ, недовѣрчивымъ, позволилъ вельможамъ Галицкимъ управлять собою, позволилъ имъ даже оклеветать добраго, благороднаго зятя своего Даніила Волынскаго, и повѣривъ клеветѣ ихъ, поссорился съ нимъ. Во

время этой ссоры; онъ исполнилъ обѣщаніе, давно данное Королю Венгерскому: отдалъ дочь свою и престолъ Галицкій сыну его, а себѣ оставилъ только небольшую *Подольскую* область. Великодушный, вѣрный слову своему Мстиславъ скоро раскаялся въ поступкѣ своемъ: Венгерскій Королевичъ отплатилъ ему неблагодарностію, а добрый Даніилъ оставался вѣрнымъ сыномъ его и во время ссоры ихъ, и тогда какъ уже открылась клевета бояръ. Обманутый, унылый Мстиславъ не могъ долго переносить жизнь безславную, и скончался въ 1228 году.

Смерть его подала новую причину къ ссорамъ. Даніилъ и Михаилъ Черниговскій спорили съ Венгерскимъ Королевичемъ за Галичъ, который наконецъ, по смерти Королевича, достался Михаилу. Даніилъ просилъ Великаго Князя и брата его Ярослава Всеволодовича Кіевскаго, помочь ему возвратить наслѣдственную область, и получивъ ласковое обѣщаніе ихъ, надѣялся нако-

нецъ быть счастливымъ Государемъ въ милой родинѣ своей, какъ вдругъ всѣ Княжества снова встревожились, всѣ люди снова съ ужасомъ услышали страшную вѣсть о врагахъ, которыхъ почти забыли: наступилъ 1237 годъ и — съ нимъ бѣдствіе нашего отечества!

Чингисъ-Ханъ умеръ въ 1227 году. Онъ завѣщалъ сыну и наслѣднику своему *Октаю,* окончить послѣ него завоеваніе всего свѣта и *мириться только съ побѣжденными народами!* Октай, такой же злой какъ и отецъ его, спѣшилъ исполнить его приказаніе: онъ покорилъ самъ всѣ страны, лежавшія вблизи его государства, а племянника своего, Батыя, и съ нимъ 300,000 воиновъ послалъ завоевать сѣверные берега моря Каспійскаго и другія, сосѣднія съ ними земли. Эти *другія земли* — были Рускія.

Батый въ 1237 году уже былъ въ Камской Болгаріи и разорилъ столицу Болгаровъ, *Великій-городъ.* Едва эта

вѣсть успѣла дойти до Рускихъ, какъ уже Татары были въ Рязанской области, и послали къ нашимъ Князьямъ двухъ пословъ и какую-то *колдунью*, которые объявили, что если Рускіе хотятъ остаться живы, то чтобы были данниками и рабами Татаръ и тотчасъ же прислали бы къ нимъ десятую часть всего имѣнія ихъ. Князья удивились такой дерзости и гордо отвѣчали: „Пока мы живы, ничего не дадимъ: если же не будетъ насъ, тогда все возьмите.„

Послѣ такого благороднаго отвѣта, Князьямъ слѣдовало бы забыть несогласія свои, думать объ одномъ спасеніи отечества и всѣми соединенными силами ударить на враговъ, — но они не сдѣлали этого, они безчеловѣчно отказывали другъ другу въ помощи, и за то пострадали, пострадали ужасно!

Рязань, напрасно ожидавшая защиты отъ Великаго Князя Георгія, погибла первая! Несчастные жители защищались пять дней, не сходя съ город-

ской стѣны; въ шестый—Татары ворвались въ городъ, убивая безъ всякаго милосердія всѣхъ, встрѣчавшихся имъ людей: они не пощадили ни Князя, ни супруги, ни матери его! Варвары распинали плѣнниковъ, связывали имъ руки, стрѣляли въ нихъ какъ въ цѣль для забавы, жгли священниковъ, обращали въ пепелъ всѣ домы и монастыри! Однимъ словомъ невозможно описать всѣхъ ужасовъ, тогда происходившихъ! Татары, разоривъ Рязань, шли далѣе къ Владиміру. Дорогою Батый сжегъ Москву, взялъ въ плѣнъ сына Великаго Князя, Владиміра, умертвилъ Воеводу Московскаго и почти всѣхъ жителей. Тогда-то гордый Великій Князь, слишкомъ много полагавшійся на свои силы, ужаснулся и поручивъ столицу двумъ сыновьямъ своимъ, Всеволоду и Мстиславу, удалился въ Ярославскую область, на берега рѣки Сити, собирать ополченіе на враговъ.

2 Февраля 1238 года, Татары пришли къ Владиміру и скоро приготови-

ли всѣ нужныя для приступа орудія и лѣстницы. Князья и бояре увидѣли погибель свою, но не хотѣли просить постыднаго мира у варваровъ: они рѣшились умереть со славою. Супруги ихъ были достойны такихъ героевъ и думали точно также. Въ то время, какъ Князья отдавали послѣднія приказанія свои на городской стѣнѣ и ободряли бѣдныхъ жителей, Княгини ихъ съ дѣтьми своими и всѣмъ дворомъ, собрались въ церкви Богоматери, и просили Епископа посхимить ихъ. Посхимленіе есть такой обрядъ, который дѣлается надъ принявшими монашество тогда, когда они хотятъ совсѣмъ отказаться отъ свѣта и даже не говорить ни съ кѣмъ изъ людей: это все равно, что заживо умереть. Семейство Великаго Князя и знаменитые вельможи его желали такой смерти: они простились съ жизнію, со всѣми друзьями, отказались даже отъ утѣшенія видѣть другъ друга — потому что лица схимниковъ бываютъ завѣ-

шены покрывалами — и молили Бога только о прощеніи грѣховъ своихъ и о спасеніи отечества!

7 Февраля, послѣ заутрени, Татары начали приступъ, и скоро ворвались въ городъ. Все падало передъ ними, и бѣдные затворившіеся въ церкви схимники не могли умереть спокойно: злые Татары вломились и къ нимъ; ограбили всѣ драгоцѣнности съ образовъ, всѣ богатыя одежды Княжескія, которыя сберегались въ ризницѣ; изъ людей—они обыкновенно, большую часть убивали, немногихъ брали въ плѣнъ, и эти немногіе, непокрытые одеждою, умирали на дорогѣ отъ жестокаго мороза. Князья же Всеволодъ и Мстиславъ, найдены были мертвыми посреди множества враговъ, за городской стѣной.

Георгій, услышавъ о гибели столицы и всего семейства своего, горько заплакалъ и молилъ Бога послать ему твердость перенести такое несчастіе. Въ то же время онъ услышалъ, что Тата-

ры продолжали ужасный походъ свой и уже разорили Костромскій Галичь, Ростовъ, Ярославь, Переяславь, Юрьевъ и Дмитровъ. Въ Мартѣ они дошли до Сити, гдѣ стоялъ съ войскомъ Великій Князь. Онъ палъ въ первой битвѣ и Татары взяли въ плѣнъ племянника его, Василька Константиновича. Богъ знаетъ отъ чего, — только этотъ молодой Князь понравился безчеловѣчнымъ Татарамъ. Они не только не хотѣли убить его, но даже предлагали ему быть другомъ ихъ, и воевать подъ начальствомъ Батыя! Вы вѣрно догадаетесь, милыя дѣти, что Василько не согласился на это предложеніе? — „Нѣтъ!-отвѣчалъ этотъ безстрашный Князь—враги моего отечества и Христа не могутъ быть мнѣ друзьями! Злодѣи! Есть Богъ, и когда нибудь вы погибнете!„—Эти смѣлыя слова привели въ такую ярость Татаръ, что они тотчасъ же закололи Василька и бросили въ лѣсъ. Тѣло несчастнаго Князя было найдено потомъ Рускими

и положено въ одной могилѣ съ Георгіевымъ.

Между тѣмъ Батый все шелъ далѣе по Россіи, къ Новгороду, покоряя своей власти всѣ города, лежавшіе по дорогѣ его. Новгородцы уже ожидали погибели своей, потому что не могли надѣяться ни на чью помощь: въ то несчастное время, какая-то особенная жестокость оковала всѣ сердца; всякой думалъ только о себѣ и не хотѣлъ помогать другимъ. Но судьба спасла Новгородцевъ: за сто верстъ до столицы ихъ, окруженной болотами и лѣсами, Батый вдругъ поворотилъ назадъ къ сторонѣ Калуги. Тутъ пришелъ онъ къ небольшому городку Козельску, въ которомъ былъ тогда Государемъ какой-то еще малолѣтный Князь Василій. Казалось, что Татарамъ не много будетъ дѣла у такого ничтожнаго городка, но вотъ что значитъ вѣрность и мужество подданныхъ, милыя дѣти, послушайте и вы удивитесь жителямъ Козельска? Они посовѣтовались

между собою и рѣшились, какъ настоящіе Руские, всѣ умереть за своего Князя, хотя этотъ Князь былъ еще младенецъ: „Мы оставимъ по себѣ добрую славу—говорили эти достойные люди,—и за гробомъ будемъ безсмертны!“ Такъ они и сдѣлали. Цѣлыя семь недѣль Татары осаждали крѣпость ихъ, и не прежде взошли на валъ, какъ разбивъ стѣны особенными орудіями. Но и на валу жители дрались съ ними до послѣдней крайности, положили на мѣстѣ 4000 Татаръ и легли на убитыхъ врагахъ: Татары удивились такой храбрости и съ досады на нее назвали Козельскъ *злымъ* городомъ, а изъ жителей его не оставили въ живыхъ ни одного человѣка! Но они живы въ исторіи, живы въ сердцахъ всѣхъ Рускихъ, и безъ всякаго сомнѣнія живы на небесахъ, въ лучахъ того безсмертія, котораго желали!

Послѣ злодѣйствъ въ Козельскѣ, Батый оставилъ наконецъ Россію и пошелъ въ землю Половецкую.

Таблица XXI.

Семейство В. Кн. Георгія II Владиміровича:

Супруга: **Дочь Великаго Князя Всеволода II-го.**

Сыновья: **1. Владиміръ.**
2. Всеволодъ.
3. Мстиславъ.

РОССІЯ ПОКОРЕННАЯ.

Отъ 1239 до 1243 года.

(Пер. 5 лѣтъ.)

Уныло стояли развалины городовъ и селеній, чрезъ которые прошелъ ужасный Батый! Печально дымились обгорѣлыя стѣны ихъ; страшно лежали по пустымъ улицамъ мертвецы непогребенные; боязливо прятались, гдѣ только могли, живые, лишенные всего, что было дорого для сердецъ ихъ! Таково было состояніе отечества и предковъ нашихъ, милыя дѣти, когда братъ послѣдняго Великаго Князя Георгія — *Ярославъ Всеволодовичъ* — какъ законный наслѣдникъ его — пріѣхалъ въ прежній счастливый,—но теперь, уже не походившій на столицу, Владиміръ!

Больно было смотрѣть новому Государю на несчастіе народа любимаго, но онъ зналъ, что не слезы освобождаютъ насъ отъ бѣдъ: всего нужнѣе тогда мужество и терпѣніе, и Ярославъ спѣшилъ показать въ нихъ примѣръ своимъ подданнымъ! Онъ приказалъ скорѣе погребать мертвыя тѣла, чтобы не сдѣлалось отъ гніенія ихъ заразительности въ воздухѣ; вызывалъ людей, убѣжавшихъ въ лѣса и мѣста отдаленныя; занимался дѣлами Государственными; однимъ словомъ, старался всѣми средствами ободрять народъ и показать ему, что онъ не потерялъ еще надежды на славу и счастіе!

Но эта надежда Великаго Князя и бѣдныхъ подданныхъ его скоро изчезла, изчезла такъ какъ изчезаетъ иногда у маленькихъ читателей моихъ блестящій, прелестный, разноцвѣтный шаръ, высоко-вздувшійся изъ мыльнаго пузырька! Послушайте и погрустите еще о вашей родинѣ, милыя дѣти!

Батый не надолго оставлялъ Россію: онъ хотѣлъ только завладѣть землею Половцевъ. Чрезъ годъ онъ уже навсегда прогналъ оттуда въ Венгрію знаменитаго Хана ихъ, Котяна съ 40,000 воиновъ и пришелъ въ южныя области наши съ тою же злобою, съ тѣмъ же звѣрствомъ, съ какими былъ онъ за годъ до того въ сѣверныхъ! Города: Муромъ, Гороховецъ, Переяславль, Черниговъ, погибли точно также какъ Суздаль, Владиміръ, Рязань, Ростовъ, Ярославль!

Драгоцѣнный, святый для сердца Рускаго,—Кіевъ, эта старинная столица и *мать городовъ* нашихъ еще оставалась цѣлою; но слухъ о сокровищахъ церквей и дворцовъ ея, о богатствѣ жителей и многочисленности ихъ—уже давно дошелъ до Батыя, и въ 1240 году, онъ окружилъ его со всѣхъ сторонъ своимъ войскомъ. Еще издали любовались варвары прекраснымъ положеніемъ города на крутомъ берегу гордаго Днѣпра, зелеными садами его, бѣлою стѣ-

ною съ высокими башнями и воротами; но они не только любовались: вмѣстѣ съ тѣмъ они и радовались богатой добычѣ!

Во время такой радости Татаръ, какой страхъ, какой ужасъ былъ въ Кіевѣ! Князь его, Михаилъ, бѣжалъ вмѣстѣ съ сыномъ въ Венгрію, какъ скоро услышалъ о приближеніи Батыя! Даніилъ Галицкій, заступившій мѣсто его, зная что съ небольшимъ войскомъ нельзя одолѣть великую силу Татаръ, рѣшился также уѣхать къ Королю Венгерскому и просить его помощи. Защиту Кіева поручилъ онъ искусному и храброму боярину Димитрію.

Но ни искуство и храбрость его, ни отчаянное мужество жителей, рѣшившихся умереть за вѣру и отечество, не спасли Кіева, и 9 Маія, онъ былъ взятъ послѣ двухъ-дневной осады! Кіевляне не сдавались до послѣдней крайности; даже внутри города сдѣлали наскоро заборъ около Десятинной

церкви; бились еще тамъ и почти всѣ легли на мѣстѣ! Я не буду расказывать вамъ все, что дѣлали Татары послѣ побѣды своей. Вы уже имѣете понятіе о жестокости ихъ изъ описанія о взятіи городовъ въ сѣверной Россіи. Эта жестокость была всегда одинакова, и звѣрскія сердца ихъ, не могли ни устать отъ вѣчнаго кровопролитія, ни наскучить имъ! Скажу вамъ только то, что красота и великолѣпіе стариннаго Кіева съ тѣхъ поръ изчезли на вѣки! Печерскій монастырь или Лавра, соборъ, знаменитая Десятинная церковь были совсѣмъ разрушены и хотя чрезъ двѣсти лѣтъ потомъ, они опять были возобновлены, но уже совсѣмъ не въ томъ величіи, какъ прежде. Татары похитили всѣ сокровища ихъ, искали драгоцѣнностей не только во дворцахъ, даже въ могилахъ княжескихъ! Посреди этого всеобщаго разрушенія сохранилась только православная вѣра наша и замѣчательно, что дикіе Татары и въ послѣдствіи пока-

зывали уваженіе къ Рускому Духовенству.

Бояринъ Димитрій, начальникъ неустрашимыхъ Кіевлянъ, попался въ плѣнъ. Батый, не смотря на жестокость свою, уважалъ истинное мужество и потому полюбилъ Димитрія, бралъ его съ собою во всѣ новые походы свои, и даже иногда охотно принималъ его совѣты. Бѣдный Димитрій былъ при жестокомъ побѣдителѣ своемъ и тогда, какъ онъ изъ Кіева отправился разорять Княжество Галицкое. Здѣсь-то добрый и храбрый воевода Рускій, съ ужасомъ смотря на погибель своего отечества, успѣлъ оказать ему послѣднюю услугу: онъ посовѣтывалъ Батыю идти скорѣе въ богатую Венгрію, чтобы Король ея не успѣлъ собрать сильное войско и напасть на самихъ Татаръ. Батый послушался его, и несчастная Россія отдохнула! Бѣдствія ея вмѣстѣ съ Татарами перешли въ Венгрію, Кроацію, Сервію, Дунайскую Болгарію, Молдавію, Валахію. Вся Европа затрепетала, но

судьба спасла ее: Батый получилъ извѣстіе, что Великій Ханъ Октай умеръ. Наслѣдникомъ престола былъ сынъ его, *Гаюкъ*, жившій всегда несогласно съ Батыемъ. Это заставило страшнаго завоевателя подумать о собственныхъ владѣніяхъ своихъ. Привыкнувъ видѣть, что все покоряется ему, онъ не хотѣлъ зависѣть отъ Великаго Хана и потому рѣшился основать свое собственное, твердое владѣніе, которое бы признавало надъ собою одно имя, но не власть Гаюка. Для этого, онъ выбралъ мѣсто около нынѣшней Астрахани, и на берегу рѣки Ахтубы, въ 60-ти верстахъ отъ устья Волги, велѣлъ строить городъ *Сарай*. Близъ *Селитрянного городка* и нынѣ видны еще остатки этого Сарая. Все владѣніе Батыя называлось *Великою*, *Золотою* или *Капчакскою Ордою*. Орда же младшихъ братьевъ его, поселившаяся около Аральскаго моря, называлась *Малою*.

Бродя по Астраханскимъ и Донскимъ степямъ, смотря за постройкою

новой столицы своей, Сарая, имѣя подъ начальствомъ полмилліона воиновъ, Батый не заботился о новомъ Великомъ Ханѣ, и объявилъ себя повелителемъ всѣхъ областей Рускихъ, земли Половецкой, Тавриды, странъ Кавказскихъ и всѣхъ земель отъ устья Дона до рѣки Дуная. Никто не смѣлъ съ нимъ спорить, всѣ Государи согласились, всѣ покорились его ужасной силѣ.

Батый, величаясь своею славою, гордо звалъ къ себѣ, какъ своихъ подданныхъ, всѣхъ Князей, имъ побѣжденныхъ, и въ томъ числѣ—Великаго Князя Суздальскаго.

Ярославъ II почиталъ неблагоразуміемъ не повиноваться врагу ужасному, и для спокойствія своего народа, для избавленія его отъ новыхъ бѣдъ, поѣхалъ со многими боярами въ Золотую Орду. Съ той минуты, въ которую Государь Рускій рѣшился признать надъ собою власть Батыя, кончилась независимость отечества нашего, и земля Руская сдѣлалась землею *покоренною*, сдѣ-

лалась *данницею* Татаръ. Это было въ 1243 году.

Жестокое униженіе ожидало бѣднаго Ярослава въ шатрѣ Батыя, который хотя былъ ласковъ къ своимъ подвластнымъ, но принималъ ихъ съ обрядами несносными для человѣка съ душою высокою и благородною! Грубый, полудикій Ханъ Татарскій сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, съ одною изъ женъ, которыхъ было у него очень много. На скамейкахъ, ниже Батыя сидѣли его другія жены, дѣти, родня и знатныя особы. На столѣ, посреди шатра, стоялъ любимый напитокъ Татаръ—*кумысъ* *) въ золотыхъ и серебряныхъ чашахъ, очень нечистыхъ: у Татаръ почиталось за грѣхъ мыть посуду и платья, и они обыкновенно были чрезвычайно неопрятны. Подходя къ шатру, надобно было пройти мимо двухъ костровъ огня: Татары думали, что огонь очищаетъ злыя намѣренія и

*) Онъ дѣлается изъ кобыльяго молока.

даже лишаетъ силы ядъ, если кто несетъ его къ Хану. Прежде нежели войти, надобно было поклониться на югъ, тѣни Чингисъ-Хана, потомъ, вошедъ въ шатеръ, надобно было стать на колѣни и кланяться въ землю! Это должны были дѣлать безъ различія всѣ Цари, Князья, вельможи, покоренные Батыемъ и приходившіе къ нему. Послѣ этого унизительнаго обряда, они дѣлались совершенными рабами его; Князь не могъ владѣть своими землями безъ грамоты Батыя, долженъ былъ платить ему большую дань, исполнять всѣ его приказанія, являться по первому слову его въ Орду. Ярославъ Всеволодовичъ, думая только о спасеніи жизни немногихъ оставшихся подданныхъ своихъ, рѣшился перенесть такое униженіе и мы должны помнить эту рѣшимость его, какъ величайшую жертву, какую Государь можетъ принесть своему народу! Униженіе съ такою цѣлію выше отчаянной храбрости: умереть можно въ одну минуту, но Ро-

сударю знаменитому отказаться отъ славы и свободы, жить въ рабствѣ у дикаго варвара,—это гораздо хуже одной смерти: это безпрестанная смерть. Еслибы Великій Князь и почти всѣ Князья Удѣльные, послѣдовавшіе примѣру его, не рѣшились тогда на эту великую жертву,—злые Татары вѣрно докончили бы истребленіе всѣхъ предковъ нашихъ, и насъ не было бы на свѣтѣ, и мы не наслаждались бы нынѣшнимъ счастіемъ своимъ, и милая родина наша сдѣлалась бы жилищемъ дикихъ ордъ Татарскихъ, и громкое, славное, драгоцѣнное для насъ имя Руское уже давно, давно, было бы забыто на землѣ! Сохранимъ же въ душѣ нашей уваженіе къ памяти тѣхъ Князей, которые для спасенія жизни своихъ подданныхъ и для будущаго счастія потомковъ ихъ, принуждены были покориться Батыю! Добрые Князья страдали для насъ! чувствуя это, мы должны доказать благодарность свою къ нимъ пламенною любовію къ тому

отечеству, которое для нихъ было дороже всего на свѣтѣ! Они увидятъ наше усердіе къ нему и благословятъ насъ на небѣ, такъ какъ мы благословляемъ драгоцѣнную память ихъ на землѣ!

Таблица XXII.

Семейство Великаго Князя Ярослава II.

Супруга: **Θеодосія Мстиславовна.**

Сыновья: 1. **Θеодоръ.**

2. **Александръ.**

3. **Константинъ.**

4. **Андрей.**

5. **Аθанасій.**

6. **Даніилъ.**

7. **Ярославъ.**

8. **Михаилъ.**

9. **Василій.**

СВЯТЫЙ АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

Отъ 1243 до 1263 года.

(Пер. 20 лѣтъ.)

Когда всѣ Княжества Рускіе почти исчезали подъ жестокими ударами Татаръ, когда всѣ Князья ихъ—не исключая и неустрашимаго Даніила Галицкаго, зятя Мстислава Храбраго,—клялись предъ трономъ Батыя, быть его вѣрными подданными; когда счастіе, слава и радость, казалось совсѣмъ оставили города и селенія предковъ нашихъ, была еще область, гдѣ раздавались пѣсни побѣды, былъ еще Князь, никогда не преклонявшій колѣнъ въ шатрѣ Ха-

на Татарскаго! Эта область была Новгородская; этотъ Князь — Александръ Ярославичъ Невскій. Я увѣрена, что всѣ милые читатели мои, очень знаютъ и любятъ его! Это тотъ Князь, котораго мы призываемъ въ молитвахъ; тотъ Князь, который почитается Ангеломъ-Хранителемъ сѣверной столицы нашей; наконецъ, тотъ Князь, котораго святое тѣло почиваетъ въ прекрасномъ монастырѣ Александро-Невскомъ! Маленькіе обитатели и обитательницы нашего чудеснаго Петербурга! Вѣрно вы не одинъ разъ были въ этомъ монастырѣ и молились передъ драгоцѣнною гробницею Его. Вѣрно вы часто удивлялись военнымъ украшеніямъ, такъ прекрасно расположеннымъ по обѣимъ сторонамъ ея? и вѣрно смотря на эти латы, шлемы, щиты и копья, вамъ очень хотѣлось узнать исторію Героя Невскаго? Если я не ошиблась, то очень рада, что могу исполнить желаніе ваше. Вотъ эта исторія.

Александръ былъ сынъ Великаго Князя Ярослава II. Необыкновенно умный, храбрый, прекрасный лицемъ и душею Александръ, еще въ молодыхъ лѣтахъ сдѣлался наслѣдникомъ отца своего въ Новгородѣ, и съ того времени безпрестанныя побѣды его надъ Чудью, Финнами, Литовцами и Ливонскими рыцарями, разносили славу его по всѣмъ странамъ. Ливонскіе рыцари сдѣлались въ это время еще страшнѣе для Рускихъ: орденъ ихъ присоединился къ другому, сильному Нѣмецкому ордену Рыцарей Св. Маріи Іерусалимской, которые завоевали почти всю Пруссію и съ такою же жестокостію учили Христіанской вѣрѣ тамошнихъ жителей какъ Ливонскіе рыцари — Чудь и Литовцевъ. Я уже говорила вамъ, что эти бѣдные люди убѣгали въ лѣса отъ своихъ учителей, которые въ это время, вмѣсто прежнихъ красныхъ крестовъ, нашили на бѣлые плащи свои черные, такъ какъ было это у Нѣмецкихъ Рыцарей Св. Маріи.

Но не такъ думалъ молодой Князь Александръ Ярославичъ и его храбрые Новгородцы! Не однимъ Ливонскимъ Рыцарямъ, Чуди и Литовцамъ было худо отъ него: одинъ разъ онъ побѣдилъ даже Шведовъ и Норвежцевъ. За эту побѣду, его назвали *Невскимъ;* и такъ надобно, милые читатели мои, узнать о ней получше. Къ тому же вѣдь это случилось на берегахъ нашей родной, прекрасной Невы!

Въ 1240 году, Королю Шведскому вздумалось завоевать Ладогу и даже Новгородъ. Для того, онъ отправилъ на рѣку Неву множество судовъ съ Шведами и Норвежцами, подъ начальствомъ зятя своего Биргера. Биргеръ, привыкшій къ побѣдамъ, велѣлъ гордо сказать Князю Новгородскому: „иди сражаться со мною, если смѣешь; я уже въ землѣ твоей!" Александръ не устрашился, не показалъ Посламъ Шведскимъ досады, но спокойно отвѣчалъ имъ, что онъ готовъ къ сраженію. Тотчасъ велѣлъ онъ небольшому вой-

ску своему собраться; самъ же пошелъ въ Софійскую церковь и тамъ усердно помолился Богу, прося святой Его помощи. Усердная молитва имѣетъ чудесную силу надъ душой Христіанина: Александръ, который не могъ въ такое короткое время ожидать помощи отъ отца своего, не могъ даже собрать все войско свое, вышелъ съ улыбкою на лицѣ къ своей вѣрной дружинѣ и весело сказалъ ей: „Насъ не много, и врагъ силенъ; но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ; идите съ вашимъ Княземъ! „Надежда Александра на небесную помощь перешла и въ сердца его воиновъ. Весело приближались они къ берегамъ Невы, гдѣ стояли Шведы, дружно бросились на многочисленныхъ враговъ подъ личнымъ начальствомъ своего неустрашимаго Князя, и одержали совершенную побѣду въ то самое время какъ одинъ изъ Новгородцевъ, по имени Миша, утопилъ всѣ суда у Шведовъ, такъ что у нихъ едва осталось два судна, которыя нагрузили тѣлами главныхъ чино-

жниковъ. Всѣхъ же другихъ зарыли въ яму и въ темную ночь 15-го Іюля, отправились по Невѣ назадъ въ Швецію. Эта славная побѣда, одержанная въ то самое время, когда бѣдные предки наши терпѣли столько горя и униженія отъ злыхъ Татаръ, обрадовала унылыя сердца ихъ и доставила храброму Александру, названіе *Невскаго*.

Но слава не спасла его отъ несчастія: въ 1247 году онъ лишился отца, который не имѣлъ даже той радости въ жизни, чтобы умереть въ миломъ отечествѣ! Батый приказалъ ему ѣхать въ Китайскую имперію, поклониться Великому Хану. Ярославъ Всеволодовичъ не могъ не повиноваться, но былъ слишкомъ слабъ здоровьемъ, слишкомъ печаленъ духомъ, чтобы перенести трудное путешествіе по степямъ и пустынямъ необитаемымъ, дикимъ, безплоднымъ и даже безводнымъ до того, что иногда люди умирали въ нихъ отъ жажды. Великій Князь кое-какъ доѣхалъ туда и, возвращаясь, скончался на дорогѣ.

Бывшіе съ нимъ Бояре привезли тѣло его во Владиміръ. Наслѣдникомъ Престола былъ меньшой братъ его, Святославъ III Всеволодовичъ.

Въ то самое время, какъ Великій Князь Рускій, испытывалъ всю тоску кончины на голой землѣ степей Киргизскихъ, далеко отъ милаго семейства и родины, другой Князь, стольколе знаменитый, оканчивалъ жизнь свою въ ужасныхъ мученіяхъ, предъ шатромъ Батыя! Это былъ Михаилъ, Князь Черниговскій, пріѣхавшій въ Золотую Орду по приказанію Хана и не хотѣвшій поклониться ни тѣни Чингисъ-Хана, ни идоламъ Татарскимъ! Нѣтъ!—говорилъ онъ варварамъ, принуждавшимъ его сдѣлать это, — я могу поклониться Царю вашему, потому что Богъ отдалъ ему судьбу Государствъ земныхъ, но Христіанинъ никогда не служитъ идоламъ! Батый удивился, что еще есть люди, которые противятся ему, и объявилъ, что Михаилъ умретъ, если не будетъ повиноваться. Князь Рускій не боялся смерти.

Съ ангельскою кротостью читалъ онъ молитвы въ то время, когда Татары мучили его самымъ жестокимъ образомъ и тихо скончался, сказавъ: *Я Христіанинъ!* Церковь наша признала его *Святымъ* и *Мученикомъ*.

Послѣ этого расказа о смерти Ярослава и Михаила, вы можете судить, милыя дѣти, какова была участь бѣдныхъ предковъ нашихъ подъ властію Татаръ! Прибавьте къ тому еще всѣ безпорядки, какіе происходили въ то время, когда надобно было сбирать дань; всѣ притѣсненія, какія дѣлали народу Татарскіе чиновники—сборщики, которые часто платили Хану всю сумму вдругъ и получали за то право взыскивать ее съ Руских по мелочамъ, почти вдвое! (*) Прибавьте къ тому ссоры Князей, неусмиренныя и общимъ несчастіемъ всей Руси! жалобы и клеветы ихъ другъ на друга въ Ордѣ и бѣды отъ того происходившія въ ихъ Кня-

(*) Такихъ сборщиковъ Рускіе называли *откупщиками бусурманскими* или *мытарями*.

жествахъ. Однимъ словомъ все въ древнемъ отечествѣ нашемъ было печально и уныло; только слава Князя Новгородскаго Александра Ярославича сіяла какъ свѣтлая звѣзда на небѣ Рускомъ, покрытомъ черными тучами! Эта слава, носясь по всѣмъ Княжествамъ, долетѣла до слуха страшнаго Батыя и вотъ уже посолъ Татарскій несетъ къ герою Невскому повелѣніе явиться къ Царю, чтобы присягнуть ему въ вѣрности и *узнать славу и величіе Татаръ.* Александръ, любившій свое отечество гораздо болѣе своей славы, не хотѣлъ, чтобы за него оно испытало опять новыя бѣдствія, и потому съ покорностію Христіанина послѣдовалъ примѣру отца и поѣхалъ вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ къ Батыю, а отъ него въ Татарію, къ Великому Хану. Грустно было сыновьямъ Ярослава ѣхать по той самой пустынѣ, гдѣ скончался отецъ ихъ! Они думали, что также какъ и онъ, не увидятъ уже своего отечества, но Богъ подкрѣпилъ ихъ и

чрезъ два года они возвратились, осыпанные милостями Великаго Хана, который поручилъ Александру всю южную Россію и Кіевъ, а Андрею, престолъ Владимірскій, не смотря на то, что дядя ихъ, Великій Князь Святославъ, былъ еще живъ. Такъ своевольно распоряжали Татары судьбою и Князей и Княжествъ Рускихъ! Святославъ Всеволодовичъ напрасно ѣздилъ въ Орду жаловаться на несправедливость, и чрезъ два года скончался. Но и Андрей II не долго былъ Государемъ Владимірскимъ. Онъ не имѣлъ столько Христіанской терпѣливости, столько любви къ своимъ подданныхъ, чтобы для спокойствія и безопасности ихъ, покориться неизбѣжной власти побѣдителей Россіи: пылкому, гордому сердцу его казалось лучше отказаться отъ престола, нежели быть Государемъ — подданнымъ Батыя! Вы можете представить себѣ милыя дѣти, что съ такимъ нравомъ, онъ часто показывалъ свое презрѣніе къ Татарамъ, часто не слушалъ прика-

ваній ихъ! Толпы ихъ уже шли наказать дерзкаго данника. Андрей, услышавъ это, убѣжалъ въ Швецію со всѣмъ семействомъ своимъ и оставилъ Великое Княжество въ добычу варварамъ. Послѣ новаго разоренія, оно отдано было общему любимцу не только Русскихъ, но даже и Татаръ, Князю Александру Невскому. Видѣвъ изъ примѣра брата, какъ вредны были для отечества гордыя и непокорныя намѣренія его, Александръ Ярославичъ еще болѣе увеличилъ осторожность и благоразуміе свое въ сношеніяхъ съ Татарами, не противился имъ и тогда, какъ они прислали Чиновниковъ своихъ сосчитать всѣхъ жителей въ Россіи и опредѣлили надъ ними Десятниковъ, Сотниковъ и Темниковъ (*) для собранія подашей; уговорилъ даже гордыхъ, все еще считав-

(*) Тьмою называлось у древнихъ Русскихъ *десять тысячъ* Стало быть *темникъ* значило начальникъ десяти тысячь человѣкъ,

шихъ себя независимыми, Новгородцевъ заплатить дань, которую требовалъ отъ нихъ наслѣдникъ умершаго въ 1256 году Батыя, братъ его, Ханъ *Беркій*, и тѣмъ избавилъ отъ разоренія первую столицу Рускую, богатый и великій Новгородъ.

Такъ двѣнадцать лѣтъ продолжалось княженіе Александра; такъ оберегалъ онъ бѣдное отечество свое отъ новыхъ несчастій, ему грозившихъ; такъ примирялъ оскорбленныхъ соотечественниковъ своихъ съ самовластными Ханами! Онъ принесъ всю жизнь свою на жертву спокойствія своихъ подданныхъ: вы можете представить себѣ, милые читатели мои, что не легко было благородному Князю земли Руской, ѣздить кланяться полудикимъ Ханамъ Татарскимъ! Послѣднее путешествіе его въ городъ Сарай было въ 1262 году, когда Ханъ Беркій, сбираясь итти на новое разореніе чужихъ земель, вздумалъ требовать отъ него вспомогательнаго войска. Александръ Ярославичъ, не смотря

на всю кротость свою, не могъ перенести мысли, чтобы бѣдные подданные его, —кромѣ всѣхъ несчастій, какія терпѣли отъ невѣрныхъ,—еще проливали за нихъ кровь свою! Онъ поѣхалъ умолять Беркія отмѣнить такое жестокое повелѣніе. Ханъ, чувствуя невольное почтеніе къ Великому Князю, не могъ отказать ему, но съ досады продержалъ его въ Ордѣ всю зиму и лѣто. Тоскуя по родинѣ, насмотрясь во время своего продолжительнаго пребыванія въ Сараѣ, на силу и могущество Татаръ, и потерявъ надежду видѣть освобожденіе отечества отъ жестокой власти ихъ, Александръ примѣтно ослабѣвалъ духомъ и тѣломъ, и осенью, возвращаясь на родину, пріѣхалъ уже больной въ Нижній-Новгородъ, а оттуда въ Городецъ на Клязьмѣ. Здѣсь онъ опасно занемогъ и скончался 14 Ноября 1263 года.

Невыразима была горесть всѣхъ Рускихъ, когда они узнали о кончинѣ

своего Ангела-Хранителя: имъ казалось, что наступила совершенная погибель отечества ихъ, что уже не кому будетъ защитить ихъ отъ нападеній Нѣмцевъ и Литовцовъ; умилостивитъ за нихъ жестокость Хановъ, спасти ихъ отъ притѣсненій откупщиковъ Татарскихъ! Митрополитъ, встрѣчая гробъ Александра у Боголюбова, воскликнулъ, проливая горькія слезы: «*Закатилось солнце земли Руской!*» и всѣ бояре, весь народъ голосомъ отчаянія отвѣчали ему однимъ словомъ:,, *погибаемъ.*"

Видя чудеса, бывшія при погребеніи Александра, Духовенство и вся Россія причислили Его къ лику *Святыхъ*, и съ тѣхъ поръ, мы молимся ему, какъ нашему заступнику предъ Богомъ. Тѣло его погребено было въ монастырѣ Рождества Богоматери, во Владимірѣ. Оно находилось тамъ до временъ Петра Великаго, который перевезъ его въ новую столицу свою —

какъ бы поручая ее особенному покровительству Того, Кто нѣкогда прославилъ это мѣсто подвигами мужества и храбрости.

Таблица XXIII.

Семейство В. К. Александра Ярославича Невскаго:

Супруга: **Княжна Полоцкая Александра Брячиславовна.**

Сыновья: **1. Василій.**
2. Димитрій.
3. Андрей.
4. Даніилъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ III

И

КНЯЗЬЯ ЛИТОВСКІЕ.

Отъ 1263 до 1272 года.

(Пер. 9 лѣтъ.)

Наслѣдникомъ Александра Невскаго былъ меньшой братъ его, Ярославъ Ярославичъ Тверскій; старшій же Андрей, хотя и возвратился изъ Швеціи, но умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Александра. Новгородцы думая, что Ярославъ Ярославичъ можетъ болѣе защитить ихъ отъ нападеній Татаръ, нежели маленькій Князь ихъ, Димитрій Александровичъ, изгнали, изъ Новгорода этого сына прежняго бла-

годѣтеля своего—Невскаго, и назвали Княземъ Новгородскимъ Ярослава III-го. Но они жестоко ошиблись. Ярославъ не принадлежалъ къ такимъ Государямъ, которые любятъ народъ свой. Съ самаго начала своего княженія онъ лишилъ Новгородцевъ многихъ правъ ихъ и когда они по обыкновенію забунтовались, Ярославъ увѣрилъ Хана, будто бы они враги его, и не хотятъ платить ему положенной дани. Ханъ уже отрядилъ войско наказать непокорный Новгородъ, но братъ Великаго Князя, молодой Василій Ярославичъ спасъ невинныхъ. Онъ нарочно поѣхалъ въ Орду и обнаружилъ несправедливость Ярослава. Ханъ остановилъ войско, но Ярославъ объявилъ войну Новгороду и безъ его помощи. Едва Митрополитъ Кириллъ уговорилъ Князя и народъ не ссориться. Новгородцы согласились признать Ярослава своимъ Княземъ, но тогда уже, какъ онъ поклялся наблюдать вѣрно законы Ярослава

Великаго и не обижать своихъ подданныхъ.

Княженіе и жизнь его были непродолжительны. Вскорѣ послѣ мира съ Новгородцами онъ ѣздилъ въ Орду и возвращаясь оттуда скончался на дорогѣ, какъ и отецъ его.

Нельзя ничего сказать въ похвалу этого Князя: онъ не отличался даже и храбростію, которая была всегда обыкновеннымъ качествомъ Рускихъ. Во время войны Новгородцевъ съ Датчанами и Рыцарями Ливонскими, онъ не водилъ самъ войско свое въ сраженіе, но всегда посылалъ или сыновей своихъ, или другихъ молодыхъ Князей. Въ его княженіе, Рускіе, въ первый разъ услышали о Князьяхъ Литовскихъ: до тѣхъ же поръ, Литовцы извѣстны были имъ, какъ дикіе разбойники, набѣгавшіе безпорядочными толпами на области Рускія и Польскія, на Рыцарей Литовскихъ и Нѣмецкихъ. Вдругъ началъ славиться между ними Князь *Миндовгъ*. Погубивъ многихъ другихъ

Князей Литовскихъ, присвоивъ себѣ земли и имѣніе убитыхъ, разбогатѣвъ грабительствомъ, онъ началъ думать о соединеніи нестройныхъ частей своего государства въ одно цѣлое владѣніе, которое съ того времяни сдѣлалось еще страшнѣе для сосѣдей своихъ. Миндовгъ не успѣлъ однакожъ окончить всѣхъ своихъ намѣреній, потому что вскорѣ былъ убитъ однимъ изъ обиженныхъ родственниковъ своихъ.

За смерть его ужасно мстилъ всей Литвѣ, сынъ его *Воишелгъ*, который съ самыхъ молодыхъ лѣтъ славился своимъ безстрашіемъ и такою свирѣпостію, что бывалъ печаленъ въ тотъ день, когда некого было казнить. Однакожъ, еще при жизни Миндовга, онъ вдругъ почувствовалъ раскаяніе въ своихъ злодѣйствахъ, уѣхалъ въ Галичь, къ тамошнему Князю Даніилу, который былъ друженъ съ Князьями Литовским, и тамъ постригся въ монастырѣ. Никакія просьбы отца не могли убѣдить его оставить монашество; но смерть

Миндовга возвратила ему всю прежнюю жестоковость: онъ сбросилъ съ себя ризу и поклялся не надѣвать ее до тѣхъ поръ, пока не отмститъ за убіеніе отца. Съ этой минуты Воишелгъ проливалъ безъ всякой пощады кровь родственниковъ - враговъ своихъ и побѣдивъ всѣхъ, сдѣлался главнымъ повелителемъ Литовцевъ. Онъ исполнилъ клятву свою и наказавъ убійцъ отца, носилъ сверхъ богатаго княжескаго платья черную мантію монаха: отъ этого часто называли его *Волкомъ въ овечьей кожѣ.*

Въ это самое время умеръ Даніилъ Галицкій. У него осталось три сына: Левъ, Мстиславъ и Шварнъ. По желанію Воишелга, Шварнъ, признанъ былъ Княземъ Литовскимъ, а самъ Воишелгъ вступилъ опять въ монастырь. Однакожъ, не долго онъ прожилъ тамъ: Левъ изъ зависти къ брату, лишилъ жизни его благодѣтеля. Но Шварнъ остался Государемъ Литвы, а злой братъ его былъ у всѣхъ въ презрѣніи.—И такъ Воишелгъ и

Миндовгъ были первыми, извѣстными намъ Государями Литвы, Литвы — которая нанесла потомъ столько горя и бѣдъ нашему отечеству!

Таблица XXIV.

Семейство В. К. Ярослава III.

Супруга: **Ксенія.**

Сыновья: 1. **Михаилъ.**

2. **Святославъ.**

ДѢТИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

Отъ 1272 до 1304 года.

(Пер. 32 лѣтъ.)

У добрыхъ родителей бываютъ часто дурныя, вовсе не похожія на нихъ дѣти. Это удивительно, однакожъ къ стыду такихъ дѣтей—это случается довольно часто, и случилось даже въ семействѣ добродѣтельнаго, Святаго Александра Ярославича!

У него было три сына: *Димитрій*, изгнанный изъ Новгорода по желанію Ярослава III; *Андрей*; Князь Городца Волжскаго, и *Даніилъ*, Князь Московскій. Никто изъ нихъ не имѣлъ вели-

кихъ достоинствъ отца своего: двое, Димитрій и Даніилъ остались почти незамѣченными въ Исторіи, но за то третій, *Андрей*, своею жестокостію, своимъ непремѣннымъ желаніемъ быть Великимъ Княземъ, на долго оставилъ память о себѣ въ сердцахъ Рускихъ. Онъ достигъ своего желанія, былъ Великимъ Княземъ, но когда милые читатели мои узнаютъ какимъ образомъ, то вѣрно пожалѣютъ о бѣдныхъ подданныхъ его!

Послѣ Ярослава III, — Великимъ Княземъ былъ четыре года меньшой братъ его, Василій I Ярославичъ. Въ непродолжительное княженіе его не случилось ничего примѣчательнаго, кромѣ того, что Татарскіе *Баскаки* или чиновники переписывали во второй разъ людей во всѣхъ областяхъ Рускихъ для того, чтобы вѣрнѣе получать съ нихъ дань.

Послѣ смерти Василія Ярославича, законнымъ наслѣдникомъ престола былъ *Димитрій Александровичъ*. Всѣ были со-

гласны на это; всѣ—даже беспокойные Новгородцы. Одинъ братъ его, Андрей думалъ иначе, и надѣясь на помощь Татаръ, спѣшилъ отправиться въ Орду, чтобы тамъ выпросить себѣ Великое Княжество, тѣмъ болѣе, что ссоры, происходившія между разными Ханами Татарскими, давали ему надежду очень скоро склонить на свою сторону котораго нибудь изъ нихъ. Эти ссоры въ Волжской или Капчакской Ордѣ начались еще въ княженіе Александра Невскаго. Ногай, одинъ изъ главныхъ Воеводъ Татарскихъ, начальствуя многими ордами при Черномъ морѣ, не захотѣлъ быть подъ властію Хана Беркія, наслѣдника Мангу - Тимура, сдѣлался независимымъ и даже страшнымъ, для прежней сильной и богатой Орды Капчакской. Примѣру Ногая слѣдовали и многіе другіе Ханы и Воеводы, такъ что Царство Татарское дѣлилось на части между собою несогласныя, ослабѣвало отъ этого дѣленія, и мало по малу приготовлялось къ тому паденію, отъ котораго зави-

сѣло освобожденіе нашего отечества. Но это счастливое время еще далеко, милыя дѣти! Много еще прольется крови Руской, прежде нежели оно настанетъ.

И такъ, возвратимся къ Андрею Александровичу: онъ радовался несогласію Татаръ не для будущаго счастія своихъ соотечественниковъ, но для того, что въ случаѣ отказа отъ одного Хана, ему можно было надѣяться выпросить себѣ помощь у другаго. По совѣту одного изъ недостойныхъ бояръ и друзей своихъ, какого-то Семена Тонмглiевича, онъ отправился въ Золотую Орду, къ Хану Мангу-Тимуру. Богатыми подарками и лестью, хитрый Андрей такъ расположилъ къ себѣ этого Хана, что онъ далъ ему и грамоту на Великое Княжество, и войско для покоренія тѣхъ областей и городовъ, которые бы вздумали противиться ему. Вотъ съ этими дикими толпами варваровъ, злодѣянія коихъ были еще такъ живы въ памяти народа Рускаго, Князь *Руской*

же возвратился въ отечество, требовать себѣ вѣнца Великокняжескаго! Никто изъ удѣльныхъ Князей не смѣлъ ослушаться: всѣ покорились повелѣнію Мангу-Тимура. Великій Князь удалился изъ столицы въ Новгородъ, а Татары, пользуясь случаемъ, предались своей природной жестокости и разорили Муромъ, окрестности Владиміра, Суздаля, Ростова, Твери и Торжка: они, безъ разбора, грабили и жгли и тѣ города, которые противились имъ, и тѣ, которые безусловно покорялись ихъ власти. Все опять погрузилось въ печаль и уныніе въ бѣдномъ отечествѣ нашемъ: каждый оплакивалъ или отца или сына, или брата, или друга. Одинъ злой Андрей радовался и пировалъ съ Татарами.

Между тѣмъ несчастный Димитрій, не принятый Новгородцами, для которыхъ выгоднѣе было перейти на сторону новаго Великаго Князя, жилъ во Псковѣ, гдѣ княжилъ тогда зять его, славный въ Исторіи *Довмонтъ*, одинъ изъ Князей Литовскихъ, изгнан-

ныхъ изъ отечества Миндовгомъ. Довмонтъ, терпѣвъ много несправедливостей отъ Литовцевъ, не любилъ ихъ, и принявъ во Псковѣ вѣру Христіанскую, сдѣлался Рускимъ душею и языкомъ, и за отличныя достоинства и храбрость свою, выбранъ былъ Псковитянами Княземъ надъ всею ихъ областію. Добраго Довмонта уважали всѣ Князья Рускіе, а Димитрій Александровичъ даже выдалъ за него дочь свою, и во время несчастнаго изгнанія своего, къ нему же пришелъ искать утѣшенія. Вскорѣ услышалъ онъ, что войско Ханское уже ушло въ Орду. Это извѣстіе дало ему смѣлость возвратиться въ свою разоренную область. Обрадованные жители начали сбираться къ нему, а испуганный Андрей опять бросился въ Орду и привелъ съ собою новыхъ грабителей, которые со всѣхъ сторонъ нападали на области Великаго Княжества. Тогда уже Димитрій въ отчаяніи бѣжалъ къ Ногаю, просить его помощи. Ногай—владѣвшій тогда всѣми землями, отъ степей нашихъ нынѣш-

нихъ Губерній: Харьковской и Екатеринославской до береговъ Чернаго моря и Дуная — принялъ его очень милостиво и былъ такъ силенъ, что однимъ повелѣніемъ своимъ возвратилъ ему престолъ: не только что Андрей, но даже самъ новый Ханъ, Туданъ-Менгу, не смѣли противиться этому повелѣнію, и оба брата помирились. Однакожъ это было не надолго: Андрей, пронырствами своими, склонилъ на свою сторону многихъ Удѣльныхъ Князей и въ томъ числѣ Князя Ѳеодора Ярославскаго, женатаго на дочери Ногая. Чрезъ зятя не трудно было Андрею оклеветать бѣднаго Димитрія и предъ самимъ Ногаемъ. Несчастный Великій Князь лишился и послѣдняго защитника: Ногай далъ Андрею грамоту на престолъ Владимірскій и войско, для новаго разоренія Россіи. Начальникомъ этого войска былъ *Дюдень*, братъ Хана Тохты. Съ обыкновенною свирѣпостью своею, Татары устремились опять на области Великаго Княжества.

Димитрій, можетъ быть предчувствуя близкую кончину свою, не захотѣлъ болѣе быть причиною бѣдствій своего отечества, и рѣшился отказаться отъ престола Великокняжескаго. За это должно благодарить кажется, сына Ярослава II, молодаго Князя Тверскаго Михаила, у котораго жилъ Димитрій, во время послѣдняго изгнанія своего, и который всѣми силами старался помирить братьевъ. Предчувствіе не обмануло Димитрія: онъ скончался въ 1294 году.

Наконецъ Андрей Александровичъ могъ уже надѣяться, что никто не будетъ оспоривать у него Великаго Княжества. Не любя новаго Государя за жестокій, властолюбивый нравъ, Удѣльные Князья жили очень несогласно между собою, и каждый изъ нихъ хотѣлъ быть независимымъ: Михаилу Тверскому и Ѳеодору Ярославскому удалось сдѣлать это во время несчастнаго княженія Димитрія. Даніилъ же Московскій и сынъ Димитрія Алексан-

дровича, Іоаннъ Переяславскій, старались объ этомъ же при Андреѣ.

Московское княжество, вскорѣ еще увеличилось: Іоаннъ, умирая бездѣтнымъ, отдалъ городъ свой, Переяславль, Князю Московскому. Это случилось въ 1295 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Даніила, перваго изъ Князей Московскихъ, начавшаго думать о томъ, чтобы со временемъ сдѣлать Москву—столицею Россіи.

Княженіе Андрея продолжалось десять лѣтъ, и каждый годъ предки наши записывали въ лѣтописи свои какія нибудь естественные ужасы и несчастія, тогда случавшіеся. Въ числѣ явленій, пугавшихъ необразованный и суевѣрный народъ, была комета, явившаяся въ 1301 году. Но были и дѣйствительные бѣдствія: страшныя вихри, засухи, голодъ, моръ и сильные пожары. Къ этому, жестокій Андрей Александровичъ прибавлялъ всѣ тѣ страданія и горести, какія терпятъ люди отъ злобы подобныхъ себѣ! Единственнымъ хорошимъ дѣломъ

Андрея было то, что онъ въ 1301 году, побѣдилъ безпокойныхъ сосѣдей нашихъ, Шведовъ, часто нападавшихъ на Новгородскія области, и наконецъ построившихъ въ семи верстахъ отъ нашего нынѣшняго Петербурга, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь *Охта*, городъ и крѣпость, откуда имъ было еще удобнѣе приходить въ наши владѣнія. Этотъ новый городъ назывался *Ландскрона* т. е. *Вѣнецъ земли*. Андрей взялъ его и срылъ всѣ укрѣпленія, такъ что почти не осталось и слѣдовъ его. Здѣсь только, одинъ разъ въ жизни, Андрей думалъ о пользѣ отечества и сражался за него. — Впрочемъ же, никто изъ потомковъ Мономаха не сдѣлалъ столько зла отечеству, какъ этотъ гордый, властолюбивый, жестокій сынъ кроткаго, великодушнаго, святаго отца!

Онъ умеръ 27 Іюля 1304 года и погребенъ въ Городцѣ Волжскомъ.

Таблица XXV.

Сыновья Вел. К. Димитрія I.

1. Іоаннъ.
2. Іоаннъ,
3. Александръ,

Таблица XXVI.

Сыновья В. К. Андрея III.

1. Георгій.
2. Борисъ.
3. Михаилъ,

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Конецъ первой части.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ РАСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Жуковскій.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. С. Петербургъ Декабря 17 дня 1836 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ РАСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

КОНЧИНА СВ. МУЧЕНИКА и ВЕЛ. КНЯЗЯ МИХАИЛА I-го.

Отъ 1304 до 1319 года.

(Пер. 15 лѣтъ.)

Съ смертію Андрея Александровича не кончились тѣ новыя несчастія, какія навлекъ онъ на Россію: примѣру его послѣдовали многіе другіе Князья, и съ тѣхъ поръ клеветы ихъ другъ на друга въ Ордѣ причиняли безпрестанно новыя бѣды въ ихъ областяхъ. Но самымъ усерднымъ подражателемъ Андрея былъ племянникъ его, Георгій Даніиловичъ, Князь Московскій. Какъ

Андрей спорилъ о престолѣ Великокняжескомъ съ старшимъ братомъ своимъ Димитріемъ, такъ точно и Георгій не хотѣлъ уступить этого престола законному наслѣднику Андрея, дядѣ своему, Михаилу Ярославичу, Князю Тверскому и сыну Ярослава III-го. Они должны были, для рѣшенія спора своего, ѣхать въ Золотую Орду, гдѣ уже царствовалъ Ханъ Тохта, побѣдитель сильнаго Ногая, найденнаго убитымъ на полѣ сраженія. Тохта, къ досадѣ Георгія, приказалъ быть Великимъ Княземъ, Михаилу.

Нѣсколько лѣтъ княжилъ онъ спокойно и жилъ по большой части въ Твери, которая съ того времени сдѣлалась однимъ изъ главныхъ городовъ Рускихъ.

Между тѣмъ Георгій не терялъ надежды, быть со временемъ Великимъ Княземъ, и для того, часто ѣздилъ въ Орду, угождалъ старымъ Ханамъ, дружился съ молодыми. Привыкнувъ видѣть, съ какимъ удовольствіемъ онъ все-

гда пріѣзжалъ къ нимъ, привыкнувъ слышать какъ онъ хвалилъ нравы, обычаи, даже яствы и отвратительный кумысъ ихъ, Татары полюбили Георгія. Молодыя Татарки скучали на тѣхъ пирахъ, гдѣ не было миловиднаго Князя Рускаго, котораго привѣтливое обращеніе и всегда веселые разговоры такъ не походили на угрюмыя лица и повелительныя рѣчи отцовъ и братьевъ ихъ. Но болѣе всѣхъ любовалась имъ прекрасная Кончака, дочь Хана Тохты и любимая сестра молодаго Узбека, наслѣдника престола Татарскаго. Георгій замѣтилъ это, и еще болѣе началъ стараться заслужить ея благосклонность, не для того, чтобы онъ любилъ ее, но для того, что надѣялся чрезъ нее достичь до престола Великокняжескаго, тѣмъ болѣе, что въ это самое время Тохта умеръ и Ханомъ Золотой Орды сдѣлался сынъ его, Узбекъ, братъ Кончаки. Счастіе милой сестры было для молодаго Царя Татарскаго дороже всего на свѣтѣ: видя, что ей нравится Георгій,

и думая, что и онъ любитъ ее, Узбекъ согласился, чтобы сестра его приняла вѣру Христіанскую и вышла за Князя Рускаго. Кончаку назвали въ крещеніи *Агаѳіею*.

Сдѣлавшись зятемъ Хана и получивъ отъ него войско подъ начальствомъ воеводы Кавгадыя, Георгій Даніиловичъ отправился въ отечество, и прямо въ Тверь, чтобы выгнать оттуда Великаго Князя. Михаилъ, видя страшную силу Татаръ, и боясь подвергнуть народъ свой новымъ несчастіямъ, послалъ сказать Князю Московскому, что онъ уступаетъ ему престолъ Великокняжескій и проситъ оставить ему только наслѣдственную, Тверскую область его. Георгій, вмѣсто отвѣта, началъ разорять всѣ города и селенія этой области. Тогда Михаилъ принужденъ былъ послушаться совѣта Епископа и бояръ, и итти съ полками на встрѣчу Георгія. Богъ помогъ ему побѣдить враговъ и тѣмъ спасти отъ совершеннаго разоренія

свое Тверское Княжество. Молодая супруга Георгія, братъ его, Борисъ Даніиловичъ, воевода Татарскій Кавгадый попались въ плѣнъ къ Михаилу, но онъ всѣмъ имъ возвратилъ свободу; и когда Георгій не тронулся и этимъ великодушіемъ и приготовлялся опять къ сраженію, Михаилъ, желая спасти своихъ подданныхъ отъ новаго кровопролитія, предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Орду на судъ Хана. Къ несчастію, прекрасная Кончака—Агаѳія, не успѣвъ возвратиться къ супругу, умерла скоропостижно въ Твери, и Георгій выдумалъ, что она была отравлена. Такой выдумки слишкомъ довольно было, чтобы обвинить Михаила въ глазахъ Узбека, нѣжно любившаго сестру свою! Несчастный Князь, съ чистою совѣстію своею, отправился въ Орду вслѣдъ за уѣхавшими туда Георгіемъ и Кавгадыемъ. Можетъ быть, имѣя темное предчувствіе о томъ, что его ожидало тамъ, онъ написалъ завѣщаніе, назначилъ сыновьямъ удѣлы,

съ чрезвычайною горестію простился съ ними и съ супругою, и въ продолженіе всей дороги, причащался Св. Тайнъ каждую недѣлю.

Узбекъ, отъ природы добрый и справедливый, принялъ Михаила довольно милостиво и вѣрно не рѣшился бы казнить его,—боясь осудить невиннаго, если бы не злой Георгій и другъ его Кавгадый, которые каждый день такъ много наговаривали на Михаила, что наконецъ Узбекъ приказалъ вельможамъ своимъ судить его съ Георгіемъ.—Главнымъ судіею былъ назначенъ Кавгадый. Разумѣется, что несчастный Михаилъ былъ обвиненъ: приставы въ ту же минуту наложили ему на шею тяжелую колодку, сняли съ него драгоцѣнную его одежду и раздѣлили ее между собою.

Не льзя описать вамъ, милыя дѣти, сколько униженія, обидъ и мученій терпѣлъ кроткій Михаилъ, съ той минуты, какъ осудили его, до той, какъ Узбекъ рѣшился наконецъ утвердить

етопъ судъ! Это продолжалось болѣе мѣсяца, и случилось въ то самое время, когда вся Орда отправлялась на охоту къ берегамъ Терека. Нѣсколько сотъ тысячь людей собиралось тогда для удовольствія Хана. Каждый надѣвалъ лучшій нарядъ и садился на лучшую лошадь, которыми и теперь еще славятся Татары. Купцы везли за подвигавшеюся Ордою множество товаровъ Индійскихъ и Греческихъ, однимъ словомъ: мѣсяцъ или два—охоты у Татаръ, можно было назвать продолжительнымъ, великолѣпнымъ праздникомъ, гдѣ всѣ были веселы и счастливы! И вслѣдъ за этими счастливцами, которыхъ радостныя пѣсни шумно раздавались по дикимъ степямъ, вели несчастнаго Князя Рускаго! Не думайте однакожъ, чтобъ онъ шелъ съ лицемъ печальнымъ. Нѣтъ, гораздо печальнѣе были добрые Бояре, его окружавшіе, и не они его, но онъ ихъ часто утѣшалъ такими словами: „Друзья мои! вы долго видѣли меня въ чести и сла-

въ! неужели будемъ роптать на Бога за непродолжительное униженіе? Шея моя скоро освободится отъ этихъ оковъ!

Ожиданіе его въ самомъ дѣлѣ скоро исполнилось: безсовѣстные судьи, друзья Георгія, упросили молодаго Узбека утвердить приговоръ, и день казни былъ назначенъ. Михаилъ не испугался: уже давно онъ готовъ былъ явиться къ Богу. Въ утро того дня, онъ отслушалъ заутреню, благословилъ двѣнадцатилѣтняго сына своего Константина, бывшаго съ нимъ въ Ордѣ; поручилъ его и бояръ своихъ покровительству доброй супруги Узбека, Царицы Баялыни, и когда Георгій и Кавгадый подъѣхали къ шатру Князя и послали палачей умертвить его, онъ спокойно вышелъ къ нимъ на встрѣчу, безъ малѣйшаго ропота перенесъ все, что заставили его вытерпѣть мучители, и съ молитвою въ сердцѣ и на языкѣ, закрылъ навѣки глаза, заслу-

живъ по справедливости названіе *Мученика* и *Святаго*.

Тѣло его было отослано въ Москву и погребено въ монастырѣ Спасскомъ, въ Кремлѣ.

Таблица XXVII.

Семейство В. К. Михаила I-го Ярославича:

Супруга: Княжна *Анна* Димитріевна Борисовичева.

Сыновья: 1. Димитрій.

2. Александръ.

3. Константинъ.

4. Василій.

МЩЕНІЕ.

Отъ 1319 до 1328 года.

(Пер. 9 лѣтъ.)

Съ неописанною горестію узнали въ Твери о смерти Михаила: супруга его, дѣти и народъ. Не смѣя требовать отчета въ этой смерти у Георгія Даніиловича, уже пріѣхавшаго во Владиміръ съ грамотою Узбека на престолъ Великокняжескій, печальное семейство думало только о томъ, какъ бы выручить изъ рукъ убійцы священный гробъ умершаго Страдальца и ос-

вободить маленькаго Константина Михаиловича, котораго онъ привезъ съ собою изъ Орды, какъ плѣнника. Для этого отправленъ былъ къ Георгію III-му, вторый сынъ Михаила, Александръ.

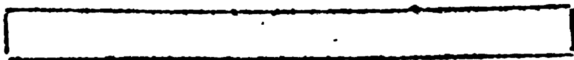
Георгій, довольный успѣхомъ своимъ, не спорилъ о томъ, гдѣ будетъ лежать его жертва, приказалъ вынуть изъ земли уже пять мѣсяцевъ похороненный въ монастырѣ Спасскомъ гробъ Михаила, и отдать его сыну.

Княгиня Анна, вдова Михаила и старшій сынъ ея, Димитрій, плыли въ лодкахъ далеко по Волгѣ на встрѣчу драгоцѣнныхъ останковъ супруга и отца, и уже вмѣстѣ съ ними подъѣхали къ Тверскому берегу, гдѣ приняли ихъ духовенство и народъ. Всѣ громко рыдали, всѣ тѣснились цѣловать гробъ добраго Государя. Сколь же велика была радость всѣхъ, когда, открывъ его, увидѣли, что тѣло нигдѣ не было повреждено ни отъ продолжительнаго путешествія съ береговъ моря Каспій-

скаго, ни отъ пяти-мѣсячнаго лежанія въ могилѣ! Семейство Святаго Мученика и народъ упали на колѣна, благодаря Бога за это чудо, и съ этой минуты перестали плакать о Михаилѣ: они видѣли доказательство счастія, которымъ онъ уже наслаждался на небесахъ! Добрая, благочестивая Княгиня Анна, съ этого дня простилась съ міромъ и постриглась въ монахини. Предки наши во всѣ времена отличались своимъ усердіемъ къ вѣрѣ, и Государи ихъ почти всегда оканчивали жизнь въ монастыряхъ. Тѣло Св. Михаила почиваетъ и теперь въ Тверскомъ Преображенскомъ соборѣ.

Между тѣмъ, Константинъ Михаиловичъ и бояре Тверскіе, пріѣхавшіе съ нимъ изъ Орды, все еще оставались въ плѣну у Георгія, и онъ не прежде отпустилъ ихъ какъ въ 1321 году, когда Димитрій Михаиловичъ далъ ему *двѣ тысячи рублей* и слово—не искать Великаго Княжества.

Здѣсь надобно замѣтить, милые читатели мои, что при этомъ выкупѣ Князя Константина Михаиловича, въ первый разъ говорится въ исторіи нашей о *рубляхъ*, которые вовсе не походили на прекрасные и свѣтлые цѣлковые рубли наши. Нѣтъ! то были простые отрубки серебра безъ всякаго клейма и вѣсили каждый отъ 22 до 24 золотниковъ. Крестьяне одной подмосковной деревни нашли не очень давно нѣсколько такихъ кусковъ серебра въ землѣ. Вѣрно многимъ изъ васъ, любезныя дѣти, хотѣлось бы знать какого рода были эти отрубки? Очень рада, маленькіе Антикваріи,—вѣдь вы знаете, что это слово значитъ *любители древностей*—очень рада, что могу услужить вамъ небольшимъ рисункомъ, по которому вы можете узнать по крайней мѣрѣ видъ и длину этихъ старинныхъ рублей. Вотъ онъ:

Видите какъ некрасивы эти деньги предковъ нашихъ въ сравненіи съ нынѣшними монетами. Но это все таки лучше, нежели прежнія деньги ихъ, которыя были просто лоскутки кожи съ клеймомъ, и назывались *кунами*, отъ того, что дѣлались изъ кожъ *куницъ*.

И такъ, заплативъ 2000 такихъ рублей, Димитрій выручилъ изъ плѣна брата своего; чтожъ касается обѣщанія не искать Великаго Княжества, то онъ далъ его неискренно, далъ въ ту самую минуту, когда въ душѣ клялся отмстить убійцѣ отца своего; и тотчасъ по пріѣздѣ брата Константина въ Тверь, отправился въ Орду и выпросилъ себѣ у Узбека престолъ Владимірскій. Георгій Даніиловичъ ходилъ въ это время съ Новгородцами къ берегамъ Невы, и тамъ, гдѣ она вытекаетъ изъ Ладожскаго озера, на островѣ *Орѣховомъ*, построилъ крѣпость *Орѣховскую* или нынѣшній *Шлиссельбургъ*, для того, чтобы Шведы не могли входить въ это озеро. Получивъ

извѣстіе, что Димитрій не исполнилъ своего обѣщанія, и уже вездѣ объявленъ Великимъ Княземъ, Георгій огорчился и боялся выѣхать изъ Новгорода, чтобы не потерять и этой области, но чрезъ нѣсколько времени одержавъ побѣды надъ Шведами, Литовцами и Князьями Устюжскими, заслужилъ благодарность Новгородцевъ, принялъ клятву ихъ въ вѣрности и отправился къ Узбеку, опять просить у него Великаго Княжества.

Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ въ Орду и Димитрій. Этотъ Князь, молодой, пылкій, названный *Грозныя—Очи*, былъ представленъ Узбеку въ одно время съ смертельнымъ врагомъ своимъ! Отмстить этому врагу — было первымъ желаніемъ, всегдашнею мыслію Димитрія въ теченіе шести лѣтъ! Онъ никогда не зналъ Георгія лично и вдругъ видитъ его подлѣ себя! Кровь молодаго Князя закипѣла; большіе голубые глаза его сдѣлались подлинно *Очами Грозными*; ему казалось,

что онъ видитъ предъ собою блѣдную тѣнь отца, ему казалось, что онъ слышитъ жалобные стоны, которые вырывались у него передъ смертію, и — горестный, несчастный сынъ не могъ владѣть собою, бросился на Георгія и закололь его въ одну минуту! Тѣло убитаго Князя привезли въ Москву, гдѣ княжилъ братъ его, Іоаннъ Даніиловичъ, и Митрополитъ Петръ похоронилъ его въ церквѣ Архангела Михаила.

Между тѣмъ въ Твери, всѣ со страхомъ ожидали, чѣмъ накажетъ Узбекъ Димитрія, осмѣлившагося въ глазахъ его сдѣлать убійство. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и Ханъ все еще молчалъ. Друзья Великаго Князя уже начали надѣяться, что Узбекъ не будетъ мстить за Георгія. Но вдругъ, 15 Сентября 1326 года, дано повелѣніе казнить несчастнаго Димитрія, и въ тотъ же день его убили въ Ордѣ. Ему было только 27 лѣтъ.

Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о казни брата, Александръ Михаиловичъ полу-

чилъ отъ Хана и грамоту на престолъ Великокняжескій. Но не долго онъ владѣлъ имъ. Не прошло года, какъ пріѣхалъ въ Тверь двоюродный братъ Узбека, *Шевкалъ*, со множествомъ Татаръ. Въ народѣ развесся слухъ, будто бы онъ пріѣхалъ для того, чтобы обратить всѣхъ Рускихъ въ вѣру Магометанскую, убить Князя, Александра и другихъ братьевъ его, и раздать всѣ города вельможамъ Татарскимъ. Вѣроятно, этотъ слухъ былъ несправедливъ, но Великій Князь, боясь умереть также какъ умеръ отецъ его, и не имѣя великодушія Михаила, жертвовавшаго собою для спокойствія подданныхъ, встревожилъ этими слухами народъ, который повѣрилъ ему и для спасенія вѣры и Государей своихъ рѣшился на дѣло чрезвычайно опасное и вовсе безполезное въ то время: рѣшился истребить всѣхъ Татаръ, бывшихъ въ Твери. Онъ исполнилъ это подъ начальствомъ своего Князя 15-го Августа 1327 года, въ самый день Успенія Бого-

родицы: ни одного Татарина не осталось живаго въ городѣ.

Непростительно было для Александра Михаиловича такъ безразсудно вовлечь подданныхъ своихъ въ неминуемую погибель! Гнѣвъ Узбека былъ ужасенъ: онъ поклялся истребить все княжество Тверское и поручилъ исполнить это Іоанну Даніиловичу, Князю Московскому, обѣщая въ награду сдѣлать его Великимъ Князем, и приславъ къ нему на помощь 50,000 воиновъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Тверь, Кашинъ, Торжокъ были опустошены со всѣми селеніями, и жители истреблены или уведены въ неволю; Іоаннъ Даніиловичъ сдѣланъ Великимъ Княземъ, Александръ Михаиловичъ убѣжалъ во Псковъ; меньшіе братья его — въ Ладогу.

Такъ въ теченіе *девяти* лѣтъ, Россія лишилась четырехъ Государей, изъ которыхъ трое убиты были въ Ордѣ; четвертый, переходилъ изъ одно-

го города въ другой, не находя нигдѣ пристанища!

Это ужасное состояніе сѣверной части государства нашего, было еще счастіемъ въ сравненіи съ бѣдствіями южной, которая въ это время подпала подъ власть одного изъ наслѣдниковъ Миндовга, Князя Литовскаго Гедимина. Гедиминъ былъ необыкновенно уменъ и храбръ; однакожъ, онъ сдѣлалъ великое злодѣйство, умертвивъ Государя своего Буйвида и присвоивъ себѣ престолъ его. Вскорѣ — Нѣмцы, Рускіе и Поляки узнали его силу. Онъ завоевалъ Брестъ, Овручь, Житоміръ, наконецъ самый Кіевъ и всю старинную область Кривскую или нынѣшнюю Бѣлоруссію. Хитрый Гединшнъ, понимая трудное искусство удерживать у себя завоеванія свои, не изгонялъ природныхъ Князей покоренныхъ имъ земель, уважалъ ихъ обычаи, покровительствовалъ вѣру Греческую, и позволялъ новымъ подданнымъ своимъ зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ отъ Митропо-

лита Московскаго. Самъ же онъ пользовался верховною властію и названіемъ *Великаго Князя Литовскаго и Рускаго*. Столицею его была *Вильна*, имъ же основанная.

Таблица XXVIII.

Семейство В. К. Георгія III.

Супруга: *Кончака.* Царевна *Татарская,* въ крещеніи *Агаѳія.*

Таблица XXIX.

Семейство В. К. Димитрія Михаиловича:

Супруга: Княжна Литовская, дочь Гедимина.

Таблица XXX.

Семейство В. К. Александра Михаиловича.

Супруга неизвѣстна.

Сыновья: 1. Ѳеодоръ.
2. Всеволодъ.
3. Левъ.
4. Михаилъ.

ІОАННЪ КАЛИТА

и

МОСКВА, СТОЛИЦА РОССІИ.

От 1328 до 1340 года.

(Пер. 12 лѣтъ.)

Ссоры Князей Московскихъ, потомковъ Александра Невскаго съ Князьями Тверскими,—дѣтьми брата его Ярослава Ярославича, напоминаютъ намъ, милыя дѣти, старинное, болѣе ста лѣтъ продолжавшееся несогласіе Олеговичей и Мономаховичей. Разница была въ томъ, что прежде Князья-враги явно ненавидѣли и часто истребляли другъ друга,

въ жестокихъ сраженіяхъ, теперь же, они тайно клеветали въ Ордѣ и губили другъ друга чрезъ царей Татарскихъ! Такъ погибли Михаилъ и Димитрій, тоже угрожало и Александру Михаиловичу! Ужасна была судьба его, когда послѣ разоренія Тверскаго Княжества его, онъ долженъ былъ бѣжать изъ родины, и напрасно просить пристанища и помощи у Князей Рускихъ! Никто не хотѣлъ принять его: всѣ боялись гнѣва Узбека и любимца его, Великаго Князя Іоанна Даніиловича, которому приказано было отъ Хана представить бѣглеца, въ Орду.

Въ то время, когда для всѣхъ Рускихъ такъ ужасны казались злые Татары, жители Псковской области показали рѣдкой примѣръ неустрашимости и великодушія: они осмѣлились быть защитниками бѣднаго Александра Михаиловича, и не только приняли его къ себѣ со всемъ семействомъ, но даже выбрали его Княземъ своимъ и отложились отъ Новгорода. Ника-

нія угрозы Узбека, Великаго Князя и Новгородцевъ не могли заставить ихъ выдать несчастнаго Князя, тѣмъ болѣе, что ему покровительствовалъ и сильный Князь Литовскій Гедиминъ.

Александръ прожилъ во Псковѣ около десяти лѣтъ, между тѣмъ, какъ Тверью управлялъ братъ его Константинъ Михаиловичъ. Но чужая сторона, не смотря на всѣ выгоды свои—никогда не можетъ быть для насъ такъ пріятна, какъ родная, гдѣ мы въ первый разъ увидѣли свѣтъ, гдѣ выросли, гдѣ всѣ мѣста знакомы намъ, гдѣ живутъ люди, которыхъ мы привыкли любить съ младенчества! По этому вы не удивитесь, милые читатели мои, когда я скажу вамъ, что Александръ Михаиловичъ, все время пока жилъ во Псковѣ, грустилъ по своей родинѣ — Твери, и старался всѣми силами возвратить себѣ эту наслѣдственную область. Чрезъ десять лѣтъ, онъ могъ надѣяться, что гнѣвъ Узбека уже утихъ, и рѣшился ѣхать въ Орду, чтобы со-

вершенно заслужить его милость. Онъ не обманулся: Царю понравилась покорность и въ тоже время смѣлость, съ которою Князь сказалъ ему: „Царь верховный! я заслужилъ гнѣвъ твой и отдаю тебѣ судьбу мою. Милуй или казни: если помилуешь, я прославлю Бога и тебя. Хочешь ли головы моей? —Она предъ тобою!„ Узбекъ милостиво выслушалъ его, и съ улыбкою сказалъ своимъ вельможамъ: „ Князь Александръ кротостію и умомъ своимъ избавляетъ себя отъ казни!“ И тогда же возвратилъ ему княжество Тверское.

Но не надолго обрадованъ былъ бѣдный Александръ Михайловичъ! Не прошло года, какъ онъ съ семействомъ своимъ пріѣхалъ въ Тверь, и уже Іоаннъ Даніиловичъ, боясь, чтобы Князья Тверскіе опять не усилились и не заспорили съ нимъ о престолѣ Великокняжескомъ, — поѣхалъ въ Орду клеветать на Александра. Узбека не трудно было обмануть: онъ вѣрилъ всему,

что говорили Князья Руские другъ на друга, особливо, если они прибавляли къ своимъ словамъ—богатые подарки. Іоаннъ Даніиловичъ не забылъ сдѣлать это—и судьба Тверскаго Князя рѣшилась! Онъ получилъ повелѣніе Хана, пріѣхать въ Орду, не смѣлъ не послушаться и былъ убитъ тамъ вмѣстѣ съ молодымъ сыномъ своимъ Ѳеодоромъ, 28 Октября 1339 года.

Узбекъ, умерщвляя Князей, думалъ, что этимъ утвердитъ еще болѣе власть Татаръ надъ Рускими; но онъ очень ошибся: жестокость его только помогла имъ скорѣе освободиться отъ этой власти, утвердивъ на престолѣ Рускомъ Іоанна I-го. Имя Великаго Князя помрачилось погубленіемъ Александра Михаиловича, но ослѣпленный честолюбіемъ, онъ думалъ что обстоятельства оправдываютъ его. Зная, что всѣ несчастія Россіи происходили отъ несогласія и слабости Князей, онъ старался, съ самаго вступленія своего на престолъ, имѣть подъ властію своею всѣ другія

Княжества. Самое сильное изъ нихъ— было Тверское. Предвидя сколько новыхъ бѣдъ могло случиться въ Россіи, если бы Тверскіе Князья вздумали отнимать у потомковъ его престолъ Великокняжескій, Іоаннъ не почиталъ за грѣхъ погубить одного Князя для спасенія нѣсколькихъ тысячь людей. Конечно, онъ очень ошибался, потому что никто, кромѣ одного милосердаго Бога, не можетъ располагать жизнію людей, и всѣ мы должны отвѣчать Ему не только за несчастія, но даже за тѣ небольшія огорченія, какія причиняемъ нашимъ ближнимъ! Если бы не это бѣдственное заблужденіе, то намъ оставалось бы только прославлять память Іоанна Даніиловича, потому что онъ первый положилъ начало къ освобожденію предковъ нашихъ отъ власти Татарской: онъ первый возобновилъ мысль Андрея Георгіевича, что для счастія и славы отечества нашего нужно, чтобы всѣ обширныя части его повиновались волѣ одного

Государя, а не прихотям нѣсколькихъ ничтожныхъ Князей маленькихъ удѣловъ; онъ первый, послѣ нашествія Татаръ, началъ соединять эти разстроенныя части въ одно цѣлое; онъ первый назвалъ столицею Россіи—нашу Москву, родную, славную, незабвенную по тѣмъ происшествіямъ, какія потомъ случились въ ней! Казалось, что самъ Богъ назначалъ ее быть столицею: Москва лежала въ самой срединѣ тогдашней Россіи. Всѣ главныя области окружали ее, почти въ равномъ разстояніи; слѣдовательно не льзя было лучше выбрать города для пребыванія Государя. Кромѣ того, привязанность къ нему благочестиваго Митрополита Петра, названнаго потомъ церковью нашею *Святымъ*, какъ будто бы предвѣщало новой столицѣ—благословеніе и особенное покровительство Божіе. Всѣ Митрополиты Рускіе всегда жили прежде въ Кіевѣ и потомъ во Владимірѣ, какъ въ столичныхъ городахъ Государства. Св. Петръ, полю-

бивъ Москву, переселился въ нее прежде, нежели ее сдѣлали столицею, и просилъ Іоанна построить въ ней церковь Богоматери. Іоаннъ исполнилъ его желаніе и въ 1326 году, 4 Августа *заложилъ* въ Москвѣ на площади, *первую церковь каменную* во имя Успенія Богородицы. Святый Митрополитъ собственными руками построилъ себѣ каменный гробъ въ ея стѣнѣ и вскорѣ скончался. Церковь была достроена и освящена уже безъ него, новымъ Митрополитомъ Ѳеогностомъ.

Княженіе Іоанна Даніиловича продолжалось двѣнадцать лѣтъ. Не смотря на несчастную смерть родственника его, Александра Михаиловича, Москвитяне очень любили Іоанна за его набожность, усердіе къ строенію церквей и милосердіе къ нищимъ. Они называли его *Собрателемъ земли Руской* и *Государемъ-Отцемъ*. Еще было у него одно прозваніе: *Калита*. Оно произошло отъ того, что онъ всегда носилъ съ собою мѣшокъ, наполненный деньгами

для бѣдныхъ, а такой мѣшокъ, называли встарину *калитою*. Кромѣ Успенскаго Собора, онъ построилъ еще каменный Архангельскій, гдѣ былъ и погребенъ и гдѣ съ того времени погребали всѣхъ Князей Московскихъ. Въ 1339 году онъ окружилъ новую столицу дубовыми стѣнами, и возобновилъ *Кремникъ* или *Кремль*, который при немъ сгорѣлъ. Кремль былъ тогда внутреннею крѣпостію или по старинному названію, *Дѣтинцемъ*. (*)

Если вы слыхали, милыя дѣти, пословицу: *Близь Царя*, *близь смерти*, то надобно сказать вамъ, что она появилась въ то время, когда не только народъ Рускій, но даже и Князья его такъ боялись Царей Татарскихъ, что поѣхать въ Орду, было для нихъ тоже, что приготовиться къ смерти.

(*) Названіе *Дѣтинецъ* происходитъ отъ имени стражи, или тѣлохранителей Княжескихъ, называвшихся *Дѣтскими* или *Отроками*, которымъ поручали защищать внутреннюю крѣпость.

Они прощались навѣкъ съ семействомъ и друзьями своими, писали духовныя завѣщанія, назначали даже деньги на поминовеніе души своей. Вы можете видѣть это въ завѣщаніи Великаго Князя Іоанна Калиты, который написалъ его, отправляясь еще въ началѣ княженія своего къ Узбеку. Оно очень любопытно тѣмъ, что даетъ намъ понятіе о владѣніяхъ и состояніи Великаго Князя. Я не буду описывать подробно этого завѣщанія, но выпишу изъ него только то, что, кажется, будетъ любопытно для маленькихъ читателей моихъ.

Эта духовная начинается такъ: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Не зная, что Всевышній готовитъ мнѣ въ Ордѣ, куда ѣду, оставляю эту *душевную* грамоту, написанную мною добровольно, въ цѣломъ умѣ и совершенномъ здоровьѣ. Приказываю, въ случаѣ смерти, сыновьямъ моимъ городъ Москву; отдаю *Симеону* Можайскъ, Коломну съ волостями. *Ивану*-Звѣнигородъ и Рузу;

Андрею—Лопастну, Серпуховъ, Перемышль; Княгинѣ моей съ меньшими дѣтьми села, бывшія въ ея владѣніи. Еще при жизни далъ я сыну *Симеону* четыре цѣпи, три пояса, двѣ чаши, блюдо съ жемчугомъ и два ковша золотые, да три блюда серебряныя; *Ивану* —четыре цѣпи, два пояса съ жемчугомъ и съ каменьями, третій—сердоликовой, два ковша, двѣ круглыя чаши золотыя, да три блюда серебряныя. *Андрею*— четыре цѣпи, поясъ жемчужный, другой съ крюкомъ, на красномъ шелкѣ, третій Ханскій, два ковша, двѣ чарки золотыя, да три блюда серебряныя. Золото Княгини отдалъ я дочери Феминьѣ: 14 колецъ, новый складень, ожерелье матери ея, *чело* (*) и гривну; а мое собственное золото и коробочку золотую отказываю Княгинѣ моей, съ меньшими дѣтьми. Изъ платьевъ моихъ назначаю *Симеону*—шубу красную съ жемчугомъ и шапку золотую; *Ивану*

(*) Головной уборъ.

—желтую объяринную—шубу съ жемчугомъ и мантію съ бармами; *Андрею*—шубу соболью съ наплечниками, низанными жемчугомъ; а двѣ новыя шубы съ жемчугомъ, меньшимъ дѣтямъ *Марьѣ* и *Ѳедосьѣ*. Серебряные пояса и другія одежды мои раздать священникамъ, а сто рублей, оставленныхъ мною у казначея, по церквамъ. Тебѣ, Симеонъ, какъ старшему сыну, приказываю (поручаю) меньшихъ братьевъ и Княгиню съ дочерьми: будь имъ по Богѣ главнымъ защитникомъ.—Грамоту писалъ Дьякъ Великокняжескій *Кострома* при духовныхъ отцахъ моихъ, священникахъ Ефремѣ, Ѳеодосіѣ и Давидѣ. Кто нарушитъ ее, тому Богъ судія.„

Вы видите, милыя дѣти, какъ не велико было богатство прежнихъ Государей нашихъ; однакожъ, довольствуясь и малымъ, они высоко цѣнили его: вы можете замѣтить это по той точности, съ которою сказано въ духовной даже о кольцахъ. А мы, какъ часто считаемъ за ничто не только

кольца, но и вещи гораздо драгоцѣннѣйшія, которыми дарятъ насъ нѣжные родители наши! Какъ часто, мы готовы безразсудно отдать ихъ за какую нибудь бездѣлку, болѣе блестящую! Поучимся же у старинныхъ Князей нашихъ быть бережливыми и сохранимъ на долго все, что получили мы отъ людей, которыхъ такъ много любимъ и уважаемъ! Вѣдь и Іоаннъ Калита получилъ отъ отца и дѣда почти всѣ тѣ вещи, которыя отказывалъ въ духовной дѣтямъ своимъ.

Таблица XXXI.

Семейство В. К. Іоанна I Даніиловича Калиты.

Супруга:	Елена.
Дѣти:	1. Симеонъ.
	2. Іоаннъ.
	3. Андрей.
Дочери:	4. Фешинья.
	5. Марья.
	6. Ѳеодосія.

СВЯТЫЙ МИТРОПОЛИТЪ АЛЕКСІЙ.

От̃ъ 1340 до 1359 года.

(Пер. 19 лѣтъ.)

Богъ, посылая несчаст̃ія на предковъ нашихъ, посылалъ имъ т̃акже и ут̃ѣшит̃елей, кот̃орые облегчали страданія ихъ, и иногда даже спасали ихъ от̃ъ новыхъ бѣдст̃вій. Эт̃ими ут̃ѣшит̃елями были по большой част̃и свят̃ые служит̃ели Его, т̃. е. Мит̃ропалит̃ы, Епископы, священники и монахи. Такъ первый Мит̃рополит̃ъ *всей Россіи*, Св. Пет̃ръ, ст̃арался всегда мирит̃ь Князей, и особенно Московскаго съ Тверскимъ, и не имѣя возможност̃и

облегчить весь народъ отъ тягостной дани Татарской, ѣздилъ нарочно въ Орду, чтобы покрайней мѣрѣ избавить отъ нея церкви Божіи и домы ея служителей.

Такъ потомъ Св. Митрополитъ Алексій — во время новаго, ужаснаго бѣдствія, случившагося въ Россіи въ 1352 году, при Великомъ Князѣ Симеонѣ, сынѣ Іоанна Калиты — заботился какъ отецъ о всѣхъ страдавшихъ несчастливцахъ. Это бѣдствіе была смертельная болѣзнь, извѣстная подъ именемъ *Черной смерти.* Человѣкъ умиралъ отъ нее въ ужасныхъ мученіяхъ, которыя продолжались двѣ или три дни. Не одно отечество наше испытало всѣ ужасы этой болѣзни: *Черная смерть* началась въ Китаѣ, гдѣ истребила около 13 милліоновъ людей, потомъ перешла въ Грецію, Сирію, Египетъ, перевезена была на корабляхъ въ Италію, Францію, Англію, Германію, наконецъ въ нашъ Псковъ и Новгородъ. Всѣ историки говорятъ, что

нельзя вообразить зрѣлища болѣе страшнаго: въ одинъ день исчезали цѣлыя семейства! Сначала люди усердно ходили за своими больными, но потомъ, когда замѣтили, что не только они, но даже вещи ихъ были заразительны, всѣ начали оставлять несчастныхъ, даже сынъ бѣжалъ отъ отца, дочь отъ матери, братъ отъ брата! Въ это время общаго унынія людей, Митрополитъ Алексій, также какъ и многія другія духовныя особы, были для нихъ настоящими Ангелами-Хранителями. Они погребали несчастныхъ, оставленныхъ всѣми мертвецовъ, утѣшали живыхъ, огорченныхъ потерею родныхъ или друзей, и помогали бѣднымъ, осиротѣвшимъ, безпріютнымъ малюткамъ.

Въ 1353 году ужасная болѣзнь дошла до Москвы и тамъ въ короткое время скончались отъ нее Великій Князь, два сына его и братъ Андрей Іоанновичъ. Симеонъ, во время тринадцати-лѣтняго княженія, слѣдовалъ

правиламъ отца своего и также какъ онъ заботился о томъ, чтобы вся Россія повиновалась *одному* Государю. Онъ былъ не только строгъ съ Князьями удѣльными, и важенъ въ обхожденіи съ ними, отъ чего и названъ *Гордымъ*,— но умѣлъ заслужить почтеніе и отъ сильныхъ въ то время Князей Литовскихъ, сыновей славнаго Гедимина, о которомъ вы уже слышали, милыя дѣти. Знаменитѣйшій изъ нихъ, *Ольгердъ*, сдѣлавшійся потомъ повелителемъ и братьевъ своихъ и всей Литвы, былъ даже въ родствѣ съ Великимъ Княземъ Симеономъ, *) а потомъ женилъ и брата своего Любарта на племянницѣ его, Княжнѣ Ростовской.

Когда Симеонъ Гордый скончался, всѣ Князья Рускіе поѣхали въ Орду, гдѣ уже не было Узбека, умершаго еще въ 1341 году. Сынъ и наслѣдникъ его

*) Онъ былъ женатъ на своячинѣ Симеона Гордаго, Княжнѣ *Іуліаніи*, дочери Князя Александра Михайловича Тверскаго.

Чанибекъ отдалъ престолъ Великокняжескій брату Симеона — Іоанну Іоанновичу Московскому, Князю кроткому, и даже слабому.

Правленіе такихъ Государей рѣдко бываетъ счастливо: доброе сердце и слабость ихъ дѣлаютъ дерзкими и собственныхъ подданныхъ ихъ и враговъ чужеземныхъ! Такъ Новгородцы не хотѣли повиноваться намѣстникамъ Іоанна II, и дѣлали въ своей области все, что хотѣли! Такъ даже въ Москвѣ, которая во всѣ времена славилась покорностью и любовью къ Государямъ своимъ — происходили при Іоаннѣ II безпорядки разнаго рода, и даже одинъ изъ любимцевъ Іоанна найденъ былъ убитымъ на площади. Такъ Ольгердъ, Князь Литовскій, уже не хотѣлъ, какъ прежде, уважать Великаго Князя, но напротивъ того, отнималъ города Русскіе и едва не овладѣлъ всею Тверью.

Въ это смутное время, Св. Митрополитъ Алексій снова имѣлъ случай показать усердіе свое къ отече-

ству. Слухъ о его добродѣтеляхъ, о его святости, о милости къ нему Божіей, дошелъ даже до столицы Татарской Супруга Хана Чанибека, *Тайдула* вдругъ опасно занемогла. Въ тоскѣ болѣзненной, ей казалось, что, кромѣ молитвъ Рускаго Митрополита Алексія, ничто не спасетъ ее отъ смерти. Она умоляла супруга своего, послать за нимъ, и Чанибекъ исполнилъ ея желаніе. Св. Алексій поѣхалъ въ Орду съ надеждою на Бога и теплою молитвою къ Нему. Эта молитва была услышана: Ханша Тайдула выздоровѣла и не знала чѣмъ бы возблагодарить добраго избавителя своего! Скоро ей представился къ тому случай: Чанибекъ, котораго наши историки называютъ *добрымъ*, вскорѣ послѣ того былъ убитъ роднымъ сыномъ своимъ Бердибекомъ! Этотъ ужасный злодѣй не пощадилъ и братьевъ своихъ. Вы можете представить себѣ, милые читатели мои, какая участь ожидала бѣдное отечество наше подъ властію такого чудо-

ница! Всѣ Князья Руcкіе устрашились, когда услышали о новомъ Ханѣ. Страхъ ихъ еще болѣе увеличился, когда вскорѣ потомъ, они увидѣли предъ собою, *Баскака* или посла его, которому приказано было собрать новую, до толѣ неслыханную дань, и жестоко наказывать всякаго, кто не заплатитъ ее. Всѣ были въ отчаяніи, думая, что настала совершенная погибель отечества. Одинъ Св. Алексій не пришелъ въ уныніе и напротивъ того, рѣшился на дѣло—чрезвычайно смѣлое, рѣшился ѣхать въ Орду, умолять злодѣя, котораго въ исторіи называютъ *Тигромъ*. Онъ надѣялся на милость доброй Тайдулы, матери Бердибека. Уже нѣсколько разъ, она оказывала ему разныя небольшія услуги и всегда желала имѣть случай сдѣлать что нибудь болѣе. Старанія и просьбы ея имѣли полный успѣхъ: жестокій Ханъ умилостивился надъ Россіею, отмѣнилъ новую дань и приказалъ Баскаку своему пріѣхать назадъ!

О! какая была радость, какой праздникъ въ Москвѣ, когда добрый Митрополитъ возвратился изъ Орды! Всѣ спѣшили къ нему на встрѣчу, Великій Князь, семейство его, бояре и народъ. Всѣ называли его своимъ Ангеломъ—избавителемъ, всѣ желали поцѣловать, если не руку, то покрайней мѣрѣ одежду его! Въ эту сладостную минуту, всѣ были еще болѣе тронуты, когда вдругъ увидѣли, что осьмилѣтній сынъ Великаго Князя *Димитрій* — о которомъ вы услышите потомъ много, много хорошаго, милыя дѣти — подошелъ также къ Митрополиту, и нѣжнымъ, младенческимъ голосомъ, сказалъ ему: „О отецъ нашъ! ты избавилъ насъ отъ войны и смерти: какъ намъ благодарить тебя?„ Крупныя слезы катились по прелестному лицу малютки, и показывали сколько чувствительности, сколько любви къ народу уже было въ дѣтскомъ сердцѣ его! Митрополитъ съ восхищеніемъ обратилъ взоры свои на небо, къ Престолу Божію: святая

душа его предвидѣла будущую славу прекраснаго младенца и благословляла минуту его рожденія!

Говоря о святыхъ утѣшителяхъ и покровителяхъ Россіи, нельзя не сказать вамъ, милыя дѣти, и о Св. *Сергіи*, основателѣ знаменитой Троицкой Лавры или монастыря въ окрестностяхъ Москвы. Этотъ добрый, благочестивый инокъ былъ сынъ Ростовскаго боярина Кирилла. Съ самой нѣжной молодости онъ любилъ молиться Богу, любилъ размышлять о Немъ, и удалялся отъ общества веселыхъ товарищей своихъ. Уединеніе было для него такъ пріятно, что онъ наконецъ поселился въ лѣсахъ дремучихъ города Радонежа, въ 60 верстахъ отъ Москвы, и жилъ пустынникомъ нѣсколько лѣтъ; потомъ построилъ тамъ деревянную церковь Св. Троицы и подлѣ нее нынѣшнюю Лавру или монастырь, для тѣхъ монаховъ, которые, слыша о добродѣтеляхъ его, приходили къ нему часто изъ отдаленныхъ странъ и желали остать-

ся съ нимъ навсегда. Слава Св. Сергія, одного изъ первыхъ Чудотворцевъ нашихъ, была такъ велика и при жизни его, что всѣ Князья, Митрополитъ, бояре и народъ показывали къ нему особенное уваженіе, какъ будто бы предвидя будущую святость его, и во всѣхъ важныхъ дѣлахъ Государственныхъ спрашивали совѣта его. Вы увидите потомъ его усердіе къ отечеству, и если будете въ Москвѣ, не забудьте съѣздить въ Троицко—Сергіевскую Лавру и поклониться Святому гробу Его.

Таблица XXXII.

Семейство В. К. Симеона I Іоанновича *Гордаго.*

Супруги: 1. *Августа*, въ крещеніи *Анастасія*, Княжна Литовская.

2. *Параскевія*, Княжна Смоленская.

3. *Марія* Александровна, Княжна Тверская.

Сыновья: a. Василій.

b. Константинъ.

c. Даніилъ.

d. Михаилъ.

e. Іоаннъ.

f. Симеонъ.

Таблица XXXIII.

Семейство В. К. Іоанна II Іоанновича:

Супруги: **1. *Θеодосія* Димитріевна, Княжна Брянская.**

2. *Александра*, въ монахиняхъ *Марія*.

Сыновья: **a. Димитрій.**

b. Іоаннъ.

РУСКІЯ ДѢТИ.

Отъ 1359 до 1362.

(Пер. 3 лѣтъ.)

Мнѣ не нужно сказывать вамъ, милыя дѣти, что храбрость—есть врожденное качество народа Рускаго: нельзя исчислить сколько разъ доказали это воины наши во всѣхъ вѣкахъ и при всѣхъ Государяхъ, но кромѣ того, бывали примѣры въ Россіи, что и дѣти ходили въ настоящія сраженія и побѣждали непріятелей своихъ съ такою же славою какъ и взрослые люди! Вы удивляетесь—и я вижу уже ваше

нетерпѣніе, узнать какія были эти дѣти? Хорошо, хорошо, я васъ не заставлю ждать долго и скорѣе приступлю къ дѣлу.

Въ 1359 году скончался Великій Князь Іоаннъ II Іоанновичъ, названный *Кроткимъ*. У него осталось два сына: старшій *Димитрій*, о которомъ вы уже слышали, *девяти*, младшій *Іоаннъ*, *семи*, и еще племянникъ, сынъ брата Андрея Іоанновича *Владиміръ*,—*шести* лѣтъ. Этимъ тремъ малюткамъ, Іоаннъ II отказалъ въ такой же духовной, какую писалъ и дѣдъ ихъ Іоаннъ Калита, свое наслѣдственное Московское Княжество со всѣми принадлежавшими къ нему городами и деревнями, но ни одного изъ нихъ не назначилъ *Великимъ Княземъ*, потому что это назначеніе зависѣло отъ Царя Татарскаго.

Въ это время въ Ордѣ происходили ужасные безпорядки, ссоры, убійства. Ханы безпрестанно смѣнялись, истребляя другъ друга. Одинъ, изъ нихъ, Темирхожа, былъ Ханомъ только шесть дней; въ седьмый — Та-

тары взбунтовались: простой темникъ *Мамай*, былъ начальникомъ этого бунта, убилъ Темирхожу и отдалъ Ханство какому-то *Авдулу*, который во всемъ повиновался ему.

Но не всѣ хотѣли имѣть Царемъ своимъ Авдула: многіе вельможи Татарскіе остались въ Сараѣ съ Ханомъ *Муругомъ;* другіе овладѣли землею Болгарскою, третьи — Мордовскою. Такъ царство Кипчакское раздѣлялось, ослабѣвало и приготовлялось къ своему паденію. Но это паденіе еще не такъ скоро случится. Имѣйте терпѣніе, милыя дѣти.

Вы можете себѣ представить, что во время такихъ безпорядковъ трудно было Князьямъ Русскимъ узнать отъ Хановъ, кто будетъ Великимъ Княземъ послѣ Іоанна II. Они всѣ почти поѣхали въ Орду, даже и маленькій Димитрій. Урусъ, бывшій въ то время Царемъ, вздумалъ безъ всякой особенной причины сдѣлать Великимъ Княземъ Димитрія Константиновича

Суздальскаго, сына Князя Ростовскаго, никакими особенными достоинствами и дѣлами не заслужившаго столь важное отличіе. Всѣ Руские удивились этому: всѣ знали что ни дѣдъ, ни отецъ Димитрія Константиновича никогда не были Великими Князьями, что это достоинство принадлежало Князьямъ Московскимъ.

Маленькій Димитрій Іоанновичъ обидѣлся такимъ распоряженіемъ и выѣхалъ изъ Орды съ непремѣннымъ намѣреніемъ отнять у Димитрія Константиновича не принадлежавшее ему достоинство и заслужить его славными дѣлами и побѣдами. Эта мысль очень твердо поселилась въ дѣтскомъ умѣ смѣлаго мальчика. Мать его, Великая Княгиня Александра, Митрополитъ Алексій и всѣ вѣрные бояре, любившіе отечество и предвидѣвшіе славу его отъ величія Князей Московскихъ, старались поддерживать эту внушенную Богомъ мысль маленькаго героя, и чрезъ два года онъ имѣлъ столько неустра-

тимости, что объявилъ себя Великимъ Княземъ и звалъ Димитрія Константиновича — жившаго все время своего княженія въ прежней столицѣ Россіи— Владимірѣ—Залѣсскомъ—на судъ къ Хану. Это было въ то самое время, когда нѣсколько Хановъ царствовало въ Кипчакской Ордѣ, но Руские почитали законнымъ того изъ нихъ, который жилъ въ Сараѣ. И такъ бояре Московскіе отправились къ Муруту. Напуганный, притѣсненный мятежникомъ Мамаемъ, — Мурутъ обрадовался чести, какую сдѣлали ему Москвитяне, и согласился признать двѣнатцатилѣтняго Димитрія, Великимъ Княземъ Рускимъ.

Но слабый Ханъ Мурутъ не могъ дать вспомогательнаго войска новому Великому Князю, и потому Димитрій Константиновичъ не уважалъ его суда и не выѣзжалъ ни изъ Владиміра, ни изъ Переславля—Залѣсскаго. Тогда-то дѣти Руские показали храбрость свою! Не только Димитрій, но и младшій братъ

его Іоаннъ и даже осмилѣтній Владиміръ, пошли вмѣстѣ съ полками Московскими усмирять непокорнаго Князя Суздальскаго. Конечно, ихъ не только благословилъ на этотъ походъ, но даже и поѣхалъ вмѣстѣ съ ними Св. Митрополитъ Алексій; ихъ окружали умные и храбрые воеводы, ихъ защищали отъ опасностей всѣ воины, грудью своею, но все таки нельзя не удивляться ихъ смѣлости, нельзя не восхищаться ихъ неустрашимостію, нельзя не гордиться всѣмъ намъ, Рускимъ,— что у нашихъ Государей бываютъ такіе дѣти—герои! Димитрій Константиновичъ, зная, что Княземъ Московскимъ былъ отрокъ, — никакъ не ожидалъ, чтобы Москвитяне осмѣлились идти противъ него, и, не приготовясь къ сраженію, принужденъ былъ бѣжать изъ Переяславля и уступить престолъ Великокняжескій маленькому сопернику своему! Государи Рускіе еще не короновались тогда въ Москвѣ, но въ прежней столицѣ — Владимірѣ. Димитрій

Іоанновичъ поѣхалъ также туда, прожилъ тамъ нѣсколько дней послѣ коронованія и возвратился въ Москву, не желая преслѣдовать непріятеля, который остался княжить въ наслѣдственномъ удѣлѣ своемъ.

Такъ благодѣтельная для насъ мысль Андрея *Боголюбскаго*, Іоанна *Калиты* и Симеона *Гордаго*, — мысль о томъ, чтобы всѣхъ Князей Удѣльныхъ привести подъ власть одного Государя, —по промыслу Божію сдѣлалась также мыслью Димитрія. Мы скоро увидимъ, что Димитрій имѣлъ еще другую, славную цѣль всей своей жизни: онъ хотѣлъ освободить отечество свое отъ власти Татаръ! Какъ же велика должна быть наша благодарность къ этому храброму Князю, милыя дѣти! О! я увѣрена, что вы чувствуете эту благодарность, что вы очень любите добраго, храбраго Димитрія, и что вы съ удовольствіемъ прочитаете на слѣдующихъ страницахъ раскаэъ о славной побѣдѣ его!

ДОНСКОЕ СРАЖЕНІЕ

или

БИТВА КУЛИКОВСКАЯ.

Отъ 1362 до 1380 года.

(Пер. 18 лѣтъ.)

Много заботъ, трудовъ, безпокойствъ и огорченій ожидало Димитрія Іоанновича на престолѣ Великокняжескомъ! Сначала ему надобно было нѣсколько разъ усмирять Димитрія Константиновича, который все еще стремился быть Великимъ Княземъ. Наконецъ, видя, что всѣ старанія его напрасны, онъ отказался отъ желанія

своего и не только помирился съ Димитріемъ Іоанновичемъ, но даже, чрезъ пять лѣтъ послѣ того, отдалъ за него дочь свою, прекрасную и добрую *Евдокію*.

Послѣ мира съ главнымъ врагомъ своимъ, Димитрій долженъ былъ утѣшать бѣдныхъ Московскихъ жителей въ несчастіяхъ, у нихъ случившихся, прежде отъ большаго пожара, *) истребившаго почти всю Москву, потомъ отъ возвратившейся въ нее ужасной *Черной смерти!*

Но эти несчастія Москвы не были такъ важны какъ тѣ, какія навлекъ на нее гордый и честолюбивый Тверскій Князь *Михаилъ*, сынъ Александра Михаиловича. Онъ видѣлъ намѣреніе Димитрія покорить Удѣльныхъ Князей своей власти, и, смотря болѣе на собственныя выгоды, нежели на пользу отечества, рѣшился противить-

*) Этотъ пожаръ называется въ исторіи нашей потому *Всесвятскимъ*, что начался въ церкви *Всѣхъ Святыхъ*.

ся всѣми силами трудному, великому дѣлу Димитрія. Къ несчастію, Михаилъ имѣлъ сильныя средства дѣлать зло: знаменитый Ольгердъ, Князь Литовскій, наводившій въ то время съ братомъ своимъ Кестутіемъ страхъ на всѣхъ сосѣдей своихъ, былъ женатъ на сестрѣ Михаила, Княжнѣ Тверской Маріи Александровнѣ. При всякой небольшой неудачѣ въ Россіи, Михаилъ уѣзжалъ къ зятю въ Литву и возвращался оттуда съ войскомъ Литовскимъ, которое не менѣе Татарскаго разоряло отечество наше! Такъ въ 1368 году, онъ пришелъ вмѣстѣ съ самимъ Ольгердомъ, который три дня грабилъ, жегъ, опустошалъ Москву. Великій Князь, братъ его Владиміръ Андреевичъ, Митрополитъ Алексій и всѣ самые знатные бояре едва спаслись въ Кремлѣ. *) Злой Ольгердъ, выходя

*) Послѣ пожара *Всесвятскаго*, Димитрій, видя что деревянныя укрѣпленія ненадежны, построилъ *каменный Кремль*, и въ немъ то спасся отъ Ольгерда.

изъ Москвы еще хвасталъ тѣмъ, что Руские долго не забудутъ его! Впрочемъ, это нашествіе Литовцевъ не принесло никакой пользы Михаилу: Димитрій остался на престолѣ Великокняжескомъ. Тогда недостойный Князь Тверскій рѣшился просить помощи у Мамая, который, въ это время, былъ уже такъ силенъ, что соединилъ свою Волжскую Орду вмѣстѣ съ Золотою или Сарайскою, и сдѣлавъ Ханомъ *Мамантъ—Салтана*, повелѣвалъ имъ, какъ хотѣлъ. Михаилъ Александровичъ умѣлъ угодить гордому Татарину, и Мамай — далъ ему грамоту на Великое княжество и Посла Ханскаго, чтобы возвести его на престолъ.

Но прошло то время, когда Князья Руские не разсуждая повиновались Татарамъ: Михаилъ съ Ханскою грамотою едва могъ убѣжать отъ полковъ Московскихъ въ Вильну. Вы помните, что это была столица Князя Литовскаго. Старый Ольгердъ ласково при-

нялъ зятя, и опять согласился идти съ нимъ на Рускихъ.

Кремль—во второй разъ спасъ Великаго Князя и все семейство его. Пока Литовцы стояли передъ этою славною крѣпостію, разсуждая о томъ, начинать ли приступъ, — братъ Димитрія, Владиміръ Андреевичъ и Князь Пронскій — пришли съ сильными полками изъ Перемышля и Рязани. Ольгердъ, увидѣвъ что со всѣхъ сторонъ его окружали Рускіе, испугался и началъ просить мира, увѣряя, что онъ будетъ *вѣчно* другомъ Рускихъ. Чтобъ доказать свою искренность, онъ предложилъ даже выдать дочь свою Елену за умнаго и храбраго Князя Владиміра Андреевича. Добрые предки наши повѣрили ему, Княжна Литовская сдѣлась Княгинею Рускою, но ссоры съ Ольгердомъ отъ того не уменьшились, и до самой смерти своей онъ разорялъ отечество наше въ угодность зятю своему, который не прежде какъ въ 1375 году былъ совершенно усмиренъ

Великимъ Княземъ. Въ договорной грамотѣ, Михаилъ поклялся при Митрополитѣ Алексіѣ почитать Московскаго Князя старшимъ и никогда не искать престола Великокняжескаго. Молодой Димитрій Іоанновичь былъ такъ добръ, что не только не отнялъ наслѣдственнаго Княжества у смертельнаго врага своего — (что онъ по справедливости заслуживалъ) — но даже позволилъ ему называться Великимъ Княземъ Тверскимъ. Впрочемъ одно это названіе безъ престола Владимірскаго не было важно: такъ называли сами себя часто и разные другіе Князья, напримѣръ: Рязанскіе и Смоленскіе.

Войско Руское почти не отдыхало въ славное княженіе Димитрія: едва окончилась продолжительная война съ Тверскимъ Княземъ, какъ уже полки Московскіе шли въ Камскую Болгарію. Великій Князь, безпрестанно думая о томъ, чтобы освободить милое отечество свое отъ власти Татаръ, искалъ всѣхъ случаевъ вредить имъ.

Камская Болгарія тогда принадлежала имъ: довольно было, чтобы заставить Димитрія овладѣть ею. Эта страна уже называлась въ то время не—Камскою, но *Казанскою* Болгаріею, потому что въ ней былъ уже славный въ исторіи нашей городъ *Казань*. Его основалъ одинъ изъ Татарскихъ Хановъ по имени *Саинъ*, который идучи воевать Россію, былъ встрѣченъ тутъ многими Князьями Рускими. Боясь Татаръ какъ огня, они пришли къ нимъ съ покорностію и принесли богатые дары. Саинъ *) сжалился надъ ними и не пошелъ на тотъ разъ далѣе. Мѣсто ему понравилось по красивому положенію своему, по изобилію во всемъ, особенно въ *пчелахъ* и *зеленыхъ лугахъ* и Саинъ вздумалъ основать тутъ городокъ для того, чтобы Татарскіе баскаки, посылаемые для собранія дани

*) Этотъ *Саинъ* былъ—или сынъ Батыевъ—*Сартакъ* или самъ Батый, котораго Татарскіе историки называютъ *Сагиномъ*.

съ Рускихъ, могли тутъ отдыхать. Онъ населилъ этотъ городокъ Болгарами, Черемисами, Вотяками, Мордвою и назвалъ Казанью. *Казань* значитъ по Татарски *котелъ* или *золотое* дно.

Вотъ эта Казань была уже при Димитріи Іоанновичѣ не городкомъ, но богатымъ городомъ. Жители, думая испугать Руское войско, посланное Димитріемъ, выѣхали на встрѣчу къ нему на верблюдахъ! Но чего боятся Рускіе? Они только посмѣялись надъ простячками Казанскими и бросились на нихъ такъ скоро и неустращимо, что верблюды едва успѣли повернуться и побѣжать назадъ къ городу. Два владѣтеля Болгарскіе: *Осанъ* и *Махматъ-Салтанъ* покорились Великому Князю и дали ему 2000, а на воиновъ его 3000 рублей, и обязались и впередъ быть данниками Московскаго Князя.

Димитрій очень досадилъ Татарамъ покореніемъ области, имъ принадлежавшей, но чрезъ два года потомъ

въ 1378 году—еще болѣе: онъ побѣдилъ въ Рязанской области, на берегахъ рѣки Вожи сильное войско ихъ, посланное Мамаемъ, наказать дерзкаго Князя Рускаго. Эта побѣда, первая одержанная надъ Татарами съ 1224 года, привела въ ужасный гнѣвъ Мамая и показала ему, что Рускіе уже не тѣ покорные рабы, какими были прежде. Нетерпѣливо желалъ онъ отмстить храброму Димитрію, и чтобы вѣрнѣе сдѣлать это набралъ страшное войско изъ Татаръ, Половцевъ, Турковъ, Черкесовъ, Яссовъ, Жидовъ Кавказкихъ и Армянъ. Но все это войско не казалось еще Мамаю достаточнымъ для усмиренія Рускихъ: онъ пригласилъ на помощь Князя Литовскаго. Тогда Ольгерда уже не было на свѣтѣ. Наслѣдникомъ его былъ любимый сынъ его *Ягайло*, который началъ свое правленіе тѣмъ, что убилъ дядю Кестутія, и принудилъ сына его, молодаго *Витовта*, убѣжать въ Пруссію. Не забудьте

этого Витовта, милыя дѣти: онъ очень прославится въ послѣдствіи.

Мамай, слыша о такихъ злыхъ дѣлахъ Ягайлы, подумалъ: „Это будетъ славный помощникъ мнѣ:„ И не ошибся! Литовскій Князь обрадовался предложенію его и условился съ нимъ разорить совершенно землю Рускую, и сжечь всѣ города, селенія и церкви Христіанскія. Съ этими двумя безбожными врагами нашего отечества соединился еще третій. Мнѣ кажется, онъ былъ еще хуже ихъ; и читатели мои, вѣрно согласятся со мною, когда узнаютъ, что онъ былъ *Руской*! Да, милыя дѣти, грустно сказать это, — но онъ былъ Князь Рязанскій — *Олегъ!* Будучи жестокъ, хитръ, лукавъ, онъ умѣлъ скрывать свои пороки и показывалъ всегда столько почтенія и любви къ Великому Князю, что добрый Димитрій считалъ его истиннымъ другомъ своимъ. И послѣ того, онъ не постыдился измѣнить ему; самъ предложилъ Мамаю и Ягайлѣ помощь свою и

тайно согласился ждать ихъ на берегахъ Оки. Мамай обѣщалъ за то раздѣлить обоимъ союзникамъ своимъ завоеванное Великое Княжество. Эта награда была съ самаго начала причиной измѣны Олега; онъ думалъ, что соединенныя войска Татарскія и Литовскія разорятъ совсѣмъ Княжества Руcкія, и надѣялся въ это время не только сохранить свое, но даже еще увеличить его.

Между тѣмъ какъ безсовѣстный Θлегъ разсуждалъ такимъ образомъ, между тѣмъ какъ Мамай и Ягайло мысленно уже считали звонкое *золото Руское*, которымъ хотѣли *обогатиться;* въ Москвѣ все было въ тревогѣ. Но эта тревога происходила не отъ страха; напротивъ того, начиная отъ самыхъ храбрыхъ и неустрашимыхъ воиновъ, до молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей, всѣ оживлены были какою-то смѣлостію, всѣ какъ будто бы думали, что уже настало время освобожденія отъ власти Татаръ, какъ буд-

то бы предчувствовали, что Богъ, сжалясь надъ страданіями Рускихъ, наконецъ поможетъ имъ побѣдить своихъ притѣснителей. Примѣръ въ этомъ мужествѣ, въ этой надеждѣ на Бога, подавалъ всѣмъ жителямъ Московскимъ —самъ Государь. Какъ скоро Димитрій узналъ о намѣреніи Мамая и Ягайлы— первою мыслію его было: итти, въ церковь и молить Бога о помощи. Усердная молитва укрѣпила еще болѣе—и безъ того храбрый духъ его! Почти въ тотъ же часъ, онъ разослалъ гонцевъ во всѣ области Великаго Княжества, что бы собирать войско и вести его прямо въ Москву. Всѣ усердно спѣшили исполнять повелѣніе Государя и чрезъ нѣсколько дней почти цѣлые города готовы были итти противъ непріятелей отечества. Каждый день приходили въ Москву новые полки подъ начальствомъ Князей или Бояръ своихъ. О! я угадываю, милыя дѣти, что вамъ хочется знать изъ какихъ именно городовъ и мѣстъ приходили

эти добрые защитники нашихъ предковъ! Такое любопытство похвально, оно доказываетъ ваше уваженіе къ памяти этихъ почтенныхъ и добрыхъ людей. И такъ, я скажу вамъ, что то были Князья Ростовскіе, Бѣлозерскіе, Ярославскіе съ своими подданными;—бояре Владимірскіе, Суздальскіе, Переяславскіе, Костромскіе, Муромскіе, Димитровскіе, Можайскіе, Звенигородскіе, Углицкіе, Серпуховскіе съ *Дѣтьми боярскими.* *) Всѣ эти дружины составили многочисленное войско, которое нетерпѣливо желало выступить въ походъ. Но Димитрій прежде этого выступленія хотѣлъ съ неразлучнымъ другомъ и—послѣ ранней кончины роднаго брата, Іоанна—единственнымъ братомъ и товарищемъ своимъ, Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣми главными воеводами съѣздить въ уе-

*) Прежде эти *Дѣти боярскіе* или *Дружина бояръ*, назывались *Дѣтскими* и *Отроками Боярскими.*

диненный Троицкій монастырь, и тамъ принять благословеніе Игумена Сергія, о благочестіи котораго маленькіе читатели мои уже слышали. Этотъ святый старецъ хотя уже давно отказался отъ міра, но все еще пламенно любилъ свое отечество. Онъ радовался, неожиданно увидѣвъ храбрыхъ защитниковъ его въ тихомъ монастырѣ своемъ; радовался смиренію, съ которымъ они желали получить чрезъ него благословеніе Божіе, потому что это смиреніе предвѣщало имъ помощь небесную и побѣду. Онъ упросилъ Великаго Князя отобѣдать въ монастырѣ, окропилъ святою водою его и всѣхъ бывшихъ съ нимъ военачальниковъ, и отпустилъ съ ними, раздѣлять опасности войны двухъ монаховъ, *Александра Пересвѣта* и *Ослабя*. Димитрій, выѣзжая изъ Троицкаго монастыря, еще болѣе надѣялся одержать побѣду.

Въ церкви Михаила Архангела, надъ гробницами предковъ своихъ, Государей Московскихъ — Великій Князь

еще разъ помолился Богу и простился съ печальною супругою. Горько плакала она, отпуская друга своего на сраженіе съ безчеловѣчными Татарами! Невольно приходила ей въ голову мысль о всѣхъ Князьяхъ, уже убитыхъ ими! И самъ мужественный супругъ ея, едва удержалъ слезы, когда въ послѣдній разъ обнялъ ее и сказалъ: „Богъ нашъ заступникъ!" Далеко за ворота городскія провожали Московскіе жители добраго Государя и войско его, и только къ вечеру возвратились въ тихую столицу, гдѣ остались почти одни старики, женщины и дѣти.

Въ 94 верстахъ отъ Москвы, въ городѣ Коломнѣ соединились съ Димитріемъ два союзника его, сыновья Ольгерда, Князья: *Полоцкій* и *Брянскій* обиженные братомъ своимъ Ягайломъ, и поклявшіеся отмстить ему.

Здѣсь, Великій Князь осматривалъ все войско свое. Никогда еще оно не было такъ многочисленно: болѣе ста пятидесяти тысячъ воиновъ, конныхъ и

тѣшихъ стояло въ рядахъ! Любуясь этими прекрасными, такъ много обѣщавшими рядами, Димитрій былъ спокоенъ и твердъ; его огорчала только измѣна Олега, и огорчала не потому, чтобы онъ боялся ее, но потому что ему горестно было узнать измѣнника въ прежнемъ другѣ. Между тѣмъ, Олегъ страдалъ отъ измѣны своей гораздо болѣе его: узнавъ, что Великій Князь не устрашился войны и уже перешелъ за Оку въ его собственную, Рязанскую землю, онъ не зналъ, что дѣлать и къ кому пристать; боялся и Мамая и Димитрія, раскаевался въ измѣнѣ и дрожалъ при одной мысли о томъ, что будетъ съ нимъ въ послѣдствіи.

Мамай, уже со всею Ордою стоялъ за Дономъ и ждалъ Ягайла. Войско наше подошло къ этой рѣкѣ, и долго разсуждали Князья и бояре переходить ли ее или ожидать здѣсь Татаръ? Общимъ совѣтомъ рѣшено было—*перейти*, —чтобы не дать Мамаю соединиться съ Княземъ Литовскимъ, и на другой

день рано поутру, все войско Руское уже стояло на другой сторонѣ Дона, на берегахъ рѣки Непрядвы. Здѣсь Димитрій Іоанновичъ еще разъ взглянулъ съ высокаго холма на многолюдные полки свои. Мысль, что можетъ быть чрезъ нѣсколько часовъ всѣ эти храбрые воины погибнутъ подъ ударами жестокихъ Татаръ, такъ тронула доброе сердце его, что онъ упалъ на колѣни и смотря на золотой образъ Спасителя, вѣявшій на *черномъ* знамени Великокняжескомъ, молился за народъ свой! Потомъ объѣхалъ всѣ полки, говорилъ съ каждымъ изъ нихъ, называлъ воиновъ *милыми братьями*, обѣщалъ имъ славу въ здѣшнемъ мірѣ и въ будущемъ.

Это было 8-го Сентября 1380 года. Въ шестомъ часу дня войско наше дошло до поля *Куликова*, которое простиралось болѣе нежели на десять верстъ. Здѣсь Руские увидѣли непріятелей. Татаръ было болѣе нежели нашихъ. Димитрій, не смотря на просьбы

Князей и бояръ, которые умоляли его не подвергать опасности жизнь свою— сражался въ передовомъ полку. Онъ первый ударилъ на враговъ; мѣсто его было въ рядахъ простыхъ воиновъ. Три часа продолжалась страшная битва: кровь лилась на всемъ обширномъ полѣ, но все еще нельзя было рѣшить кто останется побѣдителемъ. Въ одномъ мѣстѣ Руские тѣснили Татаръ; въ другомъ Татары—Руских. Однакожъ уже *Большія* или Княжескія знамена едва спасены были отъ рукъ Мамая; уже нѣкоторые изъ полковъ Московскихъ хотѣли было бѣжать какъ вдругъ Князь Владиміръ Андреевичъ, начальникъ засаднаго полка, выступилъ изъ рощи, которая скрывала его отъ всѣхъ, и быстро, неустрашимо бросился на Татаръ. Это смѣлое движеніе храбраго Князя рѣшило судьбу сраженія: удивленные и измученные непріятели не могли уже противиться свѣжему войску и всѣ побѣжали!

Мамай, увидѣвъ это бѣгство, вскричалъ съ тоскою отчаянія:

„Великъ Богъ Христіанскій!" и также побѣжалъ за своими воинами. Руские гнали ихъ до рѣки *Мечи*, убивали и топили безъ счета и взяли въ добычу множество лошадей и верблюдовъ, навьюченныхъ разными драгоцѣнностями.

Радость и счастіе побѣдителей были неописанны! *Перваго* героя этого знаменитаго въ нашей исторіи дня— Великаго Князя Димитрія Іоанновича, назвали—*Донскимъ*; *втораго*, Князя Владиміра Андреевича—*Храбрымъ*. Они вмѣстѣ со всѣми оставшимися въ живыхъ Князьями и Боярами объѣзжали поле Куликово: много было убито Русскихъ, но вчетверо болѣе — Татаръ; всего же, по увѣренію нѣкоторыхъ историковъ было до 200,000 тѣлъ. Въ числѣ убитыхъ были также два инока Троицкаго монастыря—Александръ Пересвѣтъ и Ослябя. Великій Князь плакалъ надъ всѣми ими, и въ знакъ благодар-

мости къ храбрымъ защитникамъ отечества, приказалъ праздновать вѣчно память ихъ въ Димитріевскую субботу, которая бываетъ между 18 и 26 числами Октября.

Ягайло въ день Донскаго сраженія былъ уже только въ 30 верстахъ отъ Мамая, и узнавъ, чѣмъ оно окончилось— устрашился и побѣжалъ назадъ въ Литву такъ скоро, что Руские не могли догнать его. Такъ счастливому Димитрію удалось въ одинъ день избавить Россію отъ двухъ сильныхъ непріятелей! Извѣстіе о побѣдѣ его восхитило не только жителей Москвы и областей Великаго Княжества, но и всѣхъ другихъ княжествъ. Народъ вездѣ смотрѣлъ на Донскаго, какъ на Ангела-Хранителя, вездѣ встрѣчали его съ неизъяснимымъ восторгомъ, какъ освободителя отечества отъ жестокой власти варваровъ: всѣ думали, что это освобожденіе уже исполнилось, что слава и счастіе нашего оте-

чества уже навсегда возобновились, что Татары—послѣ Куликовской битвы никогда уже не осмѣлятся итти на Руских !

НОВОЕ НЕСЧАСТІЕ МОСКВЫ

И

РАЗБОИ НОВГОРОДЦЕВЪ.

Отъ 1380 до 1388 года.

(Пер. 8 лѣтъ.)

Бѣдные предки наши обманулись въ своихъ ожиданіяхъ: не прошло двухъ лѣтъ послѣ славнаго Донскаго сраженія, и Москва была опять въ рукахъ Татаръ! и она опять терпѣла всѣ тѣ ужасы, какіе происходили въ ней во времена Батыя! Новый мучитель ея, т. е. новый Царь Татарскій былъ не Мамай, котораго уже не было на свѣ-

тѣ, но смертельный непріятель его — Ханъ *Тохтамышь*, одинъ изъ потомковъ Чингисъ-Хана. Во время безпорядковъ, происходившихъ въ Капчакской Ордѣ около 1360 года Тохтамышь былъ изгнанъ оттуда Ханомъ Урусомъ и и убѣжалъ въ Бухарію къ Монголамъ Чагатайскимъ. Тамъ онъ умѣлъ войти въ милость къ главному Эмиру или Князю *Тамерлану*. Тамерланъ очень походилъ на славнаго Чингисъ-Хана, и также какъ онъ хотѣлъ завоевать весь свѣтъ. Читатели мои вѣрно очень хорошо помнятъ этого злодѣя, который бросалъ людей въ котлы. Вотъ второй Чингисъ-Ханъ, Тамерланъ, жалѣя объ участи Тохтамыша, изгнаннаго изъ отечества, далъ ему войско, чтобы отнять наслѣдственный престолъ свой у Мамая, который въ это время печально возвращался съ остатками своихъ полковъ съ поля Куликова. Мамая разбили совершенно. Тохтамышь сдѣлался Царемъ въ Ордѣ и послалъ къ Великому Князю требовать, чтобы

всѣ Князья наши, какъ подданные Татаръ, немедленно явились къ нему. Руские удивились, но не вопревожились; напротивъ того, они даже показали такъ много ненависти къ Татарамъ, что Посолъ Ханской не смѣлъ ѣхать далѣе Нижняго-Новгорода и возвратился въ Сарай. Димитрій, слишкомъ надѣясь на слабость Орды, вовсе не думалъ ни о новомъ Ханѣ, ни о томъ, чтобы приготовиться къ защитѣ.

Тохтамышъ молчалъ около года и вдругъ услышали въ Москвѣ страшную вѣсть — что онъ идетъ на Россію, и что безчестный Олегъ, не смотря на благодѣяніе Великаго Князя, простившаго прежнюю измѣну его, опять отдалъ отечество на жертву варварамъ, и дружески встрѣтилъ ихъ на границахъ своего Рязанскаго Княжества. Эта вѣсть была ужасна для всѣхъ Рускихъ, совсѣмъ не приготовившихся къ ней; но если бы всѣ Князья равно любили свое отечество и соединили войска свои, можно было бы ручаться,

что еще одно сражение такое, какъ было—Донское, и Россія навсегда освободилась бы отъ притѣснителей своихъ! Но вмѣсто этого спасительнаго согласія, всѣ Князья оставили Димитрія на жертву Тохтамышу, шедшему прямо на Москву. Даже тесть его, Князь Нижегородскій, не хотѣлъ помочь ему, но напротивъ того послалъ къ Хану двухъ сыновей своихъ съ дарами. Великій Князь, въ унынiи потерялъ твердость духа, и не имѣя надежды побѣдить Тохтамыша съ однимъ только вѣрнымъ помощникомъ своимъ, братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, вздумалъ, что лучше защищаться въ крѣпости нежели выйти на встрѣчу непріятелю и удалился въ Кострому со всѣмъ своимъ семействомъ. Тогдашній Митрополитъ *Кипріанъ*, родомъ Грекъ, также выѣхалъ въ Тверь и народъ Московскій, оставленный Государемъ и Митрополитомъ, шумѣлъ и спорилъ съ боярами, то приходилъ въ отчаяніе, то храбро защищался и на

конецъ 16 Августа 1382 года сдалъ столицу Тохтамышу! Жестокій Ханъ принудилъ его къ тому хитростію: онъ обѣщалъ жителямъ не разорять Москвы и тотчасъ уйти изъ нее, если они сдадутся добровольно. Москвитяне повѣрили и дорого заплатили за легковѣріе: Татары злодѣйствовали въ Москвѣ съ обыкновеннымъ звѣрствомъ своимъ, убивали всѣхъ, кого встрѣчали, грабили все, что находили въ церквахъ, дворцахъ, домахъ и погребахъ; наконецъ выходя, зажгли весь городъ.

Такую же участь вытерпѣли и другіе города Великаго Княжества: Владиміръ, Звѣнигородъ, Юрьевъ, Можайскъ, Дмитровъ. Не спаслась и область Рязанская, не смотря на измѣну Князя ея: Татары и тамъ поступали, какъ въ землѣ непріятельской, и доказали Олегу какъ ненадежна милость, купленная безчестіемъ!

Съ горестію возвратился въ Москву Великій Князь, и увидѣлъ всѣ несчастія столицы своей! На однихъ

улицахъ нашли 24,000 мертвыхъ тѣлъ, не считая въ томъ числѣ сгорѣвшихъ и утонувшихъ. Димитрій, видя, какъ безполезно для людей унывать въ бѣдствіяхъ, собралъ всѣ силы огорченной души своей и принялся вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, возобновлять красоту Москвы, о которой съ восхищеніемъ говорили историки того времени. На слѣдующій годъ, для спокойствія подданныхъ своихъ, онъ уже съ честію принялъ Ханскаго Посла, отпустилъ съ нимъ въ Орду старшаго сына своего *Василія* и заплатилъ большую дань Тохтамышу, который хотя былъ и страшенъ въ гнѣвѣ, но любилъ миловать показывающихъ раскаяніе и покорность, и потому Великій Князь не боялся за жизнь сына; Ханъ принялъ его очень ласково.

Но Димитрію Іоанновичу видно не опредѣлено было жить спокойно: едва началъ онъ забывать ужасное нашествіе Тохтамыша, какъ уже новыя

огорченія, новыя безпокойства готовились для доброй души его. Эти огорченія, эти безпокойства причиняли ему своевольные подданные его, Новгородцы. Они не только отдали безъ согласія его, два города свои: Ладогу и Русу, и берегъ Наровскій одному изъ Князей Литовскихъ, *Патрикію Наримантовичу*, но въ последніе десять лѣтъ, когда Великій Князь былъ занятъ приготовленіемъ къ Донскому сраженію и потомъ несчастіями Москвы отъ нашествія Тохтамыша, Новгородцы, наскучивъ тишиною своей области, вздумали заниматься разбоями и называли это ужасное ремесло—*удальствомъ* или *молодечествомъ*. Они сбирались большими толпами, выбирали себѣ начальника, котораго называли *атаманомъ* и отправлялись грабить деревни и города по рѣкамъ Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ. Въ 1371 году, они завладѣли такимъ образомъ Ярославлемъ, въ 1375—Костромою, и цѣлую недѣлю злодѣйствовали въ ней: брали въ неволю людей, грабили домы,

лавки, бросали въ рѣку то, чего не могли взять съ собою. Оттуда они отправились далѣе внизъ по Волгѣ, и не боясь никого, разорили всѣ береговыя селенія до самаго *Хазиторакани* или нынѣшней Астрахани. Правда, что эти разбойники были тамъ всѣ убиты Татарскимъ Княземъ *Сальчеемъ*, но у Новгородцевъ была не одна такая шайка. Съ каждымъ годомъ число ихъ увеличивалось, и наконецъ дерзость Новгородцевъ дошла до того, что Правительство ихъ начало захватывать даже доходы Великокняжескіе, а духовенство не захотѣло повиноваться Митрополиту Московскому. Великій Князь сначала старался и кротостію и угрозами напомнить имъ обязанность ихъ къ Государю, но когда увидѣлъ, что все это напрасно, и что Новгородцы хотятъ непремѣнно быть независимыми отъ Великаго Княжества, рѣшился усмирить ихъ оружіемъ. Онъ собралъ войско съ двадцати-шести областей

своихъ. Кромѣ того, соединились съ нимъ даже нѣкоторые изъ подданныхъ Новгорода, какъ-то: жители Вологды, Бѣжецка, Торжка, недовольные безпорядками своевольнаго правительства. Съ этими страшными силами, Великій Князь расположился лагеремъ въ 30 верстахъ отъ Новгорода. Тутъ встрѣтилъ его Архіепископъ Новгородскій, умоляя простить вину Новгорода, который готовъ заплатить ему 8000 рублей за дерзости своихъ разбойниковъ. Добрый Димитрій, милостивый и для непокорныхъ подданныхъ, согласился на миръ, съ условіемъ, чтобы Новгородъ всегда повиновался ему, какъ Государю своему, платилъ каждый годъ *черной боръ*, или *дань*, собираемую съ чернаго народа, и внесъ бы 8000 рублей за разбойниковъ. Кромѣ того они должны были взять назадъ у Литовскаго Князя—Русу и Ладогу.

Такъ и гордость Новгородская смирилась передъ героемъ Донскимъ! Мнѣ остается расказать вамъ, милыя дѣти,

еще одно знаменитое дѣло его; оно много облегчило судьбу отечества нашего и потому заслуживаетъ наше особенное вниманіе.

ВЕЛИКОДУШІЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА

ХРАБРАГО.

1389 годъ.

Это славное, государственное дѣло было: новый порядокъ въ наслѣдствѣ Престола. Вы помните, милыя дѣти, что до того времени наслѣдникомъ Государя Рускаго былъ всегда не сынъ его, но братъ, какъ старшій въ родѣ. Вы помните также, сколько споровъ и несогласій было за это въ се-

мействахъ Княжескихъ. Какъ часто, сынъ, воспитанный въ глазахъ отца своего, Великаго Князя, наученный примѣромъ его трудной наукѣ управлять государствомъ, долженъ былъ уступать свои законныя права дядѣ, можетъ быть никогда не выѣзжавшему изъ своего маленькаго Удѣльнаго городка и вовсе незнакомому съ тѣми знаніями, какія имѣлъ его племянникъ. Какъ часто народъ терялъ при такомъ случаѣ свое счастіе или проливалъ кровь свою въ междоусобной войнѣ неуступчивыхъ наслѣдниковъ. Бѣдные предки наши чувствовали всю несправедливость такого установленія первыхъ Государей своихъ, но уважая память ихъ, не смѣли явно противиться ему; Владиміръ Мономахъ, Георгій Долгорукій, Андрей Боголюбскій, были первые изъ Князей, которые громко заговорили о невыгодахъ такого порядка въ наслѣдствѣ, но не имѣли еще столько силы и смѣлости, чтобы отмѣнить древній законъ отцовъ своихъ и вве-

сти новый. Исполненіемъ этого труднаго дѣла мы обязаны Димитрію Іоанновичу Донскому и доброму великодушному Владиміру Андреевичу. Будучи старшимъ въ родѣ, какъ двоюродный братъ Великаго Князя, онъ былъ законнымъ наслѣдникомъ Московскаго престола послѣ смерти Димитрія. Но любя отечество свое болѣе всѣхъ выгодъ, какія могло доставить ему Великое Княжество, Владиміръ добровольно отказался отъ правъ своихъ и согласился на предложеніе Димитрія постановить новый законъ о наслѣдствѣ. Въ договорной грамотѣ, которая была написана у нихъ по этому случаю, сказано, что Владиміръ Андреевичъ признаетъ Димитрія отцемъ, сына его Василія — братомъ *старшимъ*, Георгія — *равнымъ*, а *меньшихъ* сыновей Великаго Князя *младшими* братьями; всѣхъ же вообще наслѣдниками Великаго Княжества послѣ смерти Димитрія.

Не правда ли, милыя дѣти, какъ благородно, какъ великодушно поступу-

пилъ добрый Владиміръ Андреевичъ? Подписывая эту договорную грамоту, онъ сравнялся заслугами Отечеству съ самыми знаменитыми Государями нашими: съ того времени кончились кровопролитныя ссоры дядей и племянниковъ и навсегда утвердился лучшій порядокъ въ наслѣдованіи престола.

1389 годъ былъ несчастливъ для Россіи: она лишилась любимца своего, Димитрія Іоанновича, и тогда какъ ему только что исполнилось сорокъ лѣтъ! Болѣзнь его случилась вдругъ и продолжалась нѣсколько дней. Передъ смертію онъ представилъ окружавшимъ его Боярамъ, своего семнадцатилѣтняго сына Василія, какъ будущаго Государя ихъ, и выбралъ ему девять совѣтниковъ изъ опытныхъ вельможъ. Съ удивительною твердостію еще говорилъ онъ съ ними за нѣсколько минутъ до кончины; просилъ ихъ служить вѣрно семейству его и отечеству; обнялъ нѣжную супругу свою; благословилъ каждаго изъ сыновей. По-

слѣднія слова его были: „Богъ мира да будетъ съ вами!„

Трудно описать горесть, какую чувствовалъ народъ о кончинѣ Димитрія. Никого изъ Государей своихъ, исключая Мономаха и Александра Невскаго—не любилъ онъ такъ, какъ Донскаго! Добрый Димитрій въ полной мѣрѣ заслуживалъ эту любовь. Кромѣ храбрости, которая доставила ему имя *перваго побѣдителя Татаръ*, онъ имѣлъ всѣ достоинства превосходнаго Государя, и только по добродушію своему не присоединилъ Рязань и Тверь къ Москвѣ въ то время, когда могъ это сдѣлать. Вы помните, читатели мои, Олега Рязанскаго и Михаила Тверскаго? Они сдѣлали столько зла отечеству своему, что признаюсь, я была бы очень рада, если бы Димитрій Донской былъ не столько совѣстливъ и отнялъ бы у нихъ Княжества ихъ. Они, право, стоили того.

Въ двадцати-шести-лѣтнее княженіе Димитрія случилось еще много

примѣчательныхъ происшествій кромѣ тѣхъ, о которыхъ мы уже говорили. Въ числѣ самыхъ важныхъ было крещеніе въ вѣру Христіанскую Пермянъ и Литовцевъ. *Пермью* называлась обширная страна въ Сѣверной Россіи отъ рѣки Двины до горъ Уральскихъ. Жители ея, Пермяне и Зыряне, давно уже платили дань Рускимъ, которые получая отъ нихъ много серебра и мѣховъ, не принуждали ихъ креститься. Вдругъ одинъ молодой монахъ *Стефанъ*, сынъ церковника въ городѣ Устюгѣ, почувствовалъ сильное желаніе просвѣтить этихъ идолопоклонниковъ. Онъ выучился языку Пермскому, выдумалъ для него особенныя буквы, перевелъ главныя церковныя книги съ Славянскаго языка, и отправился къ дикарямъ проповѣдывать Евангеліе. Богъ благословилъ его усердіе: Пермяне поняли истину его ученія, начали сами истреблять своихъ идоловъ, *) и шли къ

*) Главнымъ идоломъ народа Пермскаго былъ: *Золотая баба* или каменное изображеніе *старухи съ двумя дѣтьми.*

лыми толпами къ Стефану, чтобы креститься. Митрополитъ Московскій сдѣлалъ его первымъ Епископомъ Пермскимъ. Во все время жизни своей, Стефанъ былъ покровителемъ народа имъ просвѣщеннаго. Нетлѣнное тѣло его, прославленное святостію, погребено въ Кремлѣ, въ церкви Преображенія.

Но крещеніе Литовцевъ происходило совсѣмъ иначе. Ихъ не просвѣщалъ кроткій служитель Божій, но крестилъ волею и неволею Князь ихъ, сердитый Ягайло. Можетъ быть маленькіе читатели мои удивятся, какъ этотъ Ягайло — самъ идолопоклонникъ, вздумалъ крестить народъ свой? Вотъ какъ. Въ 1382 году умеръ Король Польскій Людовикъ. Унего не осталось сына, но одна пятнадцатилѣтняя дочь, прекрасная, добрая, благочестивая Гедвига. Польскіе вельможи, управлявшіе государствомъ, искали для молодой Королевы своей, такого супруга, который бы могъ защитить ея владѣнія отъ нападеній враговъ чуже-

земныхъ. Изъ всѣхъ Князей, сосѣднихъ къ Польшѣ, не было сильнѣе — Ягайла. И такъ, его избрали супругомъ прекрасной Королевнѣ Польской, съ тѣмъ условіемъ однакожъ, чтобы онъ принялъ вѣру Христіанскую. Вотъ для того, чтобы жениться на Гедвигѣ и сдѣлаться чрезъ то Королемъ Польскимъ, Ягайло согласился самъ креститься и потомъ крестить весь народъ свой. И какъ же онъ крестилъ его? Онъ не училъ такъ, какъ училъ Св. Стефанъ и другіе проповѣдники вѣры Христовой, но только ставилъ Литовцевъ въ ряды цѣлыми полками и заставлялъ ихъ читать *Символъ вѣры*. Въ это время священники кропили ихъ святою водою и давали имъ имена Христіанскія, но чтобы не терять времени, выдумывая разныя имена, — въ одномъ полку называли всѣхъ людей *Петрами*, въ другомъ *Павлами*, въ третьемъ *Иванами*, и такъ далѣе. Но надобно сказать вамъ, *милыя* дѣти, что вѣра Поляковъ, принятая и Ягай-

лонъ, была не наша греческая, но латинская или католическая. Отъ этого произошли новыя бѣды для тѣхъ Рускихъ областей, которыя были подъ властію Литвы и Польши *), теперь соединенныхъ въ одно Государство. Ягайло, усердный Католикъ, уже не любилъ Греческихъ Христіанъ, и всячески старался притѣснять ихъ.

Въ княженіе Димитрія Донскаго, предки наши перестали употреблять *куны* или кожаныя деньги; и начали дѣлать—кромѣ *рублей*, мелкую серебряную монету, по образцу Татарской. Татары называли свою серебряную монету *тангою*, а мѣдную—*пулою*. И Рускіе назвали также свою. Это названіе нѣсколько измѣнилось потомъ отъ выговора: изъ *танги*—сдѣлались *деньги*, а изъ *пулы*—*полушки*. И теперь еще у любителей древностей можно найти

*) *Литвѣ*—принадлежали всѣ города, отнятые у насъ Гедиминомъ, *Польшѣ*: Княжества: *Галицкое* и *Волынское* или все прежнее Королевство Романа Галицкаго.

зяли самыя старинныя серебряныя монеты наши. Каждая изъ нихъ вѣситъ $\frac{1}{4}$ золотника. На нихъ изображена фигура человѣка, сидящаго на лошади.

Въ послѣдній же годъ княженія Димитрія появилось у насъ *огнестрѣльное оружіе*, выписанное предками нашими изъ Нѣмецкой земли. Здѣсь кстати сказать вамъ, милыя дѣти, что порохъ изобрѣтенъ около половины XIV столѣтія Францисканскимъ монахомъ *Бертольдомъ Шварцомъ*.

Таблица XXXIV.

Семейство В. К. Димитрія IV Іоанновича *Донскаго*.

Супруга: ***Евдокія***, въ монахиняхъ Евфросинія, дочь Князя Суздальскаго, Димитрія Константиновича.

Сыновья: 1. Даніилъ, умеръ въ дѣтствѣ.
2. Василій, наслѣдникъ престола.
3. Юрій.
4. Петръ.
5. Андрей.
6. Іоаннъ.
7. Константинъ.

ВѢРА и НАБОЖНОСТЬ РУСКИХЪ.

Отъ 1380 до 1395 года.

(Пер. 6 лѣтъ.)

Счастливъ тотъ человѣкъ, который горячо любитъ Бога, искренно боится прогнѣвить Его, и въ горести твердо надѣется на Его помощь! Никакія опасности для него не страшны: онъ всегда можетъ быть увѣренъ, что усердно помолясь Богу, онъ будетъ услышанъ Имъ и избавленъ отъ бѣды! Это испытали предки наши, которые

были гораздо, гораздо усерднѣе къ Богу, нежели мы, милыя дѣти! Послушайте какъ чудесно Онъ показалъ имъ однажды, что молитвы людей доступны къ свѣтлому престолу Его.

Уже прошло болѣе пяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ молодой сынъ и наслѣдникъ Донскаго, Великій Князь Василій II Димитріевичъ вступилъ безъ всякаго спора на престолъ Великокняжескій; уже онъ успѣлъ показать подданнымъ своимъ, что во многомъ походилъ на знаменитаго отца своего: твердость духа, умъ, намѣренія, желанія —все было у нихъ одинаково. Василій, такъ же какъ и Димитрій понималъ, что счастіе Россіи требуетъ усиленія Великаго Княжества, и уже въ первые годы своего княженія умѣлъ сдѣлать то, о чемъ не смѣлъ еще и думать отецъ его: онъ присоединилъ къ Москвѣ, съ согласія Хана, сильныя Княжества Суздальское и Нижегородское, и кромѣ того, получилъ отъ не-

го города: Мещеру, Городецъ, Торусу и Муромъ.

Увеличивъ такимъ образомъ Великое Княжество, усмиривъ новый бунтъ безпокойныхъ подданныхъ своихъ, Новгородцевъ, Василій, весело праздновалъ свадьбу свою съ Софіею, дочерью Литовскаго Князя Витовта, какъ вдругъ разнеслась страшная вѣсть, что новый Батый, Чагатайскій Ханъ, Тамерланъ, идетъ на Россію! Читатели мои уже слышали нѣсколько объ этомъ безстрашномъ Государѣ Татарскомъ, хотѣвшимъ завоевать цѣлый свѣтъ. Вы помните, что онъ помогъ Тохтамышу побѣдить Мамая и завладѣть *Золотою Ордою*. Но благодарности не знаютъ народы полудикіе. Тохтамышъ, забылъ все, чѣмъ обязанъ былъ Тамерлану и осмѣлился итти войною на этого Государя, уже повелителя двадцати шести царствъ въ трехъ частяхъ міра! Уже онъ послалъ войско свое разорять сѣверную Персію. Тамерланъ, узнавъ о такой дерзости, пошелъ самъ нака-

зать его; и между рѣками Терекомъ и Курою, въ Черкесской землѣ, встрѣтились жестокіе враги. Тохтамышъ былъ совершенно разбитъ и бѣжалъ за Волгу. Ужасный завоеватель востока пошелъ къ сѣверу вслѣдъ за бѣгущимъ Тохтамышемъ; перешелъ Волгу, степи Саратовскія, и уже взялъ одинъ Руской городъ, Елецъ. Всѣ встревожились и тотчасъ вообразили, что настало опять то время, какое было за 160 лѣтъ назадъ. Одинъ Великій Князь не пришелъ въ уныніе и доказалъ, что былъ достоинъ отца своего: не теряя времени собралъ онъ многочисленное войско, въ которомъ еще можно было видѣть стариковъ, сражавшихся на полѣ Куликовомъ и поручивъ Москву, храброму дядѣ своему, Владиміру Андреевичу, самъ выступилъ съ полками—на берега Оки.

Отпуская молодаго Государя своего на опасную войну съ Татарами, Московскіе жители показали столько унынія, что Василій, желая утѣшить

и ободрить добрый народъ свой, писалъ изъ Коломны къ Митрополиту Московскому, чтобы онъ послалъ во Владиміръ за Образомъ Божіей Матери Пирогощей, привезеннымъ Андреемъ Боголюбскимъ изъ Вышегорода. Я говорила вамъ, милыя дѣти, о томъ странномъ происшествіи, которое случилось съ Андреемъ въ то время, когда онъ подъѣзжалъ съ этимъ Образомъ къ Владиміру. Многіе другіе случаи, и особенно побѣда Андрея надъ Болгарами, приписанная также помощи этого образа внушила предкамъ нашимъ глубокое уваженіе къ нему. Молитва предъ Святою Дѣвою, на немъ изображенною, успокоивала ихъ надеждою вѣрной помощи въ бѣдствіи. По этому вы можете судить, какъ обрадовались Москвитяне, когда услышали, что къ нимъ принесутъ чудотворный, Владимірскій образъ! Но за то Владимірцы горько плакали о немъ! Далеко по дорогѣ провожали они Святую Заступницу свою. Между тѣмъ, въ Москвѣ все, съ восхи-

щеніемъ приготовлялось къ принятію Ея, и Митрополитъ, все духовенство, Князь Владиміръ Андреевичъ, семейство Великаго Князя, бояре и народъ встрѣтили Образъ за городомъ на *Кучковѣ* полѣ, гдѣ теперь монастырь *Срѣтенскій*. Увидѣвъ его падали, всѣ упали на колѣна и со слезами говорили: „Матерь Божія! спаси землю Рускую!" но всѣ говоря это и проливая слезы, были спокойны: всѣ уже имѣли сладостное предчувствіе, что Господь не оставитъ надѣющихся на Него. . . . .

И это предчувствіе было справедливо! было такъ справедливо, что всѣ удивились и не знали какъ благодарить Бога за чудесное спасеніе свое! Представьте себѣ, милыя дѣти, что Тамерланъ уже шелъ по берегамъ Дона, разоряя всѣ селенія и города. По всему примѣтно было, что онъ хотѣлъ итти къ Москвѣ, но вдругъ остановился, цѣлыя двѣ недѣли пробылъ на одномъ мѣстѣ, и потомъ 26 Августа 1395 года—въ самый тотъ день и часъ, когда

жители Москвы съ такою истинною вѣрою встрѣтили образъ Божіей Матери на Кучковѣ полѣ, поворотилъ къ югу и вышелъ изъ Руской земли! Это было удивительно, непонятно для ума человѣческаго, но легко и возможно для Бога всемогущаго! Великій Князь и все войско, радуясь избавленію отечества отъ самаго ужаснаго завоевателя, спѣшили возвратиться въ Москву и усердными молитвами передъ спасительнымъ Образомъ благодарили за чудесную помощь Божію! Великій Князь построилъ каменную церковь Пресвятой Богородицѣ и монастырь на полѣ Кучковѣ и установилъ съ того времени праздновать Срѣтеніе Богоматери въ день 26-го Августа.

Между тѣмъ Тамерланъ заставилъ несчастный городъ Азовъ, землю Черкесскую и Ясскую, Астрахань и Сарай вытерпѣть все то, что приготовлялъ Москвѣ: всѣ эти области были разорены и выжжены. Орда Капчакская, по-

слѣ нашествія его осталась въ самомъ жалкомъ положеніи: три Хана присвоивали ее себѣ: Тохтамышъ, Кайричакъ и Тимуръ-Кутлукъ.

ДВА ХИТРЫЕ ВРАГА.

Отъ 1395 до 1425 года.

(Пер. 30 лѣтъ.)

Богъ любитъ отечество наше, милыя дѣти! Вы вѣрно и сами видите это, читая исторію нашу. Сколько бѣдъ и несчастій оно переносило! И страшные завоеватели чужеземные, и собственные Князья Рускіе разоряли, жгли, опустошали его! Благородные, великодушные Государи его должны были преклонять колѣна предъ дикими варварами, должны были болѣе двухъ

сотъ лѣтъ безпрестанно дрожать за жизнь не только подданныхъ своихъ, но и за свою собственную! Кромѣ Татаръ, этихъ ужасныхъ, безчеловѣчныхъ мучителей Россіи — сколько еще другихъ враговъ — желали погубить ее! Сначала Печенѣги и Половцы, потомъ Шведы, Датчане, Нѣмцы, Литовцы, Поляки, Венгры — всѣ въ свою очередь нападали на Русскихъ и истребляли ихъ. Посреди такихъ опасностей, что другое, кромѣ любви и помощи Божіей могло спасти ихъ? И какъ премудро посылалась имъ эта небесная помощь! Когда въ Ордѣ царствовалъ Ханъ, болѣе другихъ любившій войну и кровопролитіе, тогда и Россіи Богъ посылалъ храбраго Князя, который умѣлъ противиться злому Татарину; когда, напротивъ того, Царь Татарскій болѣе любилъ спокойную и веселую жизнь въ Сараѣ, и деньги, на которыя можно было покупать все, что веселило его, — тогда на Рускомъ престолѣ вѣрно былъ ще-

дрый и миролюбивый Князь, который радовался, что деньгами — а не кровью могъ покупать спокойствіе своихъ подданныхъ. Когда сосѣднею Литвою управлялъ злой, жестокій, жадный Ольгердъ,—тогда у насъ былъ умный неустрашимый, Димитрій Донскій. Когда Литовскимъ Княземъ сдѣлался храбрый и хитрый Витовтъ, племянникъ Ольгерда, — тогда Великимъ Княземъ Московскимъ былъ не менѣе его хитрый сынъ Донскаго, Василій II. Болѣе двадцати лѣтъ продолжались ссоры этихъ двухъ Князей не смотря на то, что дочь Витовта, Софія, была замужемъ за Василіемъ Димитріевичемъ. Оба они были примѣчательными людьми своего времени, и потому читатели мои вѣрно захотятъ узнать нѣсколько подробнѣе ихъ исторію.

Витовтъ былъ одинъ изъ самыхъ жестокихъ и сильныхъ завоевателей. Король Ягайло, сдѣлавшись супругомъ прекрасной наслѣдницы Польскаго пре-

стола, Гедвиги, уже не думалъ о войнѣ, и не заботясь о Литовскомъ княжествѣ не выѣзжалъ никуда изъ Польской столицы своей Кракова. Витовтъ, пользуясь тѣмъ, овладѣлъ Литвою а чрезъ нѣсколько времени и Волыніею.

Но все это казалось мало ненасытному: въ 1395 году онъ завладѣлъ Смоленскомъ, такъ что уже, кромѣ Литовскихъ земель, ему принадлежала вся старинная земля Вятичей, т. е. нынѣшняя Орловская Губернія съ частію Калужской и Тульской; множество удѣльныхъ городовъ Князей Черниговскихъ; однимъ словомъ, Витовтъ былъ Государемъ надъ всею южною Россіею и замышлялъ отнять у Василія Димитріевича и послѣднія, остававшіяся у него области, гдѣ сохранялась жизнь и будущее величіе Русскихъ. Сколько надобно было Василію имѣть мужества, благоразумія, осторожности и даже хитрости, чтобы не допустить злаго Витовта исполнить его намѣреніе! Ему удалось

это совершенно, и Витовтъ, видя твердость Князя Рускаго, отказался отъ своихъ замысловъ и въ послѣдніе годы княженія Василія, жилъ уже въ мирѣ съ нимъ. Гордость его была очень много усмирена Татарами. Чрезвычайная страсть повелѣвать другими и отнимать чужія владѣнія внушила ему однажды мысль побѣдить — прежде Сарайскаго Хана, Тимура-Кутлука, а потомъ и покровителя его, самаго Тамерлана! Чтобы завести ссору съ Кутлукомъ, онъ призвалъ къ себѣ изгнаннаго изъ Орды Хана Тохтамыша, и обѣщалъ возвратить ему опять престолъ Татарскій. Тохтамышъ обрадовался такому счастію: Князь Литовскій, уже давно славился своею силою и храбростію, и на помощь его можно было надѣяться. Вотъ они отправились на Татаръ. Витовтъ приглашалъ въ этотъ походъ и зятя своего, Василія Димитріевича; но умный Великій Князь, видя изъ примѣра южной Россіи, что власть Литовская еще

хуже для Руских—Татарской, и зная, что после победы надъ Татарами, уже все должно будетъ покориться Витовту—умелъ отговориться отъ приглашенія тестя и не далъ ему вспомогательнаго войска.

Гордый Витовтъ оставилъ безъ вниманія отказъ Василія: онъ надеялся, что и безъ помощи Рускихъ справится съ Татарами, но ошибся. У Тимура-Кутлука былъ — хотя старый, но умный и храбрый Воевода *Эдигей*. Ему суждено было наказать дерзкаго Князя Литовскаго, который въ первомъ же сраженіи былъ такъ разбитъ Татарами, что едва могъ спасти третью часть своего войска. Ханъ Тимуръ-Кутлукъ гналъ его до самаго Днепра, взялъ съ Кіева 3000 рублей серебра Литовскаго, оставилъ въ этомъ городе своихъ Баскаковъ, и разорилъ области Витовта до самаго Луцка. Такъ всегда бываютъ наказаны гордые!

Старикъ Эдигей былъ памятенъ и для сѣверной Россіи: въ 1408 году онъ приходилъ разорять ее за позволеніе, данное Великимъ Княземъ сыновьямъ Тохтамыша, жить въ Россіи. Это нашествіе Татаръ было также ужасно какъ и прежнія. Всѣ мѣста отъ рѣки Дона до Бѣлаго озера и Костромскаго Галича были разорены. Только Москва, благодаря храбрости Князя Владиміра Андреевича, спаслась. Впрочемъ этотъ походъ Эдигея не принесъ большой пользы Татарамъ: новые безпорядки въ Ордѣ заставили его скорѣе возвратиться туда, а Рускимъ дали возможность не слушать приказаній Хановъ. Хотите ли, милыя дѣти, прочитать письмо, которое старый Эдигей написалъ съ дороги къ Великому Князю? Оно очень любопытно, потому что покажетъ вамъ, какъ думали и писали тогда наши гордые повелители, и какъ уже мало повиновался имъ Руской Великій Князь!

Вотъ это замѣчательное письмо:

„Отъ Эдигея поклонъ къ Василію, послѣ думы съ Царевичами и Князьями нашими. Великій Ханъ послалъ меня на тебя съ войскомъ, потому что слышали мы, что у тебя укрываются дѣти Тохтамыша. Да еще слышали мы, что у тебя въ Московскомъ княжествѣ не право дѣлается: вы осмѣиваете и всячески притѣсняете не только купцевъ нашихъ, но даже и пословъ царскихъ. Такъ ли бывало прежде? Спроси у стариковъ: земля Руская была нашимъ вѣрнымъ Улусомъ, *держала страхъ*, платила дань, почитала пословъ и гостей Ордынскихъ. Ты не хочешь знать того, и что же дѣлаешь? Когда Тимуръ сѣлъ на царство, ты не видалъ его въ глаза, не присылалъ къ нему ни Князя, ни боярина. Прошло царство Тимурово: *Шадибекъ* восемь лѣтъ былъ Ханомъ, ты не былъ у него! Теперь царствуетъ *Булатъ* уже третій годъ: ты, самый старшій Князь въ улусѣ Рускомъ, не являешься въ Ордѣ! Всѣ дѣла твои не добры. Были у васъ нравы и

дѣла добрые, когда жилъ бояринъ *Федоръ Кошка* и напоминалъ тебѣ о Ханскихъ благодѣяніяхъ. Нынѣ ты думы старцевъ не слушаешь. Что же вышло? Разореніе твоему улусу! Хочешь ли княжить мирно? Призови на совѣтъ бояръ старѣйшихъ: *Илью Іоанновича*, *Петра Константиновича* и другихъ, согласныхъ съ ними въ доброй думѣ; пришли къ намъ одного изъ нихъ съ старинными оброками, какіе вы платили Царю Чанибеку, чтобъ не погибло совсѣмъ твое царство. Все что ты писалъ къ Хану о бѣдности народа Рускаго несправедливо: мы теперь сами видѣли твой улусъ, и узнали, что ты собираешь въ немъ по рублю съ двухъ сохъ? Куда же идетъ серебро? Земля Христіанская осталась бы цѣла, когда бы ты исправно платилъ дань; а теперь, бѣгаешь какъ рабъ! . . . Размысли и научися!“. . .

Но Василій Димитріевичъ не испугался этого грознаго письма, не исполнилъ ни приказаній, ни совѣтовъ

Эдигея, и вообще во все время своего тридцати-шести-лѣтняго княженія менѣе всѣхъ прежнихъ Великихъ Князей платилъ дань Татарамъ и менѣе всѣхъ признавалъ власть ихъ надъ собою. Это примѣтно и изъ духовнаго завѣщанія его, въ которомъ онъ уже явно, не ожидая согласія Орды, объявляетъ наслѣдникомъ Великаго Княжества, малолѣтнаго сына своего, *Василія*. Боясь, чтобы честолюбивые братья его, по прежнему праву дядей, не лишили малютку престола, Василій Димитріевичъ поручилъ его покровительству тестя своего, прежняго врага, но потомъ помирившагося съ нимъ Государя Литовскаго. И здѣсь виденъ хитрый умъ Василія: такая лестная довѣренность не могла не внушить гордому Витовту желанія оправдать ее предъ глазами свѣта. Если же бы въ головѣ Литовскаго Князя еще оставалась какая нибудь мысль о завладѣніи Московскимъ Государствомъ, то и на этотъ случай Василій Димитріевичъ

умѣлъ распорядиться: онъ далъ совѣту Великокняжескому, который состоялъ изъ бояръ-пѣстуновъ маленькаго Государя, письменныя наставленія, въ какой мѣрѣ должно принимать покровительство Витовта и до чего не допускать его.

Въ княженіе Василія Димитріевича начали показываться въ Россіи разныя искусства: Москва славилась хорошими живописцами, которые прекрасно расписывали церкви; были также въ ней и литейные мастера, а въ 1404 году, одинъ монахъ, Лазарь, родомъ изъ Сербіи, устроилъ первые боевые часы, которые поставлены были на Великокняжескомъ Дворѣ, за церковью Благовѣщенія, и стоили 150 рублей серебромъ. Народъ удивлялся этимъ часамъ какъ чуду, и при каждомъ боѣ толпами сходился смотрѣть и слушать ихъ.

У предковъ нашихъ при Василіи Димитріевичѣ были также и Рыцар.

скія игры или карусели и турниры. Они называли это *игрушками*. На этихъ *игрушкахъ*, молодые люди иногда наносили смертельныя раны другъ другу.

Таблица XXXV.

Семейство В. К. Василія II Димитріевича.

Супруга: София Витовтовна, Великая Княжна Литовская.

Сыновья: 1. Іоаннъ, умеръ въ дѣтствѣ.
2. Василій, наслѣдовалъ престолъ.

ССОРА НА СВАДЬБѢ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ III.

Отъ 1425 до 1433 года.

(Пср. 8 лѣтъ.)

27 Февраля 1425 года скончался Василій Димитріевичъ. Всѣ братья его, бывшіе въ Москвѣ, обѣщали ему почитать Государемъ своимъ десятилѣтняго сына его *Василія*. Одинъ только Юрій Димитріевичъ, Князь Звенигородскій, не давалъ этого обѣщанія, и какъ скоро узналъ о смерти брата, отправилъ посла съ угрозами въ Москву.

Но маленькій Князь не испугался дяди: у него была умная машь, былъ сильный опекунъ, дѣдъ его Виповшъ Липовскій; были усердные совѣшники и пѣстуны, между которыми самымъ искуссньмъ, самымъ краснорѣчивымъ и самымъ хитрымъ былъ одинъ бояринъ *Иванъ Димитріевичъ.* Всѣ эти защитники малолѣтнаго Государя Рускаго, посовѣтовавшись между собою, отправили отъ имени его къ Юрію Димитріевичу, Митрополита Фотія.

Убѣжденія служителя Божія подѣйствовали на Юрія: онъ согласился, хотя не совсѣмъ отказаться отъ Великаго Княжества, но покрайней мѣрѣ не искать его до тѣхъ поръ, пока Царь Татарскій рѣшитъ кому принадлежитъ оно.

Между тѣмъ какъ шли переговоры объ этомъ съ Ордою, Новгородскія области терпѣли много горя отъ жадности къ завоеваніямъ Витовта, которая не уменьшилась въ немъ и при глубокой старости. Ему давно хотѣ-

лось завладѣть сильнымъ Новгородомъ, котораго всѣ области были богаты и велики. Первое мѣсто между ними занималъ *Псковъ*, знаменитая родина Святой Ольги. Новгородцы были такъ довольны услугами Псковитянъ, всегда защищавшихъ ихъ отъ Ливонцевъ и Литовцевъ, что въ 1348 году сняли со Пскова верховную власть свою и назвали его братомъ Новгорода. Съ тѣхъ поръ Псковитяне имѣли во всемъ одинакія права съ Новгородцами, имѣли такое же Вече, какое было на Дворѣ Ярослава; но со временъ *Калиты* такое вѣче уже немного значило и въ Новгородѣ и во Псковѣ: Великіе Князья Московскіе не позволяли имъ имѣть особенныхъ Князей, и посылали къ нимъ только своихъ Намѣстниковъ. Новгородцы, привыкшіе всегда сами выбирать и по своей дерзкой волѣ смѣнять Князей своихъ, не любили Москвы и при каждомъ случаѣ показывали эту не-любовь. Витовтъ умѣлъ пользоваться этимъ ра-

сположеніемъ и старался еще болѣе разжигать ссоры Новгорода съ Москвою, надѣясь, что эти ссоры, отнимая мало по малу силы у обоихъ враговъ, помогутъ ему овладѣть первымъ. Такія намѣренія, вредныя для отечества нашего, вѣрно исполнились бы, если бы Витовтъ былъ моложе или наслѣдники его имѣли столько же ума и страсти къ завоеваніямъ, какъ онъ! Но къ счастію Россіи, слава народа Литовскаго началась и кончилась съ Витовтомъ. Онъ умеръ въ 1430 году и умеръ отъ досады! Вы удивляетесь этому, милыя дѣти? Точно, отъ досады. Послушайте.

Витовту очень хотѣлось называться *Королемъ Литовскимъ*. Ягайло, Король Польскій и настоящій владѣтель Литвы, былъ согласенъ на это. Папа Римскій также. Но Паны или Вельможи Польскіе, не желая видѣть отдѣленія Польши отъ Литвы, тайно старались передѣлать все это, а между

шѣмъ не мѣшали Вишовшу уже звашь госшей на свое коронованіе и гошовишь для нихъ пышные праздники. Госши съѣхались. Эшо были: Князья Рускіе и Польскіе, Ханы Ташарскіе, Господарь Валахіи, Послы Императора Греческаго, Ландмаршалъ Ливонскій, Король Ягайло, Великій Князь Василій Васильевичъ, внукъ Вишовша. Молодаго Государя Рускаго провожалъ Мишрополишъ Фошій. Исшорики шого времени говоряшъ, чшо эшошъ шоржесшвенный съѣздъ шакого множесшва знаменишыхъ Князей, предсшавлялъ необыкновенную, прекрасную каршину! Сѣдый, осмидесяшилѣшній хозяинъ, окруженный первыми вельможами Лишовскими, угощалъ посъшишелей своихъ шакъ пышно, чшо во всей Европѣ съ удивленіемъ расказывали о его праздникахъ. Вообразише себѣ, милыя дѣши, чшо изъ погребовъ княжескихъ, ошпускалось каждый день 700 бочекъ меду, кромѣ вина и пива, а на кухню привозили 700 быковъ, 1400 барановъ,

100 зубровъ, столько же лосей и кабановъ! Около семи недѣль продолжались эти пиры въ Вильнѣ и Трокахъ. Витовтъ съ каждымъ днемъ ожидалъ, что пріѣдетъ Посолъ Римскій короновать его, но вмѣсто короны, онъ привезъ отъ Папы отказъ на просьбы Князя Литовскаго! Гордый старикъ такъ огорчился этимъ, что сдѣлался боленъ, распрощался съ гостьми, которые спѣшили разъѣхаться и чрезъ нѣсколько дней скончался. Послѣ смерти его владѣлъ Литвою прежде двоюродный братъ его *Свидригайло*, потомъ родной *Сигизмундъ*, наконецъ сынъ Ягайла Польскаго, *Казимиръ*. Всѣ эти Государи уже совсѣмъ не походили на храбраго, неустрашимаго, хитраго Витовта.

Вѣрно Князь Юрій Димитріевичъ боялся этого страшнаго опекуна молодаго Великаго Князя: при жизни его, онъ не напоминалъ Василію Васильевичу объ условіи ихъ, просить суда Ханскаго, но тотчасъ послѣ смерти Ви-

шовита, объявилъ опять свои притязанія на престолъ Великокняжескій, и вотъ дядя и племянникъ поѣхали въ Орду, къ Царю Махмету. При отъѣздѣ Великаго Князя изъ Москвы, народъ, въ первый разъ увидѣлъ слабый нравъ его: онъ боялся одной мысли ѣхать къ Татарамъ, и плакалъ не отъ печали по матери и отечеству, но отъ страха погибнуть въ Ордѣ, такъ же какъ погибли тамъ многіе Князья Рускіе. Его ободрялъ и утѣшалъ во время всей дороги бояринъ Иванъ Димитріевичь. Рѣдко кто умѣлъ такъ краснорѣчиво говорить, какъ этотъ хитрый совѣтникъ Великаго Князя! Къ тому же у него была прекрасная дочка, которую ему очень хотѣлось видѣть Великою Княгинею. Онъ уже нѣсколько разъ намѣкалъ объ этомъ своему воспитаннику, и молодой Василій Васильевичь не отговаривался: гордому Ивану Димитріевичу казалось даже, что Великій Князь съ удовольствіемъ слушаетъ объ его предложеніи, что онъ

уже согласенъ назвать прекрасную дочь его своею невѣстою: мы, обыкновенно, охотно вѣримъ тому, чего желаемъ! Вотъ Иванъ Димитріевичъ съ новымъ жаромъ принимается за дѣло будущаго зятя своего; ласковыми словами и богатыми подарками склоняетъ всѣхъ вельможъ Ханскихъ въ пользу молодаго Князя, и наконецъ съ полною надеждою на успѣхъ, является съ нимъ въ назначенный день суда къ Хану Махмету. Ханъ уже зналъ, что Василій доказывалъ свое право на престолъ новымъ закономъ Государей Московскихъ, по которому сынъ послѣ отца, а не братъ послѣ брата, былъ наслѣдникомъ. Дядя же его находилъ этотъ законъ несправедливымъ и хотѣлъ быть Великимъ Княземъ по прежнему установленію. Когда Князь Юрій кончилъ жаркую рѣчь свою,—бояринъ Иванъ Димитріевичъ, сдѣлавъ низкій поклонъ, сталъ передъ Махметомъ и сказалъ: „Царь верховный! Позволь мнѣ, смиренному холопу, говорить за моего молодаго

Княая. Юрій ищетъ Великаго Княжества по старинымъ грамотамъ Рускимъ, а Государь нашъ, по твоей милости, зная что оно въ твоей волѣ: отдашь его, кому хочешь. Одинъ требуетъ, другой проситъ. Что значатъ всѣ грамоты противъ воли твоей? Шесть лѣтъ уже Василій Васильевичъ на престолѣ: ты не свергнулъ его, стало быть самъ признавалъ Государемъ законнымъ.„ Эта льстивая, хитрая рѣчь такъ понравилась Хану, что онъ тутъ же обнялъ молодаго Василія; поздравилъ его Великимъ Княземъ и приказалъ Юрію *вести подъ нимъ коня*: это Азіятское обыкновеніе означало власть верховнаго Государя надъ княземъ, зависящимъ отъ него. Но Василій Васильевичъ не допустилъ дядю до такого униженія, и возвратясь въ отечество, они, казалось, уже забыли свои несогласія и жили спокойно, каждый въ своемъ владѣніи, какъ вдругъ совсѣмъ неожиданно вспыхнула

между ними новая, кровопролитная ссора, и вотъ по какой причинѣ.

Бояринъ Иванъ Димитріевичъ пріѣхавъ изъ Орды, съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда Великій Князь, такъ много обязанный ему — назначитъ день свадьбы своей съ его дочерью. Но къ удивленію его, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ заговорили о свадьбѣ Государя, и невѣстою объявили — не дочь Ивана Димитріевича, а Княжну Марію Ярославовну, внуку знаменитаго и такъ много любимаго народомъ Князя Владиміра Андреевича Храбраго! Вы не можете представить себѣ, милые читатели мои, какъ разсердился за это гордый Иванъ Димитріевичъ! Онъ поклялся отмстить за эту обиду Великому Князю, и тотчасъ же, не дожидаясь окончанія свадьбы, уѣхалъ въ Костромскій Галичъ, къ дядѣ его, Юрію Димитріевичу и предложилъ ему услуги свои — погубить Василія.

Между тѣмъ какъ эти два жестокіе врага Великаго Князя выдумывали

средства отмстить за себя, новая ссора въ Москвѣ доставила имъ еще двухъ усердныхъ помощниковъ.

Два сына Юрія Димитріевича, Василій *Косой* и Димитрій *Шемяка* остались въ Москвѣ пировать на свадьбѣ молодаго Государя и двоюроднаго брата своего. *Косой* былъ въ это время сговоренъ на внучкѣ Боярина Ивана Димитріевича. Дѣдушка невѣсты, въ день сговора подарилъ жениху золотый поясъ съ цѣпями, осыпанный драгоцѣнными каменьями. Зная богатство Ивана Димитріевича *Косой* не любопытствовалъ спросить откуда достался ему этотъ прекрасный поясъ, но только любовался его чудесною отдѣлкой, блескомъ изумрудовъ и рубиновъ, красотою искусно сдѣланныхъ цѣпочекъ. Нетерпѣливо хотѣлось ему обновить дорогой подарокъ на какомъ нибудь праздникѣ, и скоро случай представился. 8 Февраля 1433 года назначена была свадьба Великаго Князя. Весело отправился во дворецъ Василій

Юрьевичъ въ золотомъ своемъ поясѣ и уже заранѣе восхищался какъ онъ удивитъ всѣхъ гостей богатымъ нарядомъ своимъ. Онъ точно удивилъ, но за то и самъ удивленъ былъ! Когда уже молодые пріѣхали изъ церкви и всѣ гости сидѣли съ ними за пышнымъ столомъ, одинъ изъ бояръ Ростовскихъ, началъ всматриваться въ драгоцѣнный поясъ *Косаго* и какъ будто бы припоминать себѣ что-то знакомое. Наконецъ оборотясь къ матери Великаго Князя, Княгинѣ Софіи, бояринъ тихо сказалъ ей" Государыня! видишь ты поясъ на Князѣ Василіѣ Юрьевичѣ: онъ не простой, но изъ кладовыхъ Великокняжескихъ. Этотъ поясъ подаренъ Княземъ Димитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ тестю его, нашему незабвенному Государю, Димитрію Донскому. Въ день свадьбы его онъ затерялся: говорили, что будто бы одинъ изъ самыхъ близкихъ къ Великому Князю бояръ подмѣнилъ его, но до сихъ поръ неизвѣстно было, кто

именно. Я удивляюсь, какъ могъ этотъ драгоцѣнный для всѣхъ насъ поясъ, попасть къ молодому Василію Юрьевичу!“ Пылкая, гордая Софія, имѣвшая причину не любить семейства Юрія Димитріевича, обрадовалась и дорогой находкѣ, и случаю сдѣлать непріятность сыну врага своего. Поспѣшно подошла она къ Василію Юрьевичу, надменно спросила, гдѣ взялъ онъ богатый поясъ свой и не дождавшись отвѣта, собственными руками сорвала его! Удивленіе и гнѣвъ молодаго Князя были неописаны! Не имѣя понятія о томъ, что поясъ достался боярину Ивану Димитріевичу точно потому что былъ подмѣненъ однимъ изъ предковъ его,— Василій Юрьевичъ видѣлъ въ немъ только подарокъ дѣда невѣсты своей и не хотѣлъ лишиться его. Братъ его, Димитрій *Шемяка*, держалъ его сторону, но спорить было нельзя: поясъ былъ уже въ рукахъ Софіи Витовтовны, которая приказывала молчать сыновьямъ Юрія!..

Кровь кипѣла въ молодыхъ Князьяхъ отъ такой жестокой обиды: въ бѣшенствѣ выбѣжали они оба изъ дворца и въ тотъ же часъ отправились въ Галичъ, къ отцу. Тамъ давно ожидали ихъ два старика, ненавидѣвшіе Великаго Князя. Расказъ о новой обидѣ еще болѣе увеличилъ ихъ злобу, и вы пожалѣете, милыя дѣти, сколько новыхъ несчастій вытерпѣли предки наши за свадьбу Государя своего съ княжною Маріею Ярославовною и за поясъ Василія *Косаго!*...

ДИМИТРІЙ ШЕМЯКА.

Отъ 1433 до 1446 года.

(Пер. 13 лѣтъ.)

Изъ всѣхъ враговъ, которыхъ доставилъ Великому Князю день его свадьбы, — самымъ жестокимъ былъ *Димитрій Шемяка*. Ни дядя Юрій, ни сынъ его Василій Косой, ни даже мстительный бояринъ Иванъ Димитріевичь не причинили столько зла Великому Князю, какъ этотъ двоюродный братъ его! Правду сказать, что и онъ самъ не всегда былъ справедливъ и очень часто заслуживалъ тѣ несчастія, какія

терпѣлъ. Особливо, Шемяка, былъ кажется назначенъ Богомъ на то, что бы показать Великому Князю, что еще и въ здѣшнемъ мірѣ зло бываетъ наказано. Прочитайте милыя дѣти, расказъ о кровопролитныхъ ссорахъ ихъ, и не забудьте никогда того сильнаго доказательства правосудія Божія, которое вы найдете въ немъ.

Свадебные праздники Василія Васильевича были кажется последними пріятными днями для этого несчастнаго Государя: не прошло мѣсяца послѣ нихъ, какъ уже Юрій Димитріевичъ съ сыновьями своими изгналъ его изъ Москвы, и изъ милости давъ ему въ удѣлъ городъ Коломну, объявилъ себя Великимъ Княземъ. Правда, княженіе его продолжалось только нѣсколько мѣсяцевъ и Василій опять возвратился въ Москву, но Юрій могъ бы сдѣлаться для него опаснымъ, если бы вскорѣ потомъ не умеръ. Однакожъ, съ нимъ не умерли всѣ враги Василія, и сыновья его: *Косой* и *Шемяка*, имѣли точно

шакія же честолюбивыя намѣренія какъ и отецъ ихъ. Косой, какъ старшій, объявилъ первый — право свое на престолъ Великокняжескій, и нанявъ Вяшчанъ, уже пошелъ съ ними къ Москвѣ; но Великій Князь съ вѣрными Москвишянами, чрезвычайно любившими его, побѣдилъ гордаго брата своего, и тогда уже обезславилъ себя ужаснымъ злодѣйствомъ, напомнившимъ Россіи XII вѣкъ и несчастнаго Василька Ростиславича: онъ приказалъ ослѣпить Василія *Косаго*! Такой жестокій поступокъ уменьшилъ любовь Рускихъ къ Великому Князю и извинилъ нѣсколько все зло, какимъ въ послѣдствіи отомстилъ ему Шемяка за несчастіе брата! сначала этотъ хитрый Князь не показывалъ Василію ненависти своей, и даже вмѣстѣ съ нимъ называлъ врагомъ отечества бѣднаго слѣпца; но это все было только для того, чтобы получить во владѣніе свое тѣ богатые удѣлы, которыми Великій Князь хотѣлъ вознаградить ему несчастіе Косаго. Какъ

скоро новыя области были ему отданы, онъ началъ думать о мщеніи, и не долго искалъ къ тому случая: въ Россіи, окруженной со всѣхъ сторонъ врагами, такіе случаи были не рѣдки.

Въ 1437 году Ханъ Татарскій *Махметъ* былъ изгнанъ изъ Орды братомъ своимъ *Кичимомъ*. Сдѣлавъ въ царствованіе свое много добра для Василія Василіевича, онъ надѣялся жить спокойно въ отечествѣ нашемъ и пріѣхалъ въ одинъ изъ городовъ Рускихъ. Но Василій не помнилъ благодѣяній и узнавъ о пріѣздѣ Махмета тотчасъ приказалъ ему удалиться изъ предѣловъ Россіи. Ханъ, обиженный такою неблагодарностію и привыкшій видѣть въ Великомъ Князѣ своего данника, не хотѣлъ послушаться его, имѣя у себя 3000 воиновъ. Василій послалъ на него войско подъ начальствомъ Шемяки. Заранѣе радовался Шемяка пріятному случаю досадить брату: всѣ селенія, мимо которыхъ проходилъ онъ, были разграблены, а у стѣнъ того маленькаго городка, гдѣ

жилъ Махметъ,—Руское войско вмѣстѣ съ начальникомъ своимъ пришло въ такой страхъ, что почти не начиная сраженія пустилось бѣжать назадъ! Татары удивились и поскакавъ за бѣглецами, почти всѣхъ ихъ нарубили!

Злой умыселъ Шемяки въ этомъ дѣлѣ былъ явный, но совѣсть все еще мучила Великаго Князя за ослѣпленіе Косаго,—и не смѣя наказывать брата его, онъ оставилъ его спокойно княжить въ удѣлахъ ему данныхъ.

Между тѣмъ Ханъ Махметъ, зная что ему не льзя долго жить въ Россіи, и спорить съ Василіемъ, пошелъ чрезъ Мордовскую землю въ Болгарію, къ тому мѣсту, гдѣ была Казань, разоренная Руссками въ 1399 году. Это прекрасное, изобильное мѣсто, любимое Татарами Казанскими, понравилось и потомкамъ ихъ, и изгнанный Ханъ Капчакскій сдѣлался возобновителемъ знаменитаго царства Казанскаго, которое потомъ около ста лѣтъ было страшно для Русскихъ. Слухъ о ласковости и добродушіи Мах-

мета, о выгодахъ, какія доставлялъ онъ всѣмъ желавшимъ поселиться въ Казани, привлекалъ къ нему новыхъ жителей со всѣхъ сторонъ. Кромѣ Болгаръ, Черемисовъ, Татаръ, къ нему пріѣзжали цѣлыя семейства изъ Золотой Орды, изъ Астрахани, Азова, такъ что Казань чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ наполнилась людьми. Чрезъ годъ Махметъ ходилъ уже грабить Московское княжество, а въ 1445 году историки наши уже говорятъ о настоящемъ нашествіи на Россію, того же Царя Казанскаго. Онъ взялъ Нижній-Новгородъ, а двухъ сыновей своихъ *Мамутяка* и *Ягуба* послалъ къ Суздалю. Это нападеніе было такъ неожиданно, что Великій Князь не успѣлъ собрать всѣхъ своихъ защитниковъ, а Шемяка опять обманулъ его: не пожалъ самъ къ нему на помощь, и не прислалъ обѣщаннаго войска.

Этотъ обманъ дорого стоилъ Великому Князю: имѣя только 1500 воиновъ, онъ не можно былъ разбитъ

Татарами при Суздалѣ, но даже и взятъ въ плѣнъ съ простреленною рукою, съ тринадцатью ранами на головѣ и безъ нѣсколькихъ отсѣченныхъ пальцевъ!

Какъ радовался Шемяка несчастію Василія, особливо когда Махметъ присылалъ къ нему своего Мурзу или вельможу Бегича съ дружеелюбными предложеніями! Онъ уже не сомнѣвался, что добьется себѣ у Махмета престола Великокняжескаго, а Василію вѣчной неволи, какъ вдругъ все перемѣнилось въ то время, какъ Казанскій Царь праздновалъ въ нижнемъ Новгородѣ побѣды свои, — какой-то Татарскій Князь овладѣлъ Казанью. Махметъ, желая скорѣе возвратиться въ столицу свою, не сталъ дожидаться возвращенія посла своего къ Шемякѣ, и ласково отпустилъ Великаго Князя въ Москву, взявъ съ него только выкупъ.

Неожиданное возвращеніе восхитило радостію печальное семейство Василія Васильевича и весь народъ его;

но въ тоже время встревожило новою досадою сердце Димитрія. Съ этой минуты онъ опять покляался погубить врага своего, и уже рѣшился не ожидать случая отъ времени, но измѣною и заговоромъ кончить дѣло скорѣе.

Для этого ему нужны были помощники, и какъ дурныхъ людей вездѣ много, то онъ скоро нашелъ ихъ. Главнымъ изъ нихъ—кромѣ многихъ бояръ, купцевъ, дворянъ и даже монаховъ—былъ двоюродный братъ Василія и Димитрія Шемяки: Князь *Іоаннъ Андреевичь Можайскій*. Заговорщики условились овладѣть нечаянно столицею и схватить Великаго Князя.

Они выбрали то время, когда Василій поѣхалъ въ Троицкій монастырь благодарить Бога и Св. Сергія, за избавленіе свое изъ плѣна. Это было въ 1446 году. 12 Февраля ночью злодѣи вошли въ Кремль и безъ труда овладѣли этою крѣпостію, гдѣ всѣ спали, а потомъ и всею Москвою. Въ туже ночь Шемяка отправилъ въ Троицкій

монастырь вѣрнаго друга своего Іоанна Можайскаго, схватить тамъ Великаго Князя. Несчастный Государь, во все не ожидая жестокой судьбы своей, усердно молился въ церкви въ ту самую минуту, какъ злодѣи вошли и взяли его предъ самою гробницею Св. Сергія! Безъ всякой жалости они бросили бѣднаго Князя въ голые сани и привезли въ Москву, прямо на дворъ къ Шемякѣ. Напрасно умолялъ онъ отпустить его, обѣщая постричься въ монахи, напрасно плакалъ передъ врагомъ своимъ: Шемяка былъ неумолимъ, и чтобы заставить Василія испытать всѣ тѣ страданія, какія терпѣлъ отъ него Василій Косой, — приказалъ ослѣпить его, и потомъ сослалъ въ Угличъ.

Тогда же онъ объявилъ себя Великимъ Княземъ, и во время непродолжительнаго правленія своего показалъ столько безсмысленности, столько несправедливости, столько неуваженія къ прежнимъ законамъ нашимъ, что съ

тѣхъ поръ появилась въ народѣ посло- вица *о судѣ Шемякинѣ*. И теперь еще, всякое несправедливое и безтолковое разбирательство какой нибудь ссоры или дѣла называютъ иногда *судомъ Шемякинымъ*.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ КНЯЖЕНІЯ

ВАСИЛІЯ ТЕМНАГО.

Отъ 1446 до 1462 года.

(Пер. 16 лѣтъ.)

Василія III-го со времени ослѣпленія называли *Темнымъ* или *Слѣпымъ*. Это несчастіе одно изъ самыхъ горестныхъ для человѣка — было полезно для него. Оно заставило его раскаяться въ прежнихъ несправедливыхъ поступкахъ, примирило совѣсть его съ Богомъ, сдѣлало его опять столько же любимымъ, какъ былъ онъ любимъ всѣми до ослѣпленія Василія Косаго.

Не прошло года,—и эта общая любовь народа возвратила ему престолъ Великокняжескій. Съ христіанскою кротостію онъ простилъ Шемяку, взявъ съ него торжественную клятву при Епископахъ, никогда не думать о Великомъ Княжествѣ.

Но для злаго человѣка, который не боится Бога, клятва не много значитъ: въ 1450 году, Шемяка уже опять пришелъ съ войскомъ на Великаго Князя, и 27 Января было у нихъ жестокое сраженіе у Галича, особенно примѣчательное тѣмъ, что оно было *послѣднее* въ междоусобныхъ ссорахъ Князей: величіе Россіи уже близко, милыя дѣти, и несчастное несогласіе Удѣльныхъ Князей скоро утихнетъ подъ хранительнымъ могуществомъ *одного* Государя. Шемяка былъ совершенно разбитъ Москвитянами, и потерявъ наслѣдственный удѣлъ свой, Галичь, убѣжалъ въ Устюгъ,—городъ и теперь существующій въ Вологодской губерніи.

Болѣе двухъ лѣтъ Василій Темный не тревожилъ этого мятежника въ Устюгѣ; наконецъ въ 1453 году, собравъ войско, пошелъ наказать его. Еще разъ побѣжденный Шемяка убѣжалъ въ Новгородъ и тамъ умеръ отъ яда. Неизвѣстно кто отравилъ его, но эта смерть обрадовала многихъ, въ томъ числѣ и Великаго Князя.

Избавясь отъ врага, котораго жестокость двадцать лѣтъ тревожила отечество наше, Василій Темный спокойнѣе принялся за дѣла государственныя. Въ 1456 году онъ усмирилъ Новгородцевъ, такъ какъ еще ни одинъ изъ Князей не усмирялъ ихъ. Въ 1459— покорилъ Вятку, которая, хотя и принадлежала къ области Костромскаго Галича, присоединеннаго къ Московскому Княжеству еще при жизни Шемяки—долго не хотѣла повиноваться Василію.

Въ послѣдніе годы жизни своей, Великій Князь почти не платилъ никакой дани Татарамъ и счастливо по-

бѣждалъ ихъ, когда они приходили иногда разорять наши области. При немъ сдѣлалась извѣстна еще новая Орда, составленная старымъ Эдигеемъ изъ Черноморскихъ Татаръ. Она называлась *Крымскою*, и находилась на томъ самомъ полуостровѣ Крымѣ, который вѣрно извѣстенъ всѣмъ маленькимъ читателямъ моимъ, имѣющимъ понятіе о Географіи Россіи. Эдигей, не задолго до смерти, оставляя эту Орду сыновьямъ своимъ, просилъ ихъ не дѣлиться и жить въ дружбѣ между собою, но они не послушали его, раздѣлились и всѣ погибли! Тогда Крымскіе Татары выбрали себѣ въ Ханы молодаго *Ази*, потомка Чингис-ханова, спасеннаго отъ смерти и воспитаннаго какимъ-то земледѣльцемъ *Гиреемъ*. Изъ благодарности къ своему благодѣтелю, молодой Ази принялъ и его имя, и назвался *Ази-Гиреемъ*. Съ того времени всѣ Ханы Крымскіе всегда назывались Гиреями. Эта новая Орда притѣсните-

лей нашего отечества долго будетъ тревожить его!

17 Марта 1462 года скончался *Василій Темный*, несправедливо названный историками *первымъ Самодержцемъ Рускимъ* со временъ Владиміра Мономаха. Слабость и малодушіе этого Князя, примѣтныя во многихъ случаяхъ, никакъ не даютъ ему права на это лестное названіе тѣмъ болѣе, что онъ не заботился и о томъ, чтобы соединить всѣ Княжества Рускія подъ власть одного Государя, и умирая не оставилъ всѣхъ владѣній своихъ старшему сыну и наслѣднику своему Іоанну, но далъ также удѣлы и другимъ сыновьямъ.

Въ княженіе его примѣтна была особенная жестокость нравовъ у предковъ нашихъ. Два Князя были ослѣплены, одинъ отравленъ ядомъ; одного боярина вмѣстѣ съ женою сожгли на кострѣ за мнимое волшебство; даже законное наказаніе преступниковъ — было новое, очень жестокое: не толь-

ко простыхъ но даже и знаменитыхъ людей, сдѣлавшихъ большія преступленія, *били* на торговой площади *кнутомъ*.

Въ тотъ годъ, когда скончался *Темный*, Греческая Имперія была завоевана Османскими Турками, которые и теперь еще владѣютъ ею. Это несчастіе знаменитаго государства записано было на память и нашими историками, потому что Руские, со времени принятія вѣры христіанской, привыкли почитать Грецію какъ будто-бы вторымъ отечествомъ своимъ; привыкли любить Грековъ и принимать участіе во всемъ, что касалось до нихъ. Въ то время, у насъ говорили о Константинополѣ точно также какъ теперь говорятъ о Парижѣ или Лондонѣ. Строеніе церквей, домовъ, даже обычаи и нравы—все перенимали мы у Грековъ. Это пристрастіе къ нимъ, спасло насъ отъ несчастія слишкомъ сблизиться съ нашими жестокими врагами, Татарами. Были примѣры въ исторіяхъ раз-

ныхъ государствъ, что побѣжденные народы, принимая обычаи своихъ побѣдителей, смѣшивались съ ними такъ, что въ послѣдствіи составляли одинъ народъ, но мы избавились отъ этого униженія и должны благодарить за то Грековъ. Обычаи Татаръ, которые были прежде идолопоклонниками, потомъ Магометанами, были такъ непріятны для предковъ нашихъ, что они называли ихъ *погаными*, и отъ того болѣе и болѣе любили все то, что было *Греческое*. Съ другими государствами Европы мы не имѣли еще никакого сообщенія, кромѣ торговли Новгородцевъ съ Нѣмецкими городами.

Таблица XXXVI.

Семейство В. К. Василія III Васильевича *Темнаго.*

Супруга: *Марія* Ярославовна, внука Князя Владиміра Андреевича.

Сыновья: 1. Юрій умеръ въ дѣтствѣ.

2. Іоаннъ.

3. Юрій.

4. Андрей старшій.

5. Симеонъ, умеръ въ дѣтствѣ.

6. Андрей младшій.

7. Димитрій, умеръ въ дѣтствѣ.

8. Борисъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ III

И

ГРЕЧЕСКАЯ ЦАРЕВНА СОФІЯ.

Отъ 1462 до 1472 года.

(Пер. 10 лѣтъ.)

Наконецъ мы дошли до самаго знаменитаго изъ старинныхъ Государей нашихъ, до Великаго Князя Іоанна III. Онъ освободилъ насъ отъ жестокой власти Татаръ; онъ возвратилъ отечеству нашему — прежнюю славу его; наконецъ онъ исполнилъ великую мысль единовластія, т. е. покоренія всѣхъ

областей Удѣльныхъ подъ власть одного Государя. Нѣкоторые изъ прежнихъ Князей имѣли также эту мысль, но не имѣли возможности исполнить ее, Іоанну III-му удалось это, — и наша благодарность къ нему должна быть очень, очень велика. Онъ такъ много сдѣлалъ хорошаго, умнаго, славнаго во время сорока-трех-лѣтняго княженія своего, что вы, милыя дѣти, вѣрно съ удовольствіемъ будете читать расказы о великихъ дѣлахъ его.

Сдѣлавшись на двадцать второмъ году Великимъ Княземъ, наслѣдникомъ отца своего, Василія *Темнаго*, Іоаннъ при самомъ вступленіи на престолъ, уже показывалъ необыкновенную твердость, умъ, осторожность въ дѣлахъ Государственныхъ. Въ 1464 году было первое, знаменитое дѣло его: онъ усмирилъ гордаго Царя Казанскаго Ибрагима и окруживъ войскомъ Казань, принудилъ его заключить миръ *на всей волѣ* Государя Московскаго.

Въ 1470 году началась и два года продолжалась война съ Новгородомъ, котораго безпокойные жители все еще искали случая освободиться отъ власти Великихъ Князей. Здѣсь вы увидите, милыя дѣти, явленіе, дотолѣ неслыханное у насъ на Руси! Женщина вздумала сдѣлать возмущеніе, вздумала быть защитницею своей родины, Новгорода, и устроить судьбу его. Эта безразсудная женщина была пылкая гордая, честолюбивая *Мароа*, жена бывшаго посадника *Исаака Борецкаго* и мать двухъ взрослыхъ сыновей. Домъ ея былъ самый богатый и великолѣпный въ Новгородѣ; всѣ уважали ее, какъ вдову знаменитаго посадника, даже самъ Великій Князь, въ знакъ особенной милости пожаловалъ старшему сыну ея важный чинъ боярина Московскаго; но всего этого было недовольно для надменной души ея: ей хотѣлось управлять всѣмъ Новгородомъ, и какъ это было невозможно подъ властію Государя Московскаго, то она начала

увѣрять всѣхъ Новгородцевъ, что они напрасно считаютъ себя подданными Князей Московскихъ, что Новгородъ самъ себѣ Господинъ, что жители его вольные люди, что имъ нуженъ только покровитель, и что этимъ покровителемъ надобно выбрать не Іоанна, но Казимира, Короля Польскаго и Князя Литовскаго. Хитрая Маөа хотѣла въ это время выйти за мужъ за какого-то вельможу Литовскаго, и вмѣстѣ съ нимъ подъ именемъ Казимира управлять своимъ отечествомъ. Однакожъ, благодаря Бога, — вредныя для Россіи намѣренія этой честолюбивой женщины не исполнились, и хотя послы ея уже отправились къ Казимиру, но Великій Князь еще до возвращенія ихъ успѣлъ прійти съ войскомъ къ Новгороду и усмирить Маөу и всѣхъ друзей ея, измѣнившихъ Россіи и преданныхъ Литвѣ. Главные измѣнники, въ томъ числѣ и старшій сынъ Маөы, были казнены. Съ нею же Іоаннъ поступилъ со всею снисходительностію

Государя великодушнаго: оставилъ ее какъ слабую женщину—безъ наказанія. Прочіе Новгородцы внесли за вину свою 15,500 рублей или около 80 пудъ серебра и благодаря милость Іоанна, еще остались съ своими прежними законами, съ своими правами, съ нѣкоторою свободою: Великій Князь, защищая владѣнія свои, то отъ Хана Ахмата, то отъ Польскаго и Литовскаго Короля Казимира, еще не могъ имѣть столько силъ и войска, чтобы совершенно уничтожить вольность Новгородскую и благоразумно отложилъ это трудное дѣло еще на нѣсколько времени.

Въ 1472 году случилось съ Іоанномъ происшествіе, которое заставило всѣ государства Европейскія съ любопытствамъ посмотрѣть на неизвѣстную имъ и отдаленную Россію. Это происшествіе было: свадьба Великаго Князя, и надобно сказать правду, что не столько женихъ, какъ невѣста дѣлала эту свадьбу примѣчательною для Ев-

роны. Это и неудивительно. Тогда Россія была не то что она теперь. Теперь Царицу Рускую называютъ *Царицею полсвѣта*, но тогда супругъ ея былъ еще подданнымъ Татаръ! Это отдаляло чужеземныхъ Принцевъ отъ родства съ Князьями Рускими и заставляло Государей нашихъ жениться на Княжнахъ удѣльныхъ Княжествъ, а потомъ на своихъ подданныхъ; такое обыкновеніе продолжалось даже до временъ Петра Великаго.

Но для Іоанна III-го, въ судьбѣ котораго примѣтно было съ самыхъ молодыхъ лѣтъ какое-то необыкновенное величіе—назначено было и въ этомъ случаѣ нѣчто особенное. Вскорѣ послѣ кончины первой супруги его, Княжны Тверской Маріи Борисовны, Папа Павелъ II-й предложилъ ему чрезъ посла своего, какого-то Грека, руку Греческой Царевны Софіи, дочери Ѳомы Палеолога, брата послѣдняго Императора, при которомъ завоевана была Греція Турецкимъ Султаномъ Магометомъ II,

Послѣ разоренія отечества, несчастное семейство Царей Греческихъ жило въ Римѣ, гдѣ пользовалось всеобщимъ уваженіемъ и покровительствомъ Папы. Папа имѣлъ особенную причину благодѣтельствовать этому знаменитому семейству: боясь чтобы жестокость и ужасная сила Магомета II-го не разорила и его владѣній, онъ полагалъ, что будущій супругъ Царевны Софіи, получивъ вмѣстѣ съ рукою ея право на престолъ Константинопольскій, захочетъ освободить Грецію отъ власти Турокъ и тѣмъ избавитъ Италію отъ страшныхъ сосѣдей.

Эта причина заставляла Папу искать жениха для Царевны между знаменитыми Государями Европейскими, и онъ выбралъ Іоанна, самаго близкаго къ Грекамъ по закону. Вѣроятно послы Польскіе и Литовскіе и духовенство Греческое, жившее послѣ разоренія Имперіи въ Римѣ, расказывали Папѣ о той славѣ, какую обѣщали Россіи

великія достоинства молодаго Государя ея.

Іоаннъ обрадовался предложенной ему чести и вмѣстѣ съ своею матерью, Духовенствомъ, боярами и всѣмъ народомъ думалъ, что знаменитая невѣста, послѣдняя отрасль Императоровъ Греческихъ, имѣвшихъ одну вѣру съ Рускими—послана ему отъ самаго Бога. Прекрасный портретъ, гдѣ представлено было умное и привлекательное лице молодой Царевны, еще болѣе увеличилъ радость и благодарность Іоанна къ Папѣ.

17 Января 1472 года отправлены были послы за невѣстою. Съ большими почестями приняли ихъ въ Римѣ и 1-го Іюня Царевна, въ церкви Св. Петра была обручена Государю *Бѣлой Россіи* *), котораго лице представлялъ главный посолъ его.

*) Іоаннъ III, началъ первый называть Государство свое *Бѣлою Русью*. Слово *бѣлая* по смыслу языковъ Восточныхъ значитъ *великая*.

Папа далъ за Царевною богатое приданое и отправилъ съ нею въ Россію Легата, т. е. посла своего, которому поручено было охранять ее во время дороги. 24 Іюня она выѣхала со всѣмъ Дворомъ своимъ изъ Рима и 1-го Сентября пріѣхала въ Любекъ, а потомъ на кораблѣ въ Ревель. Здѣсь богато угощали ее Ливонскіе Рыцари; въ Дерптѣ же встрѣтилъ ее посолъ Московскій съ поздравленіями отъ имени Государя и всей Россіи.

Первая Руская область, въ которую надобно было въѣхать Царевнѣ, была—Псковская. О! милыя дѣти, еслибъ вы знали какая суматоха происходила тогда въ этой области! Всякой только о томъ и думалъ, какъ бы показать свое усердіе къ будущей Государынѣ! Правители городовъ приготовляли для нее подарки, столовые запасы, медъ и вина. Вы знаете, что предки наши были очень гостепріимны и любили угощать, и потому не удивляйтесь, что они прежде всего позаботи-

лись о вкусныхъ кушаньяхъ и напиткахъ для Царевны. Потомъ они украсили разноцвѣтными флагами и лентами всѣ суда и лодки свои: вѣдь имъ надобно было встрѣтить Софію и потомъ везти Ее на судахъ по Чудскому озеру, потому что тутъ начинались границы Руськихъ владѣній. Съ восхищеніемъ дождались они наконецъ этой встрѣчи и показали столько усердія и любви, что Царевна была тронута до слезъ. Съ удовольствіемъ провела Она пять дней во Псковѣ и уѣзжая ласково сказала жителямъ: „Спѣшу къ моему и вашему Государю, благодарю бояръ и весь Великій-Псковъ за угощеніе и рада при всякомъ случаѣ просить за васъ въ Москвѣ.„ Псковитяне, прощаясь съ Софіею поднесли Ей въ подарокъ *пятдесятъ*, а послу Іоаннову — *десять* рублей деньгами.

Съ такою же радостію встрѣчали Царевну и по всѣмъ другимъ областямъ. Наконецъ 12 Ноября рано по утру она

въѣхала въ Москву. Митрополитъ ожидалъ Ее въ церкви. Получивъ благословеніе его, Она пошла къ матери Іоанна и тамъ въ первый разъ увидѣлась съ женихомъ. Въ тотъ же день праздновано была и свадьба.

Такъ совершился во второй разъ союзъ Государей нашихъ съ Императорами Греческими. *) Съ того времени Іоаннъ принялъ и гербъ ихъ, *двуглаваго Орла* и соединилъ его на печати своей съ гербомъ Московскимъ. Вы видите и теперь этотъ величественный, прекрасный гербъ Россіи на всѣхъ знаменахъ и флагахъ Рускихъ, на киверахъ нашихъ добрыхъ солдатъ, на нашихъ золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ монетахъ, однимъ словомъ на всѣхъ вещахъ, принадлежащихъ Государю Рускому.

---

*) Вѣрно маленькіе читатели мои помнятъ Царевну Анну, супругу Владиміра Святаго.

СОВЕРШЕННОЕ ПОКОРЕНІЕ НОВГОРОДА.

Отъ 1472 до 1478 года.

(Пер. 6 лѣтъ.)

Іоаннъ, назначенный Богомъ воскресить отечество наше къ славѣ и счастію, никогда не дѣлалъ ничего необдуманно и неосторожно, но прежде всегда долго разсматривалъ свое намѣреніе, разсуждалъ о томъ, какъ лучше исполнить его, приготовлялъ все нужное къ этому исполненію, и потомъ уже приступалъ къ дѣлу.

Такъ было и съ покореніемъ Новгорода. Чтобы собрать всѣ силы для усмиренія этой беспокойной области, Іоанну надобно было не бояться нападеній окружавшихъ его враговъ: Поляковъ, Литовцевъ и Татаръ. Судьба и проницательный умъ его доставили ему средство, если не совсѣмъ избавиться отъ этихъ враговъ, то по крайней мѣрѣ останавливать ихъ дерзость.

Вы помните, милыя дѣти, что со временъ Василія *Темнаго*, составилась у Татаръ новая Орда *Крымская* или *Таврическая*. Знаменитый основатель ея Ази-Гирей умеръ, оставивъ шесть сыновей. Братья долго спорили о наслѣдствѣ, и престолъ Крымскій принадлежалъ то одному изъ нихъ, то другому. Примѣчательнѣйшій изъ нихъ и владѣвшій долѣе всѣхъ другихъ Крымомъ, былъ *Менгли-Гирей*. Частыя ссоры его съ Царемъ Золотой Орды, Ахматомъ и съ Польскимъ Королемъ Казиміромъ, внушили

проницательному Іоанну мысль подружиться съ новымъ Государемъ, уже страшнымъ для сосѣдей. Онъ не ошибся. Умный Менгли-Гирей уважалъ Іоанна, и охотно согласился заключить съ нимъ союзъ противъ общихъ враговъ.

Это дружество было чрезвычайно полезно для Россіи: оно увеличивало силы ея и удерживало Казимира и Ахмата отъ нападеній на владѣнія наши. Имѣя такую вѣрную защиту отъ Татаръ и Поляковъ, осторожный Іоаннъ увидѣлъ наконецъ возможность навсегда усмирить непокорныхъ Новгородцевъ. Неблагодарные къ великодушію Государя, еще оставившаго имъ часть прежней свободы, они доказали безпрестанными ссорами и безпорядками своими, какъ вредна эта свобода! Во время этихъ ссоръ многіе изъ старѣйшихъ Новгородцевъ, называвшихся *Людьми Житьими*, обижали *младшихъ* гражданъ, которые не видя справедливости въ Судьяхъ своихъ и въ Намѣстникѣ Го-

сударя Московскаго, рѣшились наконецъ просить его самаго пріѣхать къ нимъ для разбора дѣлъ ихъ. Іоаннъ поѣхалъ, и его безпристрастный судъ, его справедливость, его умныя рѣшенія обратили къ нему большую часть жителей Новгорода; недовольными оставались только важные и гордые бояре, которые съ совершенымъ покореніемъ родины своей подъ власть Москвы должны были лишиться многихъ выгодъ. Новгородъ послѣ отъѣзда Великаго Князя раздѣлился на двѣ стороны: *одна* хотѣла видѣть Іоанна *полнымъ властителемъ* и *Государемъ* своимъ, соглашалась не имѣть у себя другихъ судей, кромѣ Княжескихъ, отдать ему Дворъ Ярославовъ и не имѣть Вѣче, котораго собранія такъ часто оканчивались кровопролитіемъ; *другая* же не хотѣла слышать объ этомъ; даже не называла Великаго Князя *Государемъ* своимъ, но по прежнему обыкновенію только *Господиномъ*, и явно возмущала противъ него всѣхъ. Богъ зна-

етъ чѣмъ бы кончился этотъ споръ, если бы Новгородцы не узнали, что Іоаннъ идетъ къ столицѣ ихъ съ многочисленнымъ, отборнымъ войскомъ. Съ нимъ были всѣ храбрые Князья и полководцы того времени и всѣ братья его. Устрашенные мятежники испугались и отправили въ станъ Іоанна, своего Архіепископа Ѳеофила, и самыхъ знаменитѣйшихъ вельможъ для переговоровъ. Эти переговоры продолжались отъ 23 Ноября 1477 до 8 Января 1478 года и окончились слѣдующимъ объявленіемъ всѣхъ Новгородцевъ: „Соглашаемся не имѣть ни Вѣча, ни посадника; молимъ только, чтобы Государь утолилъ на вѣки гнѣвъ свой, и простилъ насъ искренно!„ Трудно было довести Новгородцевъ до такого смиренія, но благоразуміе и твердость Іоанна умѣли сдѣлать это!

15 Января, всѣ знатные граждане, бояре, Житые люди, купцы и весь народъ присягали Великому Князю, и бояре Московскіе объявили всѣмъ имъ,

что Государь забываетъ навѣки вины ихъ, съ условіемъ, чтобы Новгородъ не измѣнялъ ему ни дѣломъ, ни мыслію.

Такъ Новгородцы, шесть сотъ лѣтъ называвшіеся людьми вольными, покорились Іоанну III-му! При этомъ важномъ случаѣ не произошло никакого кровопролитія; непріятельскія дѣйствія даже не начинались и Великій Князь приказалъ взять подъ стражу только нѣсколькихъ человѣкъ изъ главныхъ мятежниковъ, въ томъ числѣ и непокорную Мареу Борецкую.

Отправляясь въ Москву, Іоаннъ ласково простился съ Новгородцами, нѣсколько разъ угощалъ обѣдами Архіепископа и знатнѣйшихъ бояръ ихъ, принималъ подарки отъ всего народа—потому что не было человѣка, который бы не желалъ показать Государю чѣмъ нибудь свое усердіе,—отдаривалъ и самъ каждаго. 5-го Марта возвратился онъ въ Москву и вслѣдъ за нимъ привезли туда Вѣчевый колоколъ, на

звонъ котораго уже сходились теперь не гордые граждане Новгородскіе, для шумныхъ совѣтовъ своихъ, но мирные жители Москвы для благочестивой молитвы: онъ повѣшенъ былъ на колокольнѣ Успенскаго собора.

РОССІЯ ОСВОБОЖДЕННАЯ.

Отъ 1478 до 1480 года.

(Пер. 2 лѣтъ.)

У Великой Княгини Софіи были уже три хорошенькія дочки. Она и супругъ ея желали имѣть сына, и Богъ исполнилъ ихъ желаніе; въ 1478 году у нихъ родился сынъ *Василій*, который будетъ потомъ наслѣдникомъ Престола. Но ни эти семейственныя радости, ни слава, ни безпрестанныя побѣды Рускихъ, не могли доставить совершеннаго счастія ни Великому Князю, ни супругѣ его. Обоихъ занимала только

одна мысль: видѣть Россію освобожденною отъ власти Татаръ! Умная, гордая Софія искусно умѣла усиливать въ сердцѣ супруга ненависть его къ Ханамъ! Какъ часто даже на веселыхъ праздникахъ Княжескихъ, когда Іоаннъ восхищался величественнымъ видомъ ея, богатствомъ ея Царскаго наряда, красотою дѣтей своихъ, Софія съ хитростію спрашивала у него: „Долго ли быть мнѣ и дѣтямъ моимъ подданными Хана Татарскаго?„ Іоаннъ, который почти безпрестанно и самъ дѣлалъ себѣ этотъ вопросъ, радовался, находя тоже самое желаніе и въ сердцѣ супруги своей, и еще усерднѣе старался исполнить его. Случай къ тому скоро представился.

Князья Рускіе всегда должны были съ особенными обрядами встрѣчать пословъ Татарскихъ, которые привозили съ собою *Басму*, т. е. изображеніе, или болванъ Хана. Князья выходили на эту встрѣчу за городъ пѣшкомъ, кланялись посламъ и для слушанія Хан-

скихъ грамотъ подстилали мѣхъ соболій подъ ноги чтецу и сами становились на колѣни. На томъ мѣстѣ, гдѣ бывала эта встрѣча, построили потомъ церковь, которая и теперь еще называется *Спасомъ на Болвановьѣ*. Софія, чувствуя достоинство супруга своего, не могла перенести мысли, чтобы онъ преклонялъ колѣна передъ *болваномъ* Хана, и уговаривала его не ходить на встрѣчу пословъ. Нѣкоторые историки говорятъ, что Іоаннъ не только исполнилъ желаніе ея, но даже „изломалъ басму, бросилъ ее на землю, растопталъ ногами и сказалъ послу: объяви это Хану: что сдѣлалось съ его *басмою*, то будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ.„ Отпустивъ съ такими словами посла, онъ не далъ ему ни сколько дани, за которою тотъ пріѣзжалъ изъ Орды. Такая смѣлость Государя Рускаго раасердила ужасно Хана Ахмата. Хитрый Король Польскій Казимиръ, желавшій всегда вредить Россіи, постарался воспольао-

ваться этою ссорою, и наговорилъ столько на Іоанна, что Царь Татарскій приказалъ войску своему готовиться къ нападенію на Рускія земли. Казимиръ обѣщалъ быть его союзникомъ.

Въ это трудное для Россіи время, Крымскій Ханъ Менгли-Гирей доказалъ свою вѣрность и дружество къ Іоанну: онъ напалъ на Польскія и Литовскія владѣнія и тѣмъ помѣшалъ Казимиру исполнить обѣщаніе, данное Ахмату. Іоаннъ отправилъ другихъ Крымскихъ Царевичей, братьевъ Менгли-Гирея, жившихъ въ Россіи—къ Сараю, чтобы во время отсутствія Хана разорить столицу его, или по крайней мѣрѣ напугать Татаръ.

Между тѣмъ самъ Великій Князь ободрялъ народъ, собиралъ войско, приготовлялся къ рѣшительному сраженію, однакожъ по обыкновенной осторожности своей не спѣшилъ, и даже согласился бы можетъ быть еще на нѣсколько времени помириться съ Ха-

номъ, чтобы не подвергать участи своихъ подданныхъ невѣрному счастію. Но весь народъ, все войско, и даже все духовенство Руское нетерпѣливо желало этой войны, какъ будто бы предчувствуя, что отъ нея зависѣло освобожденіе Россіи. И такъ, къ удовольствію всѣхъ, она началась, и 8-е Октября 1480 года войска: Руское и Татарское уже стояли одно противъ другаго на берегахъ Угры. *) Въ числѣ главныхъ воеводъ Рускихъ былъ также и молодой сынъ Великаго Князя отъ первой супруги: *Іоаннъ*. Двѣ недѣли оба войска смотрѣли другъ на друга, ничего не дѣлая. Ахматъ поджидалъ Литовцевъ, о которыхъ не было и слуху; Іоаннъ высматривалъ мѣстоположеніе, гдѣ удобнѣе было бы сражаться, и наконецъ выбралъ для того поля Боровскія и приказалъ своему войску отступить туда. Князья, бояре и вои-

*) Рѣка *Угра* течетъ въ нынѣшней Калужской Губерніи.

ны удивились, и съ досадою думали, что Государь ихъ боится сраженія: они не поняли осторожнаго Іоанна, Татары же поняли его еще менѣе, вообразивъ, что Руские обманываютъ ихъ и нарочно отступая, заманиваютъ въ приготовленныя засады. Непонятный ужасъ овладѣлъ Ахматомъ: онъ спѣшилъ уйти. Историки говорятъ, что странно было смотрѣть на эту картину: два войска бѣжали другъ отъ друга, тогда какъ ни кто не гнался за ними. Руские остановились первые, но Ахматъ вышелъ изъ Россіи и дорогою разорилъ двѣнадцать городовъ, бывшихъ во владѣніи Литовцевъ, за то что Казимиръ не пришелъ къ нему на помощь. Никто не понималъ, отъ чего Ханъ Татарскій такъ неожиданно оставилъ Руския области, но вскорѣ узнали причину: онъ получилъ извѣстіе, что въ Сарай пришли посланные Іоанномъ, Крымскіе Царевичи съ войскомъ. И такъ, ему надобно было оставить отечество наше, чтобы защи-

тишить собственную землю. Но онъ не дошелъ до нее: на берегахъ Малаго-Донца, Князь Тюменскихъ Татаръ *Ивакъ*, слыша о богатой добычѣ Ахмата, отнятой въ городахъ Литовскихъ, напалъ на него и убилъ спящаго, взялъ безъ сраженія Орду, все семейство и всѣ богатства его, разорилъ Сарай, котораго развалины еще и теперь видны на берегахъ Ахтубы, и прислалъ пословъ сказать Великому Князю, что врага его уже нѣтъ на свѣтѣ, а онъ, какъ потомокъ Чингисъ-Хана, проситъ только дружбы Государя Рускаго.

Такъ наконецъ бѣдное отечество наше освободилось отъ жестокой власти своихъ завоевателей, милыя дѣти! О! какъ должны мы благодарить Бога за то, что Онъ помогъ добрымъ предкамъ нашимъ перенесть столько бѣдъ и горя! Вспомните все, что они терпѣли со временъ Ярослава Всеволодовича, перваго изъ Князей нашихъ, принужденнаго покориться Царямъ Татарскимъ! Можно ли было перенесть

всѣ эти страданія безъ особеннаго покровительства и помощи Божіей? Можно ли было Россіи, растерзанной и жестокими Татарами, и собственными Князьями, и чужеземными Государями, дойти одной безъ этой небесной помощи до той степени славы, въ какой она уже была при Іоаннѣ III? Конечно, нѣтъ! А чѣмъ же, думаете вы милыя дѣти, предки наши заслужили эту помощь, эту любовь, эту милость къ нимъ Бога? . . . Тѣмъ, что они были самыми усердными Христіанами, тѣмъ, что они любили Бога выше всего на свѣтѣ, что они надѣялись на Него одного, а не на свои силы и умъ, и не начинали никакого дѣла, не помолясь прежде Ему и не попросивъ Его благословенія! Такъ жили у нихъ и Князья, и бояре, и купцы, и простые люди, и усердіе ихъ такъ пріятно было Богу, что онъ спасалъ ихъ во всѣхъ опасностяхъ, и наконецъ возвратилъ имъ счастіе!"

Точно, любезные друзья мои, вѣра и набожность ихъ были примѣрныя! За то, Богъ примѣрно и наградилъ ихъ! Славное княженіе Іоанна III есть еще только начало этой награды. Вы увидите въ слѣдующихъ расказахъ, какъ слава ихъ будетъ постепенно увеличиваться и какъ наконецъ отечество наше достигнетъ до того могущества, которому вы удивляетесь теперь! Мы можемъ точно сказать, что благословеніе Божіе сопровождало всѣ дѣла предковъ нашихъ. Постараемся же и мы, потомки ихъ, — заслужить это драгоцѣнное благословеніе: постараемся имѣть къ Богу такую же твердую вѣру, такое же искреннее усердіе, такую же пламенную любовь, какую, имѣли они, и—счастіе милаго отечества нашего будетъ всегда неизмѣнно!

НОВОЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ.

Отъ 1480 до 1498 года.

(Пер. 18 лѣтъ.)

Съ того времени, какъ Россія избавилась отъ власти жестокихъ Татаръ, какъ она сдѣлалась опять государствомъ независимымъ, все въ ней, какъ будто-бы переродилось, все получило другой видъ! Имя Іоанна начало гремѣть еще болѣе, и безпрестанныя побѣды прославили его воинство. Это чувствовали и Рыцари Ливонскіе, и Литовцы, и Казанцы, и Вятчане, и тѣ изъ Кня-

лей Удѣльныхъ, которые оставались до сихъ поръ независимыми и теперь должны были покориться самодержавной власти Іоанна.

И чужеземные Государи смотрѣли уже совсѣмъ другими глазами на Россію и желали не только дружества, но даже родства съ ея владѣтелемъ. Первый, показавшій это желаніе, былъ Господарь Молдавскій, Стефанъ IV. Онъ выдалъ дочь свою Елену въ 1488 году за старшаго сына Государя Рускаго, Іоанна. Этотъ новый союзъ былъ почти столько же полезенъ для Великаго Князя, какъ и дружество его съ Крымскимъ Ханомъ, Менгли-Гиреемъ, всегда вѣрнымъ защитникомъ его противъ Литвы.

Вскорѣ послѣ этой свадьбы пріѣхалъ въ Москву въ первый разъ знатный рыцарь Николай Попцель, посломъ отъ Императора Римскаго Фридерика III-го. Ему поручено было увѣрить Іоанна въ дружествѣ Императора, просить его помощи, если Король Поль-

скій вздумаетъ воевать Венгрію, принадлежавшую Императору и обѣщать помощь Іоанну, если Поляки нападутъ на Рускія владѣнія. Кромѣ того, послу велѣно было предложить Великому Князю выдать его дочь, Княжну Елену или Ѳеодосію за Маркграфа Баденскаго, племянника Императорскаго.

Іоаннъ принялъ этого посла, со всѣмъ достоинствомъ Государя, равнаго Императору, и когда Поппель, въ концѣ аудіенціи своей, предложилъ ему, что Фридерикъ можетъ пожаловать его въ Короли, Іоаннъ съ благородною гордостію приказалъ боярамъ своимъ сдѣлать слѣдующій отвѣтъ на такое предложеніе: „Государь нашъ, Великій Князь, наслѣдовалъ державу Рускую отъ Бога и предковъ своихъ, и ни отъ кого другаго никогда не захочетъ быть жалованнымъ.“ На сватовство за дочь, Іоаннъ отвѣчалъ, что союзъ съ Маркграфомъ не довольно знаменитъ для Государя Рускаго, брата древнихъ Царей Греческихъ. Однакожъ, этотъ

отказъ сдѣланъ былъ очень учтиво, такъ что Поппель, окончивъ всѣ порученія свои, выѣхалъ изъ Москвы, безъ всякаго неудовольствія, и вслѣдъ за нимъ Іоаннъ отправилъ отъ себя къ Императору посломъ, Грека Трахоніота, также съ изъявленіями дружества и богатыми подарками.

Такъ слухъ о достоинствахъ и славѣ Іоанна доставилъ ему въ Римскомъ Императорѣ — вѣрнаго защитника противъ Польши и Литвы. Но скоро и сама Литва начала искать союза съ нимъ.

Въ 1493 году умеръ Казимиръ. Старшій сынъ его, *Албертъ*, сдѣлался Королемъ Польскимъ, а младшій, *Александръ*, Великимъ Княземъ Литовскимъ!

Литва, отдѣлясь отъ Польши, уже не имѣла столько силъ какъ прежде, и молодой Государь ея, слыша, что со всѣхъ сторонъ сбираются на него союзники Іоанна — очень желалъ помириться съ Россіей. Ему казалось, что самымъ лучшимъ средствомъ къ тому

было: сдѣлаться зятемъ Великаго Князя. Долго послы его и Іоанновы переѣзжали изъ Вильны въ Москву и изъ Москвы въ Вильну, прежде нежели Государь Руской рѣшился отдать любимую дочь свою *Елену*, за Князя Латинской вѣры. Наконецъ, послѣ многихъ переговоровъ, онъ согласился съ условіемъ, чтобы Александръ никогда не принуждалъ супруги своей къ перемѣнѣ Греческаго закона ея.

6 Января 1495 года пріѣхало въ Москву Великое посольство Литовское, за невѣстою. Оно состояло изъ знатнѣйшихъ Князей и Пановъ Александра. Всѣ они отличались великолѣпнымъ нарядомъ, множествомъ слугъ, богатыми уборами лошадей. Іоаннъ еще разъ подтвердилъ главнымъ посламъ, напомнить Александру условіе ихъ о томъ, чтобы дочь его ни въ какомъ случаѣ не перемѣняла закона, и что бы у ней была своя придворная церковь Греческая. Обнимая въ послѣдній разъ Елену, передъ самымъ

отъѣздомъ ея, онъ вложилъ ей въ руку слѣдующую записку: „Память Великой Княжнѣ Еленѣ. Въ церковь Латинскую не ходить, а ходить въ Греческую; изъ любопытства можешь видѣть первую или монастырь Латинскій, но только одинъ или два раза. Если свекровь твоя будетъ въ Вильнѣ и прикажетъ тебѣ идти съ собою въ церковь, то проводи ее до дверей и скажи учтиво, что идешь въ свою церковь." Такъ набожный Іоаннъ заботился о томъ, чтобы милая дочь его не оставила православной, отечественной вѣры своей!

Литовскій народъ съ неописанною радостію встрѣчалъ молодую невѣсту. Вѣдь вы помните, милыя дѣти, что большая часть государства Литовскаго стояла изъ Руских областей, отнятыхъ у предковъ нашихъ Гедеминомъ и Витовтомъ. Въ нихъ жили Русскіе, терпѣвшіе много притѣсненій отъ Литовцевъ. Вотъ эти-то бѣдные соотечественники наши всѣхъ болѣе радо-

вались, встрѣчая Рускую Княжну: теперь они могли надѣяться, что будетъ кому попросить за нихъ Государя, будетъ кому защитить ихъ отъ злыхъ Литовцевъ.

Александръ встрѣтилъ Елену со всѣмъ Дворомъ своимъ за три версты отъ Вильны. Невѣста и женихъ вмѣстѣ въѣхали въ столицу: онъ, верькомъ, а она въ богато украшенныхъ саняхъ. Великая Княжна пріѣхала прямо въ Греческую Церковь и отслужила молебенъ. Здѣсь, Московскія боярыни, по старинному обыкновенію, расплели ей косу, надѣли на голову *кику* или кокошникъ съ покрываломъ, осыпали ее хмелемъ и повели въ церковь Св. Станислава, гдѣ было вѣнчаніе. И Рускіе, и Литовцы долго веселились вмѣстѣ на богатыхъ пирахъ этой свадьбы, но не получили отъ нее тѣхъ выгодъ, какихъ ожидали; несогласія между Іоанномъ и зятемъ его почти не уменьшились, а чрезъ четыре года сдѣлались еще сильнѣе: Александръ вздумалъ

принуждать всѣхъ Рускихъ подданыхъ своихъ Греческаго закона, принимать вѣру Латинскую. Знатнѣйшіе изъ нихъ, Князья и вельможи, владѣвшіе большими областями, не желая оставить своей вѣры, перешли въ подданство къ Іоанну, со всѣми принадлежавшими имъ городами. Іоаннъ считалъ долгомъ, вступиться за своихъ единовѣрцевъ, и посланное имъ войско безъ труда овладѣло всею Литовскою Россіею отъ нынѣшнихъ Губерній: Калужской и Тульской до Кіевской.

Такъ счастіе вездѣ было съ Іоанномъ; такъ успѣвалъ онъ во всѣхъ своихъ желаніяхъ, изъ которыхъ главнѣйшимъ было: дать новую жизнь Россіи. Вы видите, милые читатели мои, какъ счастливо это удалось ему! Никто не узналъ бы въ Іоанново время, той Россіи, которая такъ униженно кланялась Батыю и Узбеку. Вы развеселились, читая это, маленькіе друзья мои? И я раздѣляю вашу радость. Теперь, полно

горевать о несчастіяхъ нашего отечества: начало къ величію его уже сдѣлано, и мы будемъ восхищаться теперь его быстро возрастающею славою!

ДВА НАСЛѢДНИКА ПРЕСТОЛА.

Отъ 1498 до 1505 года.

(Пер. 7 лѣтъ.)

Іоаннъ, счастливый почти во всемъ, былъ несчастливъ только въ семействѣ своемъ. Вы знаете, милыя дѣти, что отъ первой супруги былъ у него сынъ Іоаннъ, котораго для отличія отъ отца называли *Іоанномъ Младымъ*. Вы помните также, что онъ женился на Молдавской Княжнѣ Еленѣ. Этотъ молодой князь, кроткій и ласковый ко всѣмъ, чрезъ два года по-

слѣ свадьбы своей скончался. У него остался маленькій сынъ *Димитрій*. Іоаннъ сильно огорченъ былъ этою жестокою потерею и никто не могъ утѣшить его горести, кромѣ милаго внука, малютки Димитрія! Любовь его къ этому ребенку сдѣлалась такъ велика, что Великая Княгиня Софія начала досадовать: у ней были свои дѣти, и нѣжной, огорченной матери казалось, что супругъ ея менѣе любитъ ихъ съ тѣхъ поръ, какъ родился Димитрій! Она имѣла еще другую причину досадовать на этого мальчика: гордая Царевна Греческая думала, что старшій сынъ ея, *Василій*, имѣетъ болѣе правъ быть наслѣдникомъ престола отцовскаго, нежели *внукъ*. Это думала не одна она, но и многіе изъ бояръ, приверженныхъ къ ней. Между тѣмъ другіе находили, что по всей справедливости престолъ долженъ принадлежать *Димитрію*, сыну прежняго наслѣдника. Мать его, Княгиня Елена, столько же гордая и честолюбивая

какъ Софія, старалась всѣми силами поддерживать это мнѣніе. Такимъ образомъ, Дворъ раздѣлился на двѣ стороны, и каждый бояринъ былъ или другъ или врагъ той или другой Княгини. Маленькіе Князья, окруженные каждый своими, росли не любя другъ друга, Іоаннъ, всегда занятый дѣлами государственными, не могъ обращать много вниманія на это семейственное несогласіе и никогда не думалъ, чтобы оно могло сдѣлаться важнымъ, до тѣхъ поръ, какъ уже Василію было двадцать лѣтъ. Въ это время вдругъ доносятъ ему, что нѣсколько молодыхъ людей, друзей Василія, согласились отравить ядомъ Димитрія, разграбить казну княжескую, и объявить Государемъ своимъ, Василія. Гнѣвъ Іоанна былъ ужасенъ: всѣхъ заговорщиковъ наказали примѣрно и приставили стражу даже къ Василію, который вѣроятно не зналъ о намѣреніяхъ безразсудныхъ друзей своихъ, потому что былъ всегда почтителенъ къ отцу. Софію же,

съ того времени Государь не хотѣлъ видѣть, подозрѣвая, что она болѣе всѣхъ желала отравить Димитрія и мать его; и чтобы наказать ее самымъ чувствительнымъ для нее образомъ, объявилъ всему народу наслѣдникомъ престола внука своего и назначилъ день его коронованія. Это было первое Царское вѣнчаніе, подробно описанное въ нашей исторіи. Оно происходило въ Успенскомъ соборѣ 4 Февраля 1498 года, куда Государь самъ привелъ молодаго Димитрія. Митрополитъ и пять Епископовъ встрѣтили ихъ со всѣмъ духовенствомъ и служили молебенъ. Посреди церкви сдѣлано было возвышеніе, на которомъ стояли три кресла. Послѣ молебна Іоаннъ и Митрополитъ сѣли, но Димитрій стоялъ на возвышеніи. Тогда Великій Князь сказалъ: „Отецъ Митрополитъ! предки наши, Государи Руские, давали Великое Княжество первымъ сынамъ своимъ: я также благословилъ имъ моего старшаго, Іоанна. Но по волѣ Божіей

его не стало: благословляю теперь внука Димитрія,—его сына, при себѣ и послѣ себя, Великимъ Княжествомъ Владимірскимъ, Московскимъ, Новгородскимъ: и ты, отецъ мой, дай ему благословеніе!„ Митрополитъ всталъ, благословилъ Димитрія крестомъ, положилъ руку на его голову и громко молился, чтобы Богъ принялъ подъ святое покровительство Свое, новаго Государя. Послѣ этой молитвы два Архимандрита подали вѣнецъ и бармы Мономаха. *) Митрополитъ, читая приличныя на этотъ случай молитвы, передалъ царскія утвари въ руки Іоанна, который надѣлъ то и другое на внука. Послѣ этого пѣли многолѣтіе обоимъ Государямъ, и Митрополитъ съ Епископами и всѣмъ

*) *Бармы* значатъ родъ воротника съ оплечьями. Онѣ вмѣстѣ съ вѣнцемъ, были присланы Мономаху отъ Царей Греческихъ и съ того времени употребляются при короновапіи нашихъ Государей.

Дворомъ поздравилъ дѣда и внука. Послѣ обѣдни повели Димитрія въ вѣнцѣ и бармахъ, въ соборъ Архангельскій. Тамъ, по старинному обыкновенію, его осыпали въ дверяхъ, въ знакъ богатства и изобилія, золотыми и серебряными деньгами. Въ тотъ день былъ великолѣпный пиръ у Государя.

Вы вѣрно догадаетесь, милыя дѣти, что на этомъ праздникѣ всѣхъ довольнѣе и всѣхъ счастливѣе была Великая Княгиня Елена. Она достигла въ полной мѣрѣ своего желанія: пятнадцатилѣтній сынъ ея—уже Государь Россіи, и гордая Софія вмѣстѣ съ блестящею надеждою своею,—прекраснымъ Василіемъ, окружена стражею и лишена даже радости видѣть супруга своего! Но не продолжительно было счастіе Елены. Уже въ самый день коронованія, Государь былъ не совсѣмъ веселъ: замѣтно было, что онъ грустилъ о супругѣ, съ которою былъ двадцать лѣтъ счастливъ; о сынѣ, котораго

рожденіе всегда казалось ему особенною милостію Бога, ниспосланною на молитвы его! Приверженцы Димитрія догадывались о такомъ расположеніи Іоанна, и боясь перемѣны — не смѣли слишкомъ радоваться своему счастію. Прошелъ годъ, — и эта страшная для нихъ перемѣна точно сдѣлалась: Іоаннъ узналъ, что доносы на Софію и Василія были несправедливы и со всею строгостію осудилъ и казнилъ за то знатнѣйшихъ вельможъ, друзей Великой Княгини Елены.

Чрезъ шесть недѣль послѣ этого суда, Іоаннъ объявилъ Василія *Великимъ Княземъ Новгорода и Пскова*, а чрезъ три года — *Государемъ Наслѣдникомъ престола Всероссійскаго.* Въ тотъ же день отдано было приказаніе приставить къ Димитрію и матери его стражу. И такъ, этотъ несчастный, молодой Князь, кроткій и добрый какъ отецъ его, невинный въ честолюбивыхъ намѣреніяхъ матери, для того

только съ такою пышностію вѣнчался на престолъ, чтобы еще живѣе чувствовать свое бѣдствіе! Елена скончалась отъ горести и тоски, чрезъ два года послѣ своего заключенія, но сынъ ея жилъ еще нѣсколько лѣтъ и умеръ уже въ княженіе своего соперника — Василія.

Это семейственное огорченіе имѣло вліяніе на здоровье Іоанна, особенно съ того времени, какъ скончалась супруга его, Княгиня Софія. Онъ примѣтно ослабѣвалъ, но все таки не переставалъ неутомимо заниматься великими обязанностями Государя. Напрасно зять его, Литовскій Князь Александръ, сдѣлавшійся послѣ смерти брата Алберта — и Королемъ Польскимъ, и все еще не помирившійся съ тестемъ, думалъ воспользоваться его болѣзнію и прислалъ въ Москву пословъ требовать возвращенія завоеванныхъ Іоанномъ городовъ у Литвы. Іоаннъ, для котораго слава Россіи была дороже

даже спокойствія милой дочери, страдавшей отъ несогласія отца съ супругомъ, не хотѣлъ слышать о требованіяхъ и предложеніяхъ Александра и гордо сказалъ посламъ его: „Великій Князь Руській никому не отдаетъ своего. Для истиннаго, прочнаго мира Александръ долженъ уступить мнѣ и Смоленскъ и Кіевъ, также принадлежавшіе нѣкогда Россіи.“—Послѣ этого Король Польскій удостовѣрился въ невозможности помириться съ Іоанномъ, такъ какъ ему хотѣлось, и долженъ былъ сдѣлать это такъ, какъ хотѣлось Великому Князю.

Такимъ образомъ Іоаннъ до конца жизни своей заботился о счастіи отечества нашего и даже въ день смерти своей отдавалъ приказанія и говорилъ о дѣлахъ Государственныхъ. Этотъ горестный для Россіи день былъ 27 Октября 1505 года.

Исторія назвала Іоанна *Великимъ*. Обдумавъ все сдѣланное этимъ знаме-

нитымъ Государемъ мы должны согласиться, что такое названіе очень справедливо. Не одними побѣдами онъ заслужилъ его: зная, что счастіе народа не заключается въ одной славѣ его, Іоаннъ гораздо болѣе думалъ о хорошемъ управленіи своими подданными, нежели о распространеніи своихъ владѣній. Онъ приказалъ собрать всѣ законы и грамоты прежнихъ Князей, разсмотрѣлъ, исправилъ и издалъ ихъ подъ названіемъ *Уложенія;* устроилъ лучше войско; завелъ Городскую Исправу или Полицію, почту, почтовые дворы, гдѣ всѣмъ проѣзжимъ давали не только лошадей, но даже пищу, если на то былъ приказъ Государевъ; велѣлъ исправлять дороги; не терпѣлъ нетрезвости. Однимъ словомъ, Іоаннъ заботился о всѣхъ своихъ подданныхъ какъ нѣжный, благоразумный отецъ и за то, самые отдаленные потомки ихъ должны чувствовать вѣчную благодарность къ этому великому Государю,

къ этому незабвенному освободителю Россіи отъ власти варваровъ, *двѣсти пятдесятъ лѣтъ* ее угнетавшихъ!

Таблица XXXVII.

Семейство В. К. Іоанна III Васильевича.

Супруги: 1. *Марія* Борисовна, Княжна Тверская.

2. *Софія*, Царевна Греческая.

Сыновья: a. Іоаннъ, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ.

b. Василій, наслѣдовалъ престолъ послѣ отца.

c. Юрій.

d. Димитрій.

e. Симіонъ.

f. Андрей.

g. Борисъ.

Дочери: h. Елена была въ супружествѣ за Великимъ Кня-

земъ Литовским Александромъ.

i. Өеодосія, за Князем Василіемъ Даніиловичемъ Холмским.

j. Елена, умерла въ дѣтствѣ.

ПОКОРЕНІЕ ПСКОВА

И

СОВЕРШЕННОЕ УНИЧТОЖЕНІЕ УДѢЛОВЪ.

Отъ 1505 до 1523 года.

(Пер. 18 лѣтъ.)

Василій Іоанновичъ, сдѣлавшись наслѣдникомъ знаменитаго отца своего, старался во всемъ подражать ему, и хотя не имѣлъ отъ природы великихъ способностей его, но усердныя старанія никогда не остаются напрасны: исторія называетъ Василія IV достойнымъ сыномъ Іоанна III-го.

Первое важное дѣло его, о которомъ надобно расказать вамъ, милыя дѣти, было покореніе *Пскова*. Вы знаете, что во Псковѣ было такое же народное правленіе, какъ и въ Новгородѣ. Онъ назывался даже *братомъ* его, прежде *младшимъ*, а потомъ за оказанныя услуги Новгороду, *равнымъ*. Законы, вѣче, посадники, однимъ словомъ, всѣ учрежденія Псковитянъ были такія же какъ у Новгородцевъ. Псковитяне отличались только тѣмъ отъ братьевъ своихъ, что не были такъ горды, дерзки, своевольны и за то долѣе ихъ, наслаждались своею свободою. Іоаннъ III хотя посылалъ и къ нимъ своихъ намѣстниковъ; но приказывалъ управлять ими не иначе, какъ по ихъ собственнымъ законамъ. И такъ, къ досадѣ Новгородцевъ—во Псковѣ все еще раздавался звонъ вѣчеваго колокола и жители все еще сходились на шумныя собранія свои. Но это было не долго: на одномъ изъ такихъ собраній земледѣльцы объявили, что не хотятъ пла-

шишь дани гражданамъ. Ихъ хошѣли принудишь къ шому силою, и при эшомъ случаѣ всѣ перессорились шакъ, чшо намѣсшникъ долженъ былъ прибѣгнушь къ Великому Князю.

Василій, видя, явное доказашельсшво шого, какія несчасшія шерпишъ народъ ошъ излишней свободы, кошорою никогда не умѣешъ пользовашься, рѣшился навсегда уничшожишь ее во Псковѣ, какъ ошецъ его уничшожилъ ее въ Новгородѣ.

Эшо было въ Январѣ мѣсяцѣ 1510 года. Молодой Государь, недовольный Псковишянами, поѣхалъ разбирашь ссоры ихъ не во Псковъ, но въ Новгородъ, куда пріѣхало къ нему многочисленное посольсшво Псковское, сосшоявшее изъ семидесяши знашнѣйшихъ бояръ. Разбирашельсшво кончилось шѣмъ, чшо всѣхъ ихъ посадили подъ сшражу и объявили, чшо Великій Князь, недовольный дерзосшію ихъ прошивъ намѣсшника его, и несправедливосшію прошивъ народа, шребуешъ, чшобы они уничшо-

жили свое вѣче, и приняли Государевыхъ намѣстниковъ не только въ Псковъ, но и во всѣ города свои. Въ такомъ случаѣ онъ проститъ ихъ и пріѣдетъ къ нимъ помолиться Св. Троицѣ. *)

Псковскіе бояре, и чувствуя вину свою, и не надѣясь имѣть столько силъ, чтобы противиться Великому Князю, съ горестію согласились исполнить волю его и писали въ Псковъ, прося весь народъ сдѣлать тоже.

Такая просьба привела въ ужасное уныніе Псковъ; *вольные люди* (какъ называли себя Псковитяне), узнавъ о согласіи первыхъ бояръ своихъ, лишились всякой надежды сохранить свободу свою, и на другой день, съ неописанною печалью, съ горькими слезами, сошлись въ послѣдній разъ на звукъ своего колокола и объявили послу Велико-

*) Въ Псковѣ главною церковью былъ Соборъ Св. Троицы. Онъ существуетъ и теперь.

княжескому, что покоряются волѣ Государя.

Посолъ въ тотъ же день отправился къ Великому Князю, который вскорѣ потомъ пріѣхалъ во Псковъ, учредилъ въ немъ совсѣмъ новый порядокъ, опредѣлилъ новыхъ чиновниковъ, принялъ присягу въ вѣрности всѣхъ жителей, заложилъ новую церковь во имя Св. Ксеніи *), отправилъ триста семействъ знатныхъ Псковитянъ въ Москву, а на мѣсто ихъ велѣлъ перевесть туда столько же изъ другихъ городовъ, и устроивъ все, уѣхалъ черезъ мѣсяцъ, въ столицу. Вскорѣ послѣ отъѣзда его, повезли туда же и вѣчевый колоколъ Псковитянъ, которые чувствуя пользу новаго правленія, уже менѣе жалѣли о немъ нежели въ ту минуту, когда спускали его съ колокольни.

Въ то самое время, какъ Василій

*) Память Святой Ксеніи праздновалась въ тотъ день, когда уничтожилась вольность Пскова.

занимался дѣлами Пскова, на него сбирались враги съ двухъ сторонъ. Первые изъ нихъ, были *Литовцы*, эти всегдашніе непріятели нашего отечества; вторые, *Крымцы*. Помня добраго Менгли-Гирея, вѣрнаго союзника Іоанна III, конечно, вы удивляетесь, милыя дѣти, что подданные его вдругъ вздумали ссориться съ Рускими? Но въ этомъ виноваты также Литовцы. Князя ихъ Александра, уже давно не было на свѣтѣ: наслѣдникомъ Литвы и Польши, былъ братъ его *Сигизмундъ*, который еще болѣе Александра вредилъ Россіи. Онъ-то поссорилъ нась съ Менгли-Гиреемъ, или лучше сказать съ молодыми и смѣлыми сыновьями его Ахматомъ и Бурнашъ-Гиреями, которые по своей волѣ управляли старымъ отцемъ своимъ: онъ былъ уже такъ слабъ и дряхлъ, что никто не узнавалъ въ немъ прежняго храбраго, умнаго и благороднаго Менгли-Гирея. Сигизмундъ обѣщалъ имъ платить каждый годъ по 15,000 червонцевъ, если они нападутъ

вмѣстѣ съ нимъ на наши области. Молодые Царевичи, именемъ отца, согласились на это предложеніе и исполнили желаніе Сигизмунда, который ненавидя Русскихъ, какъ Литовецъ, имѣлъ еще другую причину сердиться на Великаго Князя: Василій милостиво принялъ къ себѣ одного изъ знаменитѣйшихъ вельможъ Литовскихъ, измѣнившаго Королю своему,—Князя Михаила Глинскаго съ братьями, и не только отказалъ Сигизмунду выдать ихъ, но даже далъ имъ у себя цѣлые города въ помѣстья. Вотъ эти Глинскіе—и особенно Михаилъ, много помогали Великому Князю въ войнѣ съ Сигизмундомъ: кромѣ того, что съ ними выѣхало въ Россію много пановъ и дворянъ Литовскихъ, они нанимали искусныхъ воиновъ для Василія даже въ Богеміи и Германіи, и съ этою помощію война шла такъ счастливо для Великаго Князя, что ему удалось даже возвратить въ свое владѣніе Смоленскъ, бывшій

сто десять лѣтъ подъ властію Литвы.

Вы не можете представить себѣ какъ обрадовались жители Смоленска тому, что присоединились опять къ старинному своему отечеству! Хотя въ теченіе сто лѣтъ, они по неволѣ уже переняли многое у своихъ завоевателей, но все еще твердо помнили, что они Руские и любили Россію какъ милую мать, съ которою Литовцы разлучили ихъ! Эта любовь, не менѣе Михаила Глинскаго, помогла Василію, овладѣть Смоленскомъ. Михаилъ же показывалъ такое усердіе не даромъ: онъ думалъ, что Великій Князь, изъ благодарности къ его заслугамъ, сдѣлаетъ его владѣтельнымъ Княземъ Смоленска, но ошибся. Великій Князь не любилъ Михаила, и никакъ не согласился отдать ему этотъ городъ. Да и какъ можно было отдать? Если уже онъ измѣнилъ отечеству, то Россіи могъ бы измѣнить еще скорѣе. Такъ и сдѣлалось; обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, онъ тот-

часъ перешелъ опять на сторону Сигизмунда и надѣлалъ бы много хлопотъ, если бы Воеводы наши не поймали его. По приказанію Василія, его сковали и отвезли въ Москву.

Между тѣмъ въ 1515 году умеръ Менгли-Гирей. Сынъ и наслѣдникъ его Магметъ-Гирей, не имѣвшій никакихъ достоинствъ отца, попеременно былъ союзникомъ то Русскаго, то Литовскаго Государя, смотря потому, кто изъ нихъ болѣе давалъ ему денегъ. Однажды Магметъ, получивъ отъ Сигизмунда огромную сумму, ворвался съ своими Крымцами въ Россію, и едва было не напомнилъ ей временъ Батыя и Тохтамыша!

Наконецъ вотъ что нѣсколько усмирило Крымскаго Хана: онъ услышалъ, что въ Москву пріѣхалъ посолъ изъ Константинополя и привезъ Великому Князю ласковое письмо отъ знаменитаго и страшнаго для всей Европы— Турецкаго Султана *Солимана*. Магметъ-Гирей испугался, что бы онъ не вступ-

пился за Рускихъ, и на нѣкоторое время отложилъ свои нападенія на наши области.

Сигизмундъ также боялся сосѣда своего, опаснаго Солимана, и уже не споря о Смоленскѣ, заключилъ съ Великимъ Княземъ миръ на пять лѣтъ.

Пользуясь этимъ спокойствіемъ, Василій Іоанновичь спѣшилъ исполнить намѣреніе великаго отца своего, и свое собственное: спѣшилъ совершенно уничтожить удѣлы. Правда, ихъ оставалось уже очень не много: главнымъ было—Княжество *Рязанское,* и другое —*Сѣверское.* Молодой Рязанскій Князь Іоаннъ, первый подалъ поводъ Василію исполнить это намѣреніе: онъ такъ подружился съ дерзкимъ Ханомъ Крымскимъ, Магметомъ, что хотѣлъ жениться на его дочери, и объявить себя совсѣмъ независимымъ отъ Великаго Князя. Государь узналъ это, и считалъ долгомъ своимъ наказать замыслы, вредные для отечества: Рязань была взята въ совершенное владѣніе Вели-

каго Князя, а Іоаннъ посаженъ въ темницу, откуда убѣжалъ въ Литву и тамъ скончался.

Окончивъ безъ всякаго кровопролитія покореніе важнаго Княжества Рязанскаго, болѣе 400 лѣтъ бывшаго отдѣльнымъ и независимымъ, Василію еще легче было присоединить къ своей коронѣ Сѣверское. Княземъ его — былъ *Василій Шемякинъ*, внукъ того Димитрія Шемяки, котораго вы вѣрно помните, милыя дѣти. Будучи смѣлъ, гордъ, непримиримъ, онъ напоминалъ собою дѣда своего и много безпокоилъ Великаго Князя: нѣсколько разъ Василій подозрѣвалъ его въ дружбѣ съ Литвою, и наконецъ въ 1523 году, открылъ переписку его съ Сигизмундомъ. Князь Шемякинъ имѣлъ одинаковую участь съ Іоанномъ Рязанскимъ: онъ также умеръ въ темницѣ.

Такъ навсегда кончились удѣлы въ Россіи! такъ соединились всѣ раздѣленныя части ея въ одно *цѣлое*; такъ это прекрасное *цѣлое* стало зависѣть

уже не отъ мелочныхъ требованій *нѣсколькихъ* владѣтелей, но отъ высокой, самодержавной, и неизмѣнной воли *одного* Государя!

НРАВЫ и ОБЫЧАИ РУСКИХЪ

ПРИ ВАСИЛІИ IV.

Отъ 1523 до 1533 года.

(Пер. 10 лѣтъ.)

Милыя дѣти! пріятно знать не только о важныхъ дѣлахъ тѣхъ людей которыхъ мы любимъ, на пр. о ихъ походахъ, побѣдахъ, завоеваніяхъ, но даже и о самыхъ обыкновенныхъ; о томъ, что дѣлали они въ домашнемъ кругу своемъ, какъ они веселились, какъ показывали печаль свою, какъ угощали друзей своихъ, даже мнѣ бы хотѣлось

знать какое платье они носили, какія кушанья подавали на объдахъ ихъ, о чемъ разговаривали они во время этихъ объдовъ! О! я вижу, что и маленькіе читатели мои точно также любопытны какъ я, и имъ также хочется узнать все это. Очень рада, друзья мои, и постараюсь выбрать изъ исторіи самыя занимательныя для васъ описанія нравовъ и обыкновеній нашихъ добрыхъ предковъ. И какъ кстати, мы остановились теперь на томъ самомъ времени, какъ Василій IV, уже самодержавный Государь Россіи, усмиривъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ отечества нашего, праздновалъ въ 1526 году вторую свадьбу свою. Для маленькихъ охотниковъ до веселостей и всѣхъ происшествій не совсѣмъ обыкновенныхъ, вѣрно всего пріятнѣе будетъ, когда я начну расказъ мой нѣсколькими словами о томъ великомъ веселіи, какое было тогда на Руси!

Но если вы думаете, милыя дѣти, что тогдашніе свадебные праздники

и угощеніе походили на нынѣшніе, то очень ошибетесь. Напримѣръ, сказать ли вамъ, что̀ разносили гостямъ на свадьбѣ Василія Іоанновича вмѣсто нашихъ нынѣшнихъ, затѣйливыхъ, можно сказать даже великолѣпныхъ конфектъ? Калачи, *перепецу* *) и сыры! а вмѣсто вина Шампанскаго въ нашихъ прекрасныхъ бокалахъ изъ граненаго хрусталя, подавали Романею, **) Рейнское, но еще болѣе—медъ и пиво въ большихъ золотыхъ и серебряныхъ кубкахъ, или ковшахъ.

Хотите ли знать, какъ одѣтъ былъ Государь-женихъ? О! совсѣмъ не такъ, какъ теперь. На немъ былъ бархатный, золотой *кожухъ* или *тулупъ* на собольемъ мѣху, да шуба Русская соболья, крытая бархатомъ золотымъ. Полы этой шубы, *закинуты были назадъ за плеча.* Поясъ былъ кованый золо-

*) *Перепеча* сдобное пирожное, особенной формы съ гранью похо̀жею на апанасную.

**) *Романеею*—называлось Бургонское вино.

той, шапка — горлатная изъ черныхъ лисицъ.

Нарядъ невѣсты также вовсе не походилъ на то платье, какое она надѣваетъ у насъ теперь. Рускія дѣвицы встарину не носили на головѣ никакого другаго убора, кромѣ широкой повязки, похожей на ту, въ какой вѣрно многія изъ маленькихъ читательницъ моихъ пляшутъ по Руски. Въ такой повяскѣ верхъ головы оставался открытымъ, а волосы заплетались въ косу, которая спускалась по спинѣ. Къ концу косы старинной Княжны, боярышни или простой дѣвушки Руской привязывали *косникъ* или треугольникъ изъ картузной бумаги, который обвивался шелковою матеріею, а у богатыхъ украшался жемчугомъ и дорогими каменьями. Косу старались плесть такъ широко, чтобъ она закрывала всю шею отъ самыхъ ушей, и постепенно суживалась до косника. У невѣстъ —косы были распущены, и въ церкви, послѣ вѣнчанія, имъ заплетали двѣ косы,

надѣвали кокошникъ и покрывали фатою *) Платье, которое называлось ферязью или *сарафаномъ*, спереди до подола, также рукава аршина въ три, и стоячій воротникъ пальца въ три унизывались крупнымъ жемчугомъ.

Вотъ какъ богато одѣта была невѣста Василія IV, Елена, молодая Княжна Глинская, племянница того Михаила Глинскаго, который прослылъ въ исторіи измѣникомъ сперва своему природному Государю, потомъ—Рускому. Вы помните, милыя дѣти, что за эту послѣднюю измѣну, онъ посаженъ былъ въ темницу, и получилъ совершенное прощеніе, только тогда, какъ Великій Князь сдѣлался супругомъ его племянницы.

Имѣя теперь нѣкоторое понятіе о праздникахъ и одеждѣ предковъ

*) *Фата* походила на то, что мы называемъ теперь *уалъ*.

нашихъ мы поговоримъ о другихъ обыкновеніяхъ ихъ. Всѣ они — и знатные бояре, и бѣдные дворяне, казалось, были спесивы. Къ боярамъ никто не смѣлъ въѣзжать на дворъ: надобно было оставлять лошадей у воротъ. Дворяне стыдились ходить пѣшкомъ, и мало знакомились съ мѣщанами.

Гость, входя въ комнату, прежде всего молился образамъ, и потомъ уже подходилъ къ хозяину, цѣловался съ нимъ и говорилъ: „*дай Богъ тебѣ здоровья!*“ Тутъ начинались взаимные поклоны, послѣ которыхъ гость и хозяинъ садились и разговаривали. Когда гость уходилъ — хозяинъ провожалъ его до крыльца, а иногда и до самыхъ воротъ.

Молодыя женщины почти всегда сидѣли дома; даже въ церковь рѣдко ходили. Главное рукодѣлье ихъ было: прясть и шить; главная забава — качаться на качеляхъ. Руские вообще очень любили и любятъ до сихъ поръ

качели, мы видимъ это и теперь на Святой недѣлѣ.

Къ чужеземцамъ — предки наши были гораздо горделивѣе насъ: даже послы ихъ жаловались на ту важность, съ которою ихъ принимали въ Россіи. Когда иностранный Посолъ объявлялъ о себѣ въ первомъ Рускомъ городѣ намѣстнику Государеву, то ему дѣлали множество вопросовъ: „Изъ какой земли? отъ кого онъ ѣдетъ? знатный ли человѣкъ? бывалъ ли прежде въ Россіи? говоритъ ли нашимъ языкомъ?“ Замѣтьте этотъ послѣдній вопросъ, милыя дѣти; онъ доказываетъ, что предки наши только по необходимости говорили чужимъ языкомъ, и всегда предпочитали свой собственный — всякому другому. Да и какъ не любить его? Онъ намъ родной! Имъ выражали мы и первыя молитвы наши къ Богу, и первыя ласки къ добрымъ родителямъ и первыя увѣренія дружбы милымъ товарищамъ и подругамъ! Самыя нѣжныя слова, дѣлаются еще нѣжнѣе

на родномъ языкѣ: когда Рускій мальчикъ или Руская дѣвочка, обвивъ бѣлыми ручками своими шею маменьки, скажетъ: „*Милая маменька!* мнѣ кажется, что и сердце малютки добрѣе, и ласки искреннѣе, и даже самый голосъ гораздо пріятнѣе, нежели тогда, какъ онъ выговариваетъ: *Chère maman*." или „*Dear mamma!*" Прислушайтесь сами къ этимъ тремъ различнымъ звукамъ, милые друзья мои, и вы вѣрно согласитесь со мною. Любите же родной языкъ вашъ и всегда защищайте его, когда кто нибудь вздумаетъ осуждать его при васъ. Если уже подданные Василія IV, почти не имѣя никакихъ писателей, находили его прекраснымъ, то какъ же намъ не отдать ему справедливости, намъ, уже имѣющимъ возможность восхищаться Державинымъ, Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Крыловымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ? Можетъ быть вы мало прочли еще изъ того, что написали эти прекрасные поэты, но ба-

*

сни Крылова? Кто изъ маленькихъ моихъ читателей не знаетъ ихъ? Кто не удивляется въ нихъ умнымъ разговорамъ Львовъ, Слоновъ, Орловъ, нѣжности Голубковъ, хитростямъ Лисицъ, злымъ дѣламъ Волковъ, добродушію Барашковъ и Овецъ, простотѣ Медвѣдей и Журавлей? Всѣ эти басни писаны такимъ чистымъ, такимъ легкимъ Рускимъ языкомъ, что онѣ однѣ могутъ доставить ему названіе *прекраснаго*!

Не подумайте однакожъ, чтобы предки наши, любя все отечественное, обходились дурно съ иностранцами. Нѣтъ! они всегда уважали добрыхъ и умныхъ изъ нихъ, старались перенимать у нихъ всѣ полезныя знанія, и Государи наши—особенно Іоаннъ III и Василій IV, даже приглашали многихъ чужеземныхъ художниковъ и ремесленниковъ переселяться къ намъ въ Москву. Такимъ образомъ у насъ были и тогда уже иностранные зодчіе или

архитекторы, денежники, *) слѣсари и даже живописцы, которые списывали портреты. Всѣ они жили весело и богато въ нашей гостепріимной Москвѣ и обучали Руских тому, что знали сами. Однакожъ надобно признаться, что не всѣ иностранцы приносили пользу отечеству нашему; иные изъ нихъ вредили ему и не всегда были благодарны Россіи, въ которой почти всегда обогащались.

Возвращаясь къ описанію нравовъ предковъ нашихъ, скажемъ, что главною чертою ихъ характера, была набожность, усердіе къ вѣрѣ и привязанность къ монашеству. Почти всѣ они желали умереть *въ Ангельскомъ образѣ*. Такъ называли они *постриженіе* и *принятіе схимы*, и тѣ, которые не успѣвали постричься за нѣсколько лѣтъ до смерти, старались сдѣлать это по крайней мѣрѣ за нѣсколько часовъ.

*) Люди, дѣлавшіе деньги.

Это случилось и при кончинѣ Великаго Князя Василія IV, котораго жизнь неожиданно прекратилась на 54 году. Онъ почти никогда не чувствовалъ никакихъ болѣзней, любилъ дѣятельность и движеніе, былъ всегда веселъ и счастливъ,— особенно со времени рожденія сына своего, будущаго грознаго Государя Россіи, Іоанна IV, тогда еще трехлѣтняго мальчика.

Въ 1533 году, Великій Князь праздновалъ день Св. Сергія, 25-е Сентября, въ Троицкой Лаврѣ, вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми. Въ тоже время, онъ благодарилъ Бога за избавленіе отъ непріятелей, Крымскихъ Татаръ, сдѣлавшихъ опять набѣгъ на наши владѣнія. Въ тотъ же день, Великій Князь ѣздилъ на охоту и занемогъ такою болѣзнію, которая сначала со всѣмъ не казалась опасною: у него сдѣлался вередъ на лѣвой ногѣ; но этотъ вередъ такъ разболѣлся, что чрезъ два мѣсяца причинилъ смерть его. 21 Ноября въ ѣхалъ онъ въ Москву шагомъ, въ са-

нихъ, на постелѣ и скрытно, чтобы не встревожить народъ, горячо любившій его. Какъ скоро внесли его во дворецъ Кремлевскій, онъ тотчасъ созвалъ бояръ и приказалъ имъ писать духовную, въ которой объявилъ трехлѣтняго сына своего Іоанна — наслѣдникомъ Государства подъ опекою матери и бояръ, до пятнадцатилѣтняго возраста; назначилъ удѣлъ меньшому сыну Юрію; просилъ братьевъ своихъ, Юрія и Андрея не забыть обѣщанія ихъ служить вѣрно племяннику; устроилъ многія дѣла государственныя и церковныя, однимъ словомъ не забылъ ничего, что касалось спокойствія его подданныхъ и отечества. Исполнивъ эту обязанность Государя, онъ послалъ за супругою и дѣтьми. Малютку Іоанна принесъ на рукахъ братъ матери его, Князь Иванъ Глинскій. Умирающій отецъ благословилъ его крестомъ Св. Петра Митрополита. Дитя не плакало: оно не понимало еще, кого лишалось! Но за то не льзя было видѣть безъ

слезъ отчаянія Великой Княгини: ее вынесли на рукахъ изъ спальни Государя.

Разставшись съ супругою, Василій Іоанновичъ уже ни о чемъ болѣе не думалъ, какъ о Богѣ и душѣ своей. Онъ тотчасъ сказалъ духовнику своему, протоіерею Алексію: „не похороните меня въ бѣлой одеждѣ: я не останусь въ мірѣ, если и выздоровлю.„ Это значило: „постригите меня въ монахи.„ Алексій, Митрополитъ Даніилъ, и все бывшее тутъ духовенство, радовалось такому желанію Государя, но Князья, братья Василія и нѣкоторые изъ вельможъ, противились этому; они говорили, что ни Св. Владиміръ, ни Димитрій Донской не были монахами, но вѣрно заслужили вѣчное блаженство. Долго они спорили и шумѣли; между тѣмъ, взоры Великаго Князя темнѣли, языкъ едва произносилъ шопотомъ молитвы; рука не могла сдѣлать креста. Замѣтивъ это, огорченные Князья забыли споръ свой, и Митрополитъ, пользуясь ихъ безмол-

вною печалію, самъ постригъ Государя, названнаго въ монашествѣ *Варлаамомъ*. Едва успѣлъ онъ кончить этотъ обрядъ и положить Евангеліе на грудь умирающаго—Василій скончался. Всѣ зарыдали и этотъ плачъ семейства и первыхъ вельможъ Государевыхъ въ туже минуту перешелъ на улицы дворцовыя, гдѣ толпился огорченный народъ и тотчасъ распространился до Красной площади. Василія навывали *добрымъ, ласковымъ* Государемъ, и потому неудивительно, что смерть его была такъ горестна для всѣхъ.

Во все двадцати-семи-лѣтнее княженіе свое онъ *судилъ и рядилъ землю*,— т. е. занимался дѣлами государственными всякое утро до самаго обѣда; любилъ сельскую жизнь и почти всегда проводилъ лѣто не въ Москвѣ, а въ окрестностяхъ ея; часто ѣздилъ на охоту въ Можайскъ и Волоколамскъ; но и тамъ даже, не любя терять время напрасно, или на одни веселости, занимался дѣлами и иногда принималъ пословъ чужеземныхъ. Онъ первый началъ

ѣздить на охоту съ собаками: прежде Рускіе считали этихъ животныхъ нечистыми и не любили ихъ.

Василій IV прибавилъ къ Двору своему новыхъ чиновниковъ: *Оружничаго*, у котораго хранились оружія; *Ловчихъ*, завѣдывавшихъ охотою, *Крайчаго*, подававшаго при столѣ питье Государю и *Рындъ*. Крайчій значилъ тоже, что теперь *Оберъ-Шенкъ*; а *Рынды*—были оруженосцы или родъ Пажей. Въ эту должность выбирали молодыхъ людей, красивыхъ лицемъ и стройныхъ станомъ, изъ знатныхъ фамилій. Они носили бѣлое атласное платье, держали въ рукахъ маленькіе серебряные топорики и всегда шли впереди Великаго Князя, когда онъ выходилъ къ народу. Василій любилъ пышность, когда она была нужна, и особенно, показывалъ ее во время пріема чужестранныхъ пословъ, чтобы они видѣли богатство и славу Государства его. Въ тотъ день, когда они представлялись—приказано было запирать всѣ лавки и ос-

шанавливать всѣ дѣла и работы. Чиновники выходили на встрѣчу посламъ, купцы и мѣщане, ни чѣмъ не занятые, спѣшили толпами къ Кремлевскому дворцу. Войско, которое уже со временъ Іоанна III не распускалось по домамъ, какъ прежде — стояло въ ружьѣ. Въ пріемной комнатѣ все было тихо. Государь сидѣлъ на тронѣ; подлѣ него, на стѣнѣ, висѣлъ образъ; Бояре сидѣли на скамьяхъ, въ платьѣ, вышитомъ жемчугомъ, и въ высокихъ шапкахъ изъ дорогихъ мѣховъ. Однимъ словомъ, все было важно, величественно, пышно, все показывало знаменитость Государя, самодержавную власть его надъ народомъ, богатство этого народа и безпредѣльную преданность его къ своему повелителю! Болѣе всего удивляла пословъ эта преданность. Пламенное усердіе Рускихъ къ доброму Государю, отцу ихъ, казалсь такъ непонятно, для хладнокровныхъ сердецъ чужеземныхъ гостей, что одинъ изъ посланниковъ, Баронъ-Герберштейнъ, раска-

зывалъ объ этой преданности какъ о чудѣ, своимъ соотечественникамъ. Послушайте какъ онъ говоритъ и порадуйтесь: вѣдь онъ говоритъ о Рускихъ, о насъ: „Руские увѣрены, что Великій Князь есть исполнитель воли небесной. Обыкновенныя слова ихъ: „*такъ угодно Богу и Государю; это знаетъ Богъ и Государь!* „Усердіе этихъ людей невѣроятно. Я видѣлъ одного изъ знатныхъ Великокняжескихъ Чиновниковъ, бывшаго посломъ въ Испаніи, сѣдаго старика, который, встрѣтивъ насъ при въѣздѣ въ Москву, скакалъ верхомъ, суетился, бѣгалъ какъ молодой человѣкъ, потъ градомъ лилъ съ его лица. Когда я изъявилъ ему свое удивленіе, онъ громко сказалъ: „*Ахъ господинъ Баронъ! мы служимъ Государю не по вашему!*„

Не правда ли, милые читатели мои, что вамъ очень понравился этотъ прекрасный отвѣтъ? Не правда ли, что Баронъ Герберштейнъ, побывавъ въ нашемъ Петербургѣ, могъ бы сказать то-

чно тоже и о насъ, Рускихъ XIX столѣтія и подданныхъ нашего великаго, несравненнаго Николая, что онъ сказалъ о Рускихъ XVI вѣка и подданныхъ Василія IV? Въ этомъ священномъ случаѣ, мы будемъ вѣчно тѣже, и какое бы платье ни носили, какія бы обыкновенія ни приняли, любовь къ Государю, это святое, сладостное чувство Рускаго, будетъ всегда чисто, цѣло, неизмѣнно въ сердцахъ нашихъ!

Таблица XXXVIII.

Семейство Великаго Князя Василія IV Іоанновича.

Супруги: 1. *Соломонія* Юрьевна, дочь дворянина Сабурова.

2. Княжна *Елена* Васильевна Глинская.

Сыновья: a. Іоаннъ, наслѣдовалъ престолъ.

b. Юрій.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА ЕЛЕНА

и

КНЯЗЬ ТЕЛЕПНЕВЪ.

Отъ 1533 до 1538 года.

(Пер. 5 лѣтъ.)

Никогда Россія не была въ такомъ ненадежномъ состояніи, какъ послѣ смерти Василія IV: Государемъ ея былъ трехлѣтній ребенокъ; опекуншею его и Правительницею Государства — молодая Княгиня, изъ народа Литовскаго, всегда ненавидѣвшаго Россію, изъ семейства *Глинскихъ*, памятныхъ

измѣнами и непостоянствомъ! Правда, что въ духовной покойнаго Великаго Князя ей приказано было управлять государствомъ не одной, но съ Думою Боярскою, т. е. Государственнымъ Совѣтомъ, состоявшимъ изъ братьевъ Василія Іоанновича и двадцати знаменитыхъ бояръ. Но такъ приказано было, однакожъ такъ не исполнялось: главнымъ бояриномъ въ Думѣ Государственной, не смотря на многихъ старыхъ и почтенныхъ Князей—былъ молодой Князь, Иванъ Ѳедоровичъ Телепневъ - Оболенскій; имѣвшій знатный чинъ *Конюшаго - Боярина*. Его одного слушалась Правительница; ему одному позволяла дѣлать все, что онъ находилъ нужнымъ для государства. Такую милость и довѣренность — Телепневъ заслужилъ не отличными достоинствами, не любовію къ Отечеству, не преданностію къ Государю, но красивою наружностію, привлекательнымъ обращеніемъ и искусными ласкательствами и похвалами красотѣ, уму и

сердцу молодой Княгини. Онъ умѣлъ говорить такъ пріятно, такъ убѣдительно, что Елена, слушая его, вѣрила всѣмъ словамъ его, и въ самомъ дѣлѣ считала себя прекраснѣе, умнѣе и добрѣе всѣхъ Государынь въ свѣтѣ. Мы обыкновенно любимъ тѣхъ, кто насъ хвалитъ, и въ легкомысліи своемъ неразсуждаемъ, что истинные друзья никогда не будутъ хвалить насъ съ пристрастіемъ, и что это дѣлаютъ только тѣ люди, которые имѣютъ какую нибудь нужду въ насъ. Такъ было и съ Великою Княгинею; она не думала, что хитрый Телепневъ хвалилъ ее и угождалъ всѣмъ ея желаніямъ для собственныхъ выгодъ: ему надобно было нравиться ей, чтобы чрезъ нее имѣть власть надъ всѣми. Желаніе его исполнилось, и эта власть была такъ велика, что даже родной дядя Елены, Князь Михаилъ Глинскій, былъ посаженъ въ темницу и вскорѣ потомъ умерщвленъ въ ней за то только, что осмѣлился сказать племянницѣ, какъ

она дурно исполняла обязанности Правительницы и матери Государя!

После такой жестокости Елены съ ближайшимъ родственникомъ своимъ, вы можете судить, милыя дѣти, что было съ другими совѣтниками Думы! Они не смѣли разсуждать сами ни о чемъ, но должны были только исполнять то, чего желала Правительница, а она не имѣла другихъ желаній кромѣ тѣхъ, какія приходили въ голову молодаго Князя Телепнева! Такъ съ самаго начала ихъ общаго правленія — ему показался опаснымъ старшій дядя маленькаго Государя Князь Юрій Іоанновичь, и — по приказанію Елены, бѣдный Князь былъ посаженъ въ темницу и чрезъ нѣсколько времени умеръ въ ней отъ голода! Такъ потомъ, избалованный любимецъ началъ бояться замысловъ меньшаго брата его, Князя Андрея Іоанновича — и успѣлъ погубить и послѣдняго дядю Государева! Къ супругѣ

и сыну этого несчастнаго Князя приставили стражу, а бояръ и всѣхъ вѣрныхъ слугъ его мучили и умерщвляли безъ всякой пощады; Дѣтей же Боярскихъ, числомъ около тридцати, которые вздумали было защищать Андрея, повѣсили какъ измѣнниковъ, на дорогѣ Новгородской! Богъ знаетъ до чего дошли бы ужасы правленія Елены, если бы оно была продолжительнѣе; но чрезъ четыре года, она вдругъ совсѣмъ неожиданно скончалась въ совершенномъ здоровьѣ и еще цвѣтущей молодости. Многіе подозрѣвали, что она умерла не своею смертью. Такое подозрѣніе было не удивительно, судя по жестокостямъ, обыкновеннымъ въ то время. Но не чувствуя никакой любви къ Еленѣ, ни бояре, ни народъ не отыскали злодѣевъ, сдѣлавшихъ это преступленіе, и даже не показали никакой печали при погребеніи этой слабой и несчастной Государыни. Только маленькій Великій Князь и Телепневъ

неутѣшно плакали: первый — лишался матери, послѣдній — предчувствовалъ, что все счастіе его безвозвратно исчезнетъ съ жизнію Елены!

ДѢТСТВО и ПЕРВАЯ МОЛОДОСТЬ ІОАННА IV.

Отъ 1538 до 1546 года.

(Пер. 8 лѣтъ.)

Изъ всѣхъ людей, которыхъ вы знаете, милыя дѣти, никто не любитъ васъ такъ нѣжно, какъ ваши родители. Съ какою заботливостію стараются они сдѣлать васъ добрыми, умными, любезными! Какъ веселятъ ихъ малѣйшіе успѣхи ваши! Какъ огорчаютъ недостатки! Ничѣмъ не льзя болѣе обрадовать вашу маменьку или вашего папеньку, какъ

сказавъ: „Какой умный мальчикъ сынокъ вашъ! Какъ хвалятъ его всѣ учители! А дочка? что за милая дѣвочка! какъ она добра и ласкова ко всѣмъ! Вы очень, очень счастливы!“ Слушая это, всѣ родители чувствуютъ себя точно счастливыми и вознагражденными за всѣ тѣ безчисленныя попеченія и заботы какихъ стоитъ для нихъ воспитаніе дѣтей! Эти попеченія и заботы, въ самомъ дѣлѣ безчисленны! вспомните все то, что дѣлаютъ для васъ каждый день папенька и маменька,—и вы сами поймете, что чужой человѣкъ никогда не вздумаетъ, никогда не догадается и даже— никогда не захочетъ сдѣлать такъ много! Стало быть, потерять родителей есть такое несчастіе для ребенка, которое не можетъ сравниться ни съ какимъ другимъ! Почти никогда, или очень, очень рѣдко встрѣтитъ онъ людей, которые бы могли въ полной мѣрѣ замѣнить его потерю! Іоаннъ IV даже и на тронѣ—не нашелъ

такихъ! О какъ вы пожалѣете объ этомъ маленькомъ Государѣ, милыя дѣти, когда узнаете, что было съ нимъ послѣ смерти матери!

Правленіе осталось тогда въ рукахъ Думы Боярской, или лучше сказать, въ рукахъ тѣхъ бояръ, которые будучи смѣлѣе другихъ, присвоили себѣ власть надъ всѣми! То были Князья *Шуйскіе*, потомки Князей Суздальскихъ, всегда ненавидѣвшіе Великихъ Князей за уничтоженіе Удѣловъ. Главнымъ изъ нихъ былъ Князь Василій Васильевичь. Преклонивъ къ себѣ разными средствами многихъ бояръ и чиновниковъ, онъ объявилъ себя, въ самый день кончины Елены, *главнымъ* въ правленіи и чрезъ недѣлю велѣлъ схватить Князя Телепнева и сестру его, боярыню Агриппину, которая была любимою надзирательницею при маленькомъ Іоаннѣ. Ни просьбы, ни слезы бѣднаго малютки-Государя не спасли любимцевъ его, и перваго Шуйскій уморилъ голодомъ въ темницѣ, вторую

сослалъ въ небольшой городъ Карго-поль и велѣлъ постричь въ монахини. Чтобъ еще надежнѣе утвердить власть свою, онъ постарался сдѣлаться родственникомъ Государя и женился на двоюродной сестрѣ его. Но не смотря на все это, Богъ не допустилъ его долго управлять Россіею, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ занемогъ и умеръ, оставивъ всю власть въ рукахъ роднаго брата своего, Князя Ивана Васильевича Шуйскаго. Бѣдное отечество наше терпѣло еще болѣе при этомъ новомъ правителѣ: онъ не имѣлъ никакихъ хорошихъ качествъ и былъ золъ, гордъ и дерзокъ не только противъ бояръ, но даже противъ самаго Государя, который и въ дѣтскомъ возрастѣ долженъ быть предметомъ священнаго уваженія для подданныхъ. Обращеніе же Шуйскаго совсѣмъ не показывало того: во всѣхъ поступкахъ его примѣтно было, что онъ считалъ себя гораздо важнѣе маленькаго Іоанна. Кромѣ того, онъ былъ такъ

жаденъ, что бралъ изъ казны Великокняжеской множество золота, приказывалъ дѣлать изъ него разную посуду для себя, и вырѣзывать на ней имена своихъ предковъ. Всѣ важныя должности и выгодныя мѣста онъ раздавалъ родственникамъ и друзьямъ своимъ, которые безъ милосердія разоряли ввѣренныя имъ области. При такомъ нравѣ и при такихъ распоряженіяхъ главнаго вельможи и правителя государства, читатели мои могутъ представить себѣ каково было воспитаніе Іоанна! Ни онъ, ни помощники его — три другіе Князя Шуйскіе: Иванъ и Андрей Михайловичи и Ѳедоръ Ивановичъ Скопинъ-Шуйскій, совсѣмъ не думали, что счастіе всего народа зависитъ отъ качествъ сердца и ума его Государя. Напротивъ того, они разсуждали, что всего выгоднѣе для нихъ самихъ было бы то, еслибъ Іоаннъ и въ совершенномъ возрастѣ не входилъ ни въ какія дѣла и предоставилъ бы имъ управлять государ-

ствомъ, и для того рѣшились воспитать его такъ, чтобы онъ не любилъ никакихъ занятій и думалъ объ однихъ забавахъ и удовольствіяхъ. Къ тому же, исполняя всѣ дѣтскія желанія Великаго Князя, они надѣялись, что онъ ни къ кому не будетъ такъ привязанъ, какъ къ Шуйскимъ. И такъ, эти гордые, самолюбивые, жестокіе бояре, думавшіе только о себѣ, а не о своемъ бѣдномъ отечествѣ, — каждый день забавляли маленькаго Государя то новыми играми во дворцѣ, то разнаго рода охотою въ полѣ. Охота, во время которой люди, съ такимъ веселіемъ убиваютъ невинныхъ животныхъ, располагаетъ сердце къ жестокости, и дѣти, такъ легко принимающія всѣ впечатлѣнія и не имѣющія еще разсудка взрослыхъ людей, чтобы предохранить себя отъ дурныхъ, никогда не должны видѣть охоту, а не только сами участвовать въ ней. Бѣдный малютка Іоаннъ, смотря почти каждый день на травлю дикихъ животныхъ, невольно

привыкъ къ такой жестокости, что уже для него сдѣлалось удовольствіемъ мучить и домашнихъ. Часто, сидя на высокомъ крыльцѣ Кремлевскаго дворца, бросалъ онъ оттуда на землю комнатныхъ собачекъ, кошекъ, кроликовъ, бѣлокъ, и когда несчастные визжали самымъ жалобнымъ голосомъ отъ ушибовъ, а другіе и совсѣмъ умирали,— жестокій ребенокъ весело смѣялся и радовался ихъ мученіямъ, а безразсудные бояре говорили: „*пусть Державный веселится!*" Съ такимъ воспитаніемъ, вовсе не удивительно, что жестокость Іоанна постепенно увеличивалась, и чрезъ нѣсколько лѣтъ ему захотѣлось уже мучить и людей. Для этой забавы, онъ держалъ медвѣдей, и часто, когда добрый народъ сходился на площадь дворцовую, поглядѣть на *свое Красное Солнышко, Надежу-Государя*,—этотъ Государь приказывалъ выпускать двухъ или трехъ медвѣдей, которые бросались на всѣхъ, кто не успѣвалъ убѣжать отъ нихъ. Такъ

Царственное Дитя, одаренное отъ природы рѣдкимъ умомъ и великими способностями—проводило драгоцѣнное время свое во все правленіе Шуйскихъ, которые старались отдалять отъ него всѣхъ умныхъ, добродѣтельныхъ и усердныхъ бояръ. Они употребляли къ тому всѣ возможныя средства и многіе были сосланы, заключены въ темницы, даже лишены жизни! Въ числѣ такихъ жертвъ властолюбія Шуйскихъ, знаменитѣе, добрѣе и несчастнѣе всѣхъ, былъ Князь Иванъ Федоровичъ Вѣльскій, родственникъ Государя. По уму и добродѣтелямъ, онъ одинъ могъ быть достойнымъ воспитателемъ Іоанна и правителемъ государства. Шуйскіе замѣтили это—и несчастный Князь, не смотря на высокое мѣсто, занимаемое имъ въ Думѣ боярской, не смотря на пользу, какую принесли Россіи совѣты его во время бывшаго въ 1541 году нашествія на наши области Хана Крымскаго и Царя Казанскаго, не смотря на близкое родство его съ Великимъ

Княземъ—былъ посаженъ въ темницу и вскорѣ потомъ умерщвленъ въ ней, безъ вѣдома Іоанна, по одному приказанію Шуйскихъ!

Такое ужасное состояніе Двора и всего народа продолжалось до тринадцати-лѣтняго возраста Государя. Въ это время, два дяди его — Князья Глинскіе, Юрій и Михаилъ Васильевичи, ненавидѣвшіе Шуйскихъ, начали говорить племяннику, что уже пора ему отнять власть у жестокихъ бояръ, управлявшихъ его именемъ, что пора ему объявить себя настоящимъ Государемъ и, избавивъ народъ отъ неслыханныхъ притѣсненій, наказать главныхъ тирановъ. Іоаннъ, никогда не любившій Шуйскихъ, за ихъ дерзкое обращеніе съ нимъ, и за то, что они всегда нападали на любимцевъ его, охотно выслушалъ совѣтъ дядей; и, ничего никому не сказывая, вдругъ созвалъ къ себѣ бояръ 29 Декабря 1543 года, и объявилъ имъ, что видя какъ безсовѣстно многіе изъ нихъ, пользуясь

его молодостію, грабяшъ и убиваюшъ его подданныхъ, онъ рѣшился наказать виновныхъ, и прежде всѣхъ— Князей Шуйскихъ. Бояре были чрезвычайно удивлены смѣлостію маленькаго Князя, до сихъ поръ думавшаго объ однихъ забавахъ, и прежде нежели успѣли опомниться — главный изъ Шуйскихъ, уже былъ выведенъ на улицу и отданъ на волю *псарей,* которые въ свою очередь отдали его звѣрямъ на растерзаніе. Всѣ молчали, и никто изъ родственниковъ и друзей несчастнаго, не смѣлъ показать ни малѣйшаго неудовольствія: такъ грозенъ былъ видъ тринадцати-лѣтняго Государя и такъ искусно новые правители — Князья Глинскіе—устроили планъ свой!

Въ тотъ же день всѣхъ Шуйскихъ и приверженцевъ ихъ заключили въ темницы или сослали въ отдаленныя мѣста. Народъ радовался паденію притѣснителей своихъ, воображая, что что теперь всѣ будутъ спокойны и счастливы. Но какъ жестоко обманул-

ся онъ! Враги его не исчезли, но только перемѣнили имя, и вмѣсто Шуйскихъ сдѣлались Глинскіе! а Государь, входя въ возрастъ, не любилъ ни въ чемъ притиворѣчій, и съ малолѣтства пріученый къ жестокости, не имѣлъ ни какого понятія о состраданіи и не жалѣлъ ни кого. Безпрестанно говорили то о гнѣвѣ Великаго Князя на того изъ бояръ, то о новомъ наказаніи другаго, то о ссылкѣ третьяго! Такъ одному придворному чиновнику — за нѣсколько дерзкихъ словъ отрѣзали языкъ; такъ у пятидесяти Новгородцевъ отрубили головы за то только, что они осмѣлились пожаловаться Іоанну на притѣсненія, какія дѣлали имъ бояре-любимцы его! Однимъ словомъ, нѣсколько лѣтъ первой молодости Іоанна IV предвѣщали столько жестокостей и столько бѣдствій для его подданныхъ, что только одна безпредѣльная привязанность Рускихъ къ Государю своему, помогла имъ перенесть страданія ихъ! Не смѣя роп-

тать на того, кто назначенъ былъ Богомъ управлять ими, они усердно просили Господа умилостивить сердце его и послать ему умныхъ и добрыхъ совѣтниковъ, которые бы говорили ему о нуждахъ народа его, а не о забавахъ и веселостяхъ. Уже четыре года Руские молились о томъ, и Іоанну исполнилось семнадцать лѣтъ.

ЧУДЕСНАЯ ПЕРЕМѢНА.

1547 годъ.

Было утро 16 Января 1547 года. Яркіе лучи солнца, хотя мало грѣли, но за то осыпали алмазными искрами бѣлый снѣгъ, покрывавшій улицы Московскія. По этимъ улицамъ — не широкимъ и великолѣпнымъ какъ тѣ, которыя окружаютъ теперь Кремль, — но узкимъ, застроеннымъ бревенчатыми домами, толпился народъ въ праздничномъ нарядѣ, ѣхали бояре въ разукрашенныхъ саняхъ, шло войско — хотя не похожее видомъ и одеждою

на наше нынѣшнее — стройное и прекрасное, но столько же храброе, столько же усердное къ отечеству, столько же вѣрное къ Государю!

Всѣ эти люди были веселы, на всѣхъ лицахъ написано было какое-то пріятное ожиданіе. Какъ вы думаете, милыя дѣти, куда всѣ они шли и какой праздникъ былъ тогда въ Москвѣ? —О! былъ праздникъ большой, торжественный, драгоцѣнный для народа Рускаго во всѣ времена его исторіи: было коронованіе или вѣнчаніе на царство Государя!

Іоаннъ, вскорѣ послѣ того, какъ ему исполнилось семнадцать лѣтъ, объявилъ Митрополиту и вельможамъ, что онъ намѣренъ короноваться. Извѣстіе о такомъ намѣреніи обрадовало весь народъ: всѣ надѣялись, что священная минута,—въ которую Іоаннъ, въ церквѣ и предъ Престоломъ Божіимъ приметъ на себя, вмѣстѣ съ Царскимъ вѣнцемъ, святыя обязанности Государя—будетъ имѣть счастливое

дѣйствіе на сердце его; что онъ почувствуетъ всѣ ужасы дурнáго правленія и сдѣлается другимъ человѣкомъ. Такъ думали добрые предки наши и усердныя молитвы ихъ, нѣсколько лѣтъ возносимыя къ Богу объ исправленіи Іоанна, давали имъ право надѣяться такого чуда отъ милосердія Того, Кому все возможно.

Вотъ отъ чего они такъ весело спѣшили въ Кремль, къ Успенскому Собору, гдѣ уже все было готово, въ такомъ же порядкѣ какъ при короновàніи несчастнаго Димитрія Іоанновича, котораго маленькіе читатели мои вѣрно не забыли. Іоаннъ, также какъ и тотъ молодой Князь, торжественно шелъ изъ дворца въ Соборъ въ сопровожденіи брата, дядей и всего Двора, также сидѣлъ съ Митрополитомъ на возвышеніи, покрытомъ золотою парчею, также вѣнчался тою Царскою короною, присланною изъ Греціи, которую, какъ говорятъ намъ лѣтописи, Владиміръ Мономахъ отдалъ сыну своему

Георгію. Судьба, украсивъ ею на одну минуту Димитрія, не дала ему счастія носить ее; и такъ, первый Государь Руской, удостоившійся вѣнчаться ею, былъ Іоаннъ IV. Съ той минуты, какъ этотъ драгоцѣнный знакъ достоинства Царей, возложенъ былъ на молодаго Государя, онъ уже сдѣлался не только *Великимъ Княземъ*, какъ всѣ предки его—но и *Царемъ* Россіи. Мысль объ этомъ высокомъ званіи, о важности обязанностей его, о присутствіи Бога, принимающаго обѣщаніе Царей любить подданныхъ, какъ дѣтей своихъ—все это вмѣстѣ подѣйствовало такъ сильно на пылкую душу Іоанна, что выходя изъ церкви, онъ истинно желалъ сдѣлать счастливыми всѣхъ своихъ подданныхъ. Народъ, восхищенный величественнымъ видомъ перваго Царя своего, ласковыми взорами Его, надеждою на будущее счастіе — съ восторгомъ бросился къ Царскому мѣсту, и оборвалъ съ него всю золотую парчу. Каждому хотѣлось имѣть хотя

маленькій лоскутокъ на память этого незабвеннаго дня.

Между тѣмъ, еще за нѣсколько недѣль до коронованія, знатные чиновники придворные посланы были во всѣ области Рускія съ Указами Государя о томъ, что бы бояре и дворяне, имѣвшіе дочерей дѣвицъ, везли ко Двору всѣхъ, самыхъ прекрасныхъ изъ нихъ. Вы вѣрно удивляетесь, милыя дѣти, за чѣмъ нужно было при Дворѣ, такое собраніе красавицъ? А вотъ за чѣмъ, друзья мои: многіе изъ старинныхъ Государей нашихъ не хотѣли жениться на Принцессахъ иностранныхъ и надѣясь прожить счастливѣе съ своею соотечественницею, выбирали невѣстъ изъ своихъ подданныхъ. Для этого привозили изъ всѣхъ мѣстъ Россіи молодыхъ дѣвицъ, прекрасныхъ собою, дочерей бояръ и дворянъ знатныхъ и не знатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, и Государь выбиралъ изъ нихъ ту, которая болѣе всѣхъ ему нравилась.

Но ни при одномъ изъ такихъ случаевъ не собиралось въ Москвѣ столько прекрасныхъ, милыхъ, добрыхъ дѣвушекъ, какъ въ Январѣ 1547 года, когда Іоаннъ вскорѣ, послѣ коронованія хотѣлъ праздновать и свадьбу свою. Съ каждою изъ нихъ, пріѣзжали родители, а часто и родственники, и по этому вы вѣрно воображаете, милыя дѣти, что въ Москвѣ было въ это время очень шумно и весело? О! какъ же вы ошибаетесь! Всѣ эти дѣвицы,— или, какъ тогда называли ихъ—*боярышни*, не пользовались почти ни однимъ изъ тѣхъ невинныхъ удовольствій, какія имѣютъ теперь наши Рускія барышни. Всѣ онѣ проводили жизнь въ теремахъ *) родительскихъ, совсѣмъ отдѣльныхъ отъ той части дома, гдѣ отецъ или братья принимали гостей своихъ. Почти никогда не выходили

*) *Теремами* назывались у предковъ нашихъ отдѣльныя компаты для дѣвицъ, обыкновенно помѣщаемыя въ верхней части зданія.

онѣ за порогъ своихъ комнатъ, и къ тому же, ихъ не учили ни какимъ пріятнымъ искусствамъ, которыми онѣ могли бы развлечь скуку своего уединенія. Онѣ не умѣли не только рисовать или играть на какомъ нибудь инструментѣ, но даже не имѣли понятія и о простомъ чтеніи и письмѣ, въ которыхъ у насъ теперь иныя пятилѣтнія дѣвочки бываютъ искуссны! О! какъ я рада, что мы не родились въ то время, неправда ли, маленькія читательницы мои? Скучно было бы намъ сидѣть въ какомъ нибудь высокомъ теремѣ и ничего болѣе не дѣлать какъ прясть да шить, и иногда развѣ прогонять свою скуку какою нибудь заунывною пѣсенкою, въ которыхъ, говорятъ, были очень искусны наши пра-пра-прабабушки!

Красавицамъ, привезеннымъ ко Двору молодаго Царя Іоанна Васильевича и въ Москвѣ не было веселѣе, тѣмъ болѣе, что слухи о строгомъ, сердитомъ и даже жестокомъ нравѣ

жениха, такъ пугали бѣдняжекъ, что и самыя честолюбивыя не очень желали быть избранными. Другія же, болѣе скромныя, даже боялись этого выбора и едва поднимали прекрасные глаза свои, когда молодой Государь смотрѣлъ на нихъ. Но какъ обыкновенно, скромность нравится болѣе всего въ дѣвицѣ, то и Іоаннъ выбралъ изъ всѣхъ красавицъ самую скромную и отъ того, самую прелестную, Анастасію, дочь небогатой вдовы Захарьиной. Покойный отецъ невѣсты, Романъ Юрьевичъ, былъ Окольничимъ, а дѣдушка бояриномъ при Іоаннѣ III. Предки ихъ происходили отъ одного Прусскаго Князя, выѣхавшаго въ Россію съ двумя сыновьями и крестившагося въ Греческую вѣру въ 1287 году. Не забудьте этого Романа Юрьевича, милыя дѣти, отъ него произойдетъ въ послѣдствіи драгоцѣнное для насъ поколѣніе Романовыхъ,—Романовыхъ, уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ составляющихъ счастіе Россіи!

И такъ, Анастасія была дочь знаменитаго родоначальника Царей нашихъ. Всѣ историки того времени, съ восторгомъ говорятъ о прекрасныхъ качествахъ души и сердца этой первой *Царицы* Руской! Благочестіе, умъ, чувствительность, неизъяснимая кротость — все соединялось въ прелестной супругѣ Іоанна Васильевича. Смотря на ея милое, привлекательное лице, на ея небесные взоры, можно было подумать, что молитвы добраго народа услышаны и прекрасный Ангелъ рая посланъ на землю превратить грубое, суровое сердце Іоанна — въ нѣжное и сострадательное. Жестокости Іоанна, въ самомъ дѣлѣ уменьшились послѣ женидьбы его, а чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ и совсѣмъ кончились. Эта счастливая перемѣна была такъ удивительна, что маленькіе читатели мои вѣрно будутъ довольны, если я раскажу имъ какъ она сдѣлалась.

Іоаннъ, и послѣ коронованія своего, мало думалъ о Царскихъ обязанно-

стяхъ и не любя заниматься дѣлами предоставлялъ все на волю Глинскихъ, родственниковъ и любимцевъ своихъ, которые, не заботясь о пользѣ народа, думали только о своей собственной и безсовѣстно притѣсняли всѣхъ, кто хотя въ безделицѣ противорѣчилъ имъ, такъ что народъ возненавидѣлъ не только ихъ, но даже всѣхъ ихъ друзей и знакомыхъ.

Случай, показать эту ненависть вскорѣ представился. Въ Москвѣ, состоявшей почти изъ однихъ деревянныхъ домовъ, выстроенныхъ безъ всякаго порядка и очень близко одинъ къ другому — часто бывали пожары. Они были ужасны въ то время, когда еще не знали никакихъ пожарныхъ снарядовъ. 1547 годъ былъ особенно несчастливъ такими случаями. Въ два мѣсяца были тогда три страшные пожара. Все горѣло — и Царскіе дворцы, и боярскія палаты, и монастыри и церкви! — Люди, теряя не только имѣніе, но даже и родныхъ, или раздавленныхъ или сгорѣвшихъ —

выли какъ дикіе звѣри—сказано въ исторіи. И въ этомъ горестномъ положеніи, никто не утѣшалъ ихъ: Іоаннъ и всѣ первые вельможи уѣхали въ село *Воробьево*, недалеко отъ Москвы, и будучи сами въ безопасности, не думали о бѣдныхъ жителяхъ столицы. Недовольные рѣшились воспользоваться этимъ случаемъ. Главные непріятели были Глинскіе, и такъ на нихъ-то обратилась вся ненависть народа. Хитрецы, подстрекавшіе простолюдиновъ выдумали глупую сказку, будто бы мать Глинскихъ, Княгиня Анна, вынимала сердца изъ мертвыхъ, клала въ воду, кропила ею всѣ улицы, и отъ того сдѣлался пожаръ. Бояре и другіе умные люди не вѣрили такому вздору, но нарочно молчали, потому что и сами не любили Глинскихъ, и ожидали, что бы легкомысленный народъ повѣрилъ и избавилъ всѣхъ отъ общихъ притѣснителей. Такъ и случилось. Какъ скоро сказка разнеслась по городу, всѣ встревожились и съ шумомъ

собрались на площади Кремлевской, требуя отъ бояръ, чтобы имъ выдали всѣхъ Глинскихъ. Одинъ изъ нихъ, Князь Юрій, стоя тутъ же съ боярами, услышалъ этотъ крикъ и хотѣлъ спрятаться въ Успенской церквѣ, но не успѣлъ: народъ ворвался въ церковь вслѣдъ за нимъ, и въ безумной ярости своей сдѣлалъ неслыханное злодѣйство: убилъ въ храмѣ Божіемъ дядю Государева! Вы можете судить, друзья мои, что послѣ этого страшный бунтъ, грабительство и убійство распространились по всему городу!...

Въ эти ужасныя минуты,— когда и самъ грозный, безстрашный Іоаннъ встревожился въ Воробьевомъ дворцѣ своемъ, и не зналъ, что дѣлать—въ Царскую комнату его вошелъ какой-то простой священникъ. Лице его было сурово, взоры строги. Держа въ рукахъ Св. Писаніе, онъ подошелъ безъ всякаго страха къ Іоанну и пророческимъ голосомъ сказалъ, что Богъ наказываетъ Москву за вины Государя, неисполняю-

щаго своихъ обязанностей. Святая книга была раскрыта на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ описывались эти обязанности. Онъ далъ прочесть ихъ молодому Царю и все перемѣнилось въ Іоаннѣ! Въ эту священную минуту исправленія своего, онъ почувствовалъ въ полной мѣрѣ всѣ проступки свои, всю несправедливость, всю безпечность свою о народѣ, котораго счастіе зависѣло отъ одного его! Горькія слезы полились изъ глазъ его; съ жаромъ благодарилъ онъ добродѣтельнаго священника и не хотѣлъ растаться съ нимъ, что бы имѣть всегда съ собою совѣтника и наставника въ трудномъ дѣлѣ правленія государствомъ. Съ того же дня,—священникъ, котораго родина была—Новгородъ, а имя, Сильвестръ,—остался во дворцѣ, и все пошло иначе. У Іоанна былъ еще одинъ любимецъ, прекрасный молодой человѣкъ, Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ, котораго современники называли *земнымъ ангеломъ*: такъ онъ былъ добръ, уменъ, благоро-

день. Вотъ эти два человѣка, со дня исправленія молодаго Государя сдѣлались почти единственными совѣтниками его. Прежде всего, онъ усмирилъ бунтовщиковъ и помогъ всѣмъ бѣднымъ, потерпѣвшимъ отъ пожара; потомъ, чтобъ еще болѣе утвердиться въ добрыхъ намѣреніяхъ своихъ, онъ нѣсколько дней постился, каялся въ грѣхахъ своихъ, и наконецъ причастился Св. Тайнъ. Примирясь такимъ образомъ съ Богомъ и совѣстію, этотъ великій Государь хотѣлъ показать свое исправленіе не только передъ Москвою, но и передъ всею Россіею, и для того велѣлъ созвать изъ всѣхъ городовъ, людей избранныхъ всѣхъ состояній. Они всѣ съѣхались, не зная за какимъ дѣломъ призывалъ ихъ Государь въ столицу,—и вотъ, въ одно воскресенье, послѣ обѣдни, Іоаннъ вышелъ изъ Кремля со всѣмъ духовенствомъ, боярами и войскомъ, на большую площадь, гдѣ находилось возвышеніе, называемое

Лобнымъ мѣстомъ. *) Вся площадь была покрыта народомъ, но все было тихо. Отслужили молебенъ. Тогда Іоаннъ обратился къ Митрополиту и сказалъ: „Святый Владыко! знаю твою любовь къ отечеству: помоги мнѣ въ моихъ добрыхъ намѣреніяхъ! Рано Богъ лишилъ меня отца и матери, а вельможи не старались обо мнѣ; своевольствовали, отнимали моимъ именемъ у людей чины и богатство, притѣсняли народъ — и ни кто не останавливалъ ихъ! Въ жалкомъ дѣтствѣ своемъ, я былъ какъ будто бы глухъ и нѣмъ: не слушалъ бѣдныхъ и не защищалъ ихъ! Судьи несправедливые! вы дѣлали, что хотѣли! Сколько слезъ, сколько крови отъ васъ пролилося! Я не виноватъ въ этой крови и слезахъ!“ — Здѣсь молодой Царь поклонился на всѣ стороны и продолжалъ такъ: „Люди Божіи и Богомъ намъ данные! умоляю вашу вѣру къ Нему и любовь къ намъ:

*) Оно существуетъ и теперь.

будьте великодушны! Нельзя исправить *прошедшаго* зла! Я могу только *впередъ* спасать васъ отъ притѣсненій. Забудьте, чего ужъ нѣтъ и не будетъ! Соединимся всѣ любовію христіанскою. Съ этого дня я вашъ судія и защитникъ!"

Чего не льзя было ожидать отъ такого Государя, который въ семнадцать лѣтъ, и при всемъ дурномъ воспитаніи своемъ, имѣлъ столько величія и благородства? О! какъ сильно кроткія слова его восхитили всѣхъ Рускихъ! Они увидѣли счастливую перемѣну въ сердцѣ Царя, увидѣли исполненіе молитвъ своихъ, и съ радостными слезами обнимали и поздравляли другъ друга съ новымъ правленіемъ. Оно — съ этого счастливаго дня — въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось новое: власть бояръ кончилась, и Государь началъ управлять не по ихъ волѣ, но по своей собственной, всегда болѣе благодѣтельной для народа.

КАЗАКИ.

Отъ 1547 до 1552 года.

(Пер. 5 лѣтъ.)

Вмѣстѣ съ нравомъ Іоанна перемѣнилось и все его окружавшее. На Кремлевской площади уже не слышны были крики людей, бѣжавшихъ отъ злыхъ медвѣдей; въ комнатахъ дворца уже не раздавался хохотъ шутовъ, шутихъ и скомороховъ, *) которыхъ

*) Такъ называли людей веселыхъ и забавныхъ, которыхъ привозили изъ разныхъ областей: должность ихъ была смѣшить Государя, во всякое время, когда позволялось это.

было тамъ множество въ то время, когда Іоаннъ занимался только забавами. Нѣтъ! теперь занятія его были совсѣмъ другаго рода: каждый часъ употреблялъ онъ на что нибудь полезное, каждую минуту думалъ о томъ, чтобы вознаградить недостатокъ своего воспитанія. Во время же отдыха отъ трудовъ, наслажденіемъ его были, не прежнія, жестокія забавы — но пріятное общество добродѣтельной и прелестной супруги и умнаго друга его — Адашева. Благочестивая, кроткая, прекрасная душа первой, утверждала молодаго Царя во всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ его, и молилась о продолженіи ихъ; а проницательный, твердый, дѣятельный умъ втораго, помогалъ ему открывать несправедливость и защищать слабыхъ отъ притѣсненій сильныхъ. Великія способности Іоанна Васильевича, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удивляли счастливыхъ подданныхъ его. Какъ скоро образъ жизни его перемѣнился—

не смотря на множество различныхъ и трудныхъ занятій, не смотря на чрезвычайную молодость свою, онъ принялся за дѣло — самое важное для государства: *законодательство*. Вмѣстѣ съ умнѣйшими боярами, онъ разсмотрѣлъ всѣ прежніе законы Великихъ Князей и послѣднее Уложеніе Іоанна III-го, и дополнивъ его новыми постановленіями издалъ въ 1550 году книгу законовъ: *Судебникъ*, или вторую *Рускую Правду*.

Для лучшаго образованія юношества, приготовлявшагося къ духовному званію,—молодой, попечительный Государь приказалъ завести училища въ Москвѣ и въ другихъ городахъ.

Онъ хотѣлъ просвѣтить не одно духовенство, но и весь народъ свой, и для того поручилъ одному Саксонцу Шлитту, который жилъ въ Москвѣ, вывезти изъ Нѣмецкой земли разныхъ ремесленниковъ, художниковъ, лекарей, аптекарей, типографщиковъ и другихъ искусныхъ людей. Это благодѣтельное

*

намѣреніе молодаго Государя не исполнилось: Шлиттъ, хотя и отправился въ Германію и уже набралъ тамъ 120 человѣкъ; но Ливонскіе Рыцари, боясь, что вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ Россіи, могущество и сила ея еще болѣе увеличатся,—не допустили въ Москву умныхъ Нѣмцевъ, и самаго Шлитта посадили въ темницу. Однакожъ нѣкоторые изъ нихъ пробрались потомъ въ Россію и были полезны для предковъ нашихъ своими знаніями.

Ливонцы тѣмъ болѣе боялись Россіи, что въ это время Рыцари ихъ уже не были тѣми храбрыми, неустрашимыми воинами, которымъ не разъ удавалось побѣждать предковъ нашихъ. Лишась помощи Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи, уничтоженнаго Польскимъ Королемъ Сигизмундомъ въ 1522 году, они сдѣлались гораздо слабѣе, и уже не смѣя нападать на владѣнія наши, заключили въ 1503 году перемиріе съ Россіей на пятдесятъ лѣтъ.

Во время такого продолжительнаго спокойствія, Ливонцы болѣе занимались торговлею, отъ которой такъ разбогатѣли, такъ привыкли къ пріятностямъ жизни, къ нѣгѣ, къ роскоши, что Рыцари и дворяне ихъ, ничего болѣе не дѣлали, какъ только строили себѣ великолѣпные замки, и думали уже не о войнѣ и ея опасностяхъ, но о томъ, какъ бы имъ веселѣе пожить и попировать въ своихъ богатыхъ помѣстьяхъ. Они охотно откупались отъ всякой войны деньгами, чтобы только не разставаться съ своими пріятными забавами, и по этому милые читатели мои могутъ судить, что Іоанну IV нечего было опасаться Ливоніи. Онъ досадовалъ на нее только за то, что она не пропустила къ намъ людей, для него нужныхъ, и сбирался жестоко наказать ее за такую дерзость.

Но гораздо болѣе тревожили его Ханы Крымскіе. Изъ нихъ, Магметъ-Гирей, еще при Василіи Іоанновичѣ имѣлъ намѣреніе соединить три Батыева Цар-

ства: Казань, Астрахань и Крымъ или Тавриду въ одно государство, и тогда, бѣдные предки наши можетъ быть, опять подпали бы подъ власть Татаръ; но Богъ избавилъ Россію отъ этого новаго несчастія, и хотя Магметъ-Гирею удалось сдѣлать Казанскимъ Царемъ, брата своего Саипъ-Гирея, однакожъ онъ самъ вскорѣ убитъ былъ Нагайскимъ Ханомъ Мамаемъ, а наслѣдники его не имѣли столько ума и твердости, чтобы исполнить его намѣреніе. Они вмѣстѣ съ Казанцами только тревожили границы наши частыми набѣгами и разоряли жителей, но Іоаннъ Васильевичъ, имѣя храбрыхъ воеводъ, умѣлъ усмирять ихъ, и даже могъ уже думать о совершенномъ покореніи этихъ безпокойныхъ враговъ. Опаснѣе всѣхъ—казались ему Казанцы, какъ самые близкіе и самые хитрые сосѣди владѣній нашихъ. Нѣсколько разъ уже молодой Царь посылалъ войско для покоренія этой области, но напрасно: крѣпость Казанская, хотя и

деревянная — выдерживала всѣ нападенія, и не сдавалась! Однакожъ, Іоаннъ Васильевичъ,—какъ всѣ умные и твердые люди — не боялся неудачъ: напротивъ того, при каждой изъ нихъ, онъ увеличивалъ свои усилія, и всегда думалъ, что рано или поздно, онѣ будутъ успѣшны. Такъ, возвращаясь въ одномъ изъ такихъ походовъ — отъ стѣнъ Казанскихъ—онъ остановился въ 30 верстахъ отъ нихъ, у высокой горы, называвшейся *Круглою*. Подлѣ нее текла рѣка Свіяга. Съ вершины этой горы открывался неизмѣримый видъ во всѣ стороны. Іоаннъ, любуясь красотою мѣста, съ восхищеніемъ вскричалъ: „Здѣсь будетъ городъ Христіанской! Стѣснимъ Казань: Богъ отдастъ ее намъ въ руки!„ Молодой, но великій Государь сказалъ это—и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ—прекрасный городъ *Свіяжскъ* уже красовался на Круглой горѣ, и возвышаясь почти надъ самою Казанью, какъ будто бы уже гордился своею будущею надъ нею побѣдою!

Построивъ эту новую крѣпость для защиты подданныхъ своихъ отъ нападеній Казанцевъ, Іоаннъ IV черезъ годъ построилъ еще двѣ другія отъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ: городъ *Михайловъ* на рѣкѣ Пронѣ въ Рязанской области и *Шатскъ*, на рѣкѣ Цнѣ, въ нынѣшней Тамбовской Губерніи. Но главною защитою той части отечества нашего, которая лежала между Азовскимъ и Каспійскимъ морями, сдѣлался въ то время новый, храбрый и неустрашимый народъ, о которомъ давно уже пора расказать моимъ читателямъ.

Это были Казаки, милыя дѣти, Казаки, которые такъ смѣлы на войнѣ, такъ искусны въ сраженіяхъ, такъ ловки и проворны верьхомъ на маленькихъ быстрыхъ лошадяхъ своихъ; Казаки, которыхъ всѣ вы такъ любите, которыхъ *Атаманомъ* или главнымъ Начальникомъ теперь—нашъ прекрасный Ангелъ, нашъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ! Мы видимъ Его

въ казачьемъ мундирѣ чаще нежели въ другихъ: стало быть Онъ любитъ Казаковъ, а эта любовь доказываетъ, что они добрые, честные, благородные люди. Какъ же должно быть пріятно узнать о томъ, гдѣ и какъ они жили въ старину, отъ кого произошли, всегдá ли были такими, каковы они теперь. О! исторія ихъ любопытна! Послушайте, друзья мои.

Каждый народъ улучшается со временемъ; такъ и Казаки, въ началѣ своего существованія при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, далеки были отъ славныхъ потомковъ своихъ, отъ того неустрашимаго, отъ того всегда—неизмѣннаго Государю и Отечеству-Войска Донскаго, которымъ мы гордимся теперь предъ всею Европою! Повѣрите ли вы даже, что первые Казаки были бѣглецы, оставившіе свою родину, Россію, и жившіе всякими несправедливостями? Защищая своихъ любимцевъ, читатели мои, уже знающіе Римскую Исторію, вѣрно скажутъ, что и Ри-

мляне были такого же происхожденія, и сдѣлались потомъ первымъ народомъ въ свѣтѣ. Точно, вы правы, милыя дѣти, происхожденіе никогда не можетъ уменьшить цѣну хорошихъ качествъ человѣка, и тѣмъ менѣе можетъ вредить нашимъ добрымъ Донскимъ соотечественникамъ, что они не сами начали такой родъ жизни, но только подражали тому народу, къ которому удалились, оставивъ отечество.

Этотъ народъ были *Черные Клобуки*, которыхъ Князья Рускіе, во время прежнихъ ссоръ своихъ, часто нанимали, чтобы вести войну другъ съ другомъ. Они были славные наѣздники, охотники драться и грабить, и за деньги, съ радостію рѣшались на всякія опасности. Ихъ называли также *Казаками.* *) Они жили на низовыхъ

*) Имя *Казаковъ* происходитъ отъ *Касоговъ*, народа жившаго около Чернаго моря. Я говорила вамъ, милыя дѣти, что еще Святославъ I-й побѣдилъ ихъ.— Слово *Казакъ* значитъ: *легко-вооруженнаго коннаго воина.*

берегахъ Днѣпра и Днѣстра. Вотъ, въ то время, когда Татары, безъ всякой жалости разоряли Россію,—многіе изъ предковъ нашихъ, жившихъ въ южныхъ областяхъ, и особенно Малороссіяне, лишенные жестокими варварами своихъ родственниковъ, а часто и всего имѣнія, оставляли бѣдное отечество и уходили плакать о своихъ несчастіяхъ къ Казакамъ, которые ласково принимали ихъ въ свою службу, давали имъ лошадей, оружіе, учили ихъ своему удальству и наѣздничеству, называли своими братьями — Казаками. Несчастные, потерявъ все, что было для нихъ мило, ненавидя Татаръ, радовались случаю мстить имъ, охотно исполняли всѣ приказанія Казаковъ, гордились ихъ именемъ, и съ того времени не называли себя иначе. Пріятный климатъ, прекрасныя мѣста, изобиліе и свобода во всемъ, увеличивали съ каждымъ годомъ число бѣглецовъ, такъ что чрезъ двѣсти лѣтъ, они совсѣмъ смѣшались съ Черными Клобуками и

составили одинъ народъ, уже называвшійся только *Казаками*. Владѣнія ихъ дошли до Азовскаго моря, и Казаки, жившіе на берегахъ его, назывались *Азовскими*; а первые, жившіе около Днѣпра и Днѣстра—*Запорожскими*, а потомъ *Украинскими*. Были также Казаки *Ординскіе*: ихъ называли такъ, потому что они состояли по большей части изъ Татаръ или бѣглецовъ изъ Орды. Всѣ эти различные Казаки управлялись Атаманами, которыхъ сами выбирали. Главныя качества ихъ, которыми они любили хвалиться, были удальство и удивительная храбрость. Они такъ безстрашно нападали на своихъ непріятелей, такъ ловко защищались, такъ проворно скрывались отъ нихъ, что предки наши не могли надивиться ихъ искусству, и часто нанимали ихъ въ свою службу, а потомъ, насмотрѣвшись на нихъ, заводили и у себя въ пограничныхъ городахъ, такіе же полки, и называли ихъ *Казачьими*.

Въ 1480 году, Азовскіе Казаки оказали важную услугу нашему отечеству: 16,000 ихъ была съ Тюменскимъ Княземъ Ивакомъ въ то время, когда онъ побѣдилъ послѣдняго Хана Золотой Орды, Ахмата, послѣ котораго Россія уже не была болѣе данницею Татаръ. Но Азовскіе и Ординскіе Казаки существовали только до 1500 года: состоя болѣе изъ бѣглецовъ Татарскихъ, они вѣроятно разошлись по домамъ или пристали къ скитающимся Калмыкамъ. Какъ бы то ни было, только Исторія съ тѣхъ поръ уже ничего не говоритъ о нихъ, но за то очень много о Казакахъ, поселившихся около 1500 года, на берегахъ рѣки Дона, и отъ того названныхъ *Донскими*. Эти всѣ уже были наши Рускіе выходцы и бѣглецы, исповѣдывали одну съ нами вѣру, говорили однимъ съ нами языкомъ, имѣли одни съ нами обычаи. И такъ, о нихъ какъ о самыхъ близкихъ къ намъ по происхожденію, мы поговоримъ нѣсколько подробнѣе.

Они жили по правому берегу Дона, отъ устья рѣки Аксая до границъ нынѣшней Воронежской Губерніи. Маленькіе городки ихъ были разбросаны въ глуши лѣсовъ и между болотъ, и состояли изъ шалашей и землянокъ, во все не красивыхъ, потому что Казаки не заботились объ этой красотѣ для того—какъ говорили ихъ прадѣды-*чтобы глазъ непріятельскій не любовался ими,* и чтобы можно было безъ сожалѣнія оставить ихъ, во время сильнаго нападенія враговъ.

Главный городъ ихъ былъ *Раздоры,* а потомъ *Черкаскъ.* Сюда собирались они изъ всѣхъ городковъ своихъ на совѣтъ, который назывался у нихъ не Вѣче, какъ у Новгородцевъ но *Кругъ.* На этомъ *Кругу* рѣшались всѣ дѣла общественныя, и тутъ, каждый годъ, народъ выбиралъ Атамановъ и старшинъ своихъ. Надобно сказать вамъ, милыя дѣти, что своевольство Казаковъ было горлздо хуже Новгородскаго: они не признавали надъ собой никакого

Государя, и только тогда уже, когда Короли Польскіе начали притѣснять всѣхъ Запорожскихъ и Литовскихъ Казаковъ,—Донскіе назвались подданными Іоанна IV. Но они желали только покровительства его, не думая повиноваться ему въ полной мѣрѣ. Только одно приказаніе Іоанна Васильевича исполняли они всегда въ точности: приказаніе защищать границы его государства отъ Татаръ Крымскихъ, Нагайскихъ и другихъ варваровъ, еще бродившихъ около Южныхъ областей нашихъ.

Видя какъ усердно Казаки подстерегали непріятелей, какъ искусно и храбро били и прогоняли ихъ, Іоаннъ IV былъ доволенъ ими, ничего болѣе не требовалъ и даже не наказывалъ ихъ за безпрестанныя своевольства.

Таковы еще были Донскіе Казаки въ началѣ царствованія Іоанна Васильевича. Такъ мы ихъ оставимъ теперь сторожить границы наши, а сами по-

спѣшимъ въ Москву: тамъ молодой Государь собирается на какое-то важное дѣло!

ПОКОРЕНІЕ ЦАРСТВА КАЗАНСКАГО.

1552 годъ.

Положась на храбрость Казаковъ, Іоаннъ не безпокоился о южныхъ областяхъ своихъ. Швеція и Ливонія также не были страшны: онѣ ничего болѣе не желали какъ свободной торговли съ Россіею. Польскимъ Королемъ былъ уже не безпокойный Сигизмундъ, умершій въ 1548 году, но сынъ его *Августъ*, который занимался болѣе забавами, нежели государственными дѣла-

ми. И такъ, почти со всѣхъ сторонъ Іоаннъ Васильевичъ могъ быть споко-енъ: одни Казанцы безпрестанно напа-дали на наши области. Всегдашняя не-нависть ихъ къ Рускимъ, сдѣлалась еще сильнѣе съ тѣхъ поръ, какъ Ка-занью владѣли Крымскіе Ханы. Саитъ-Гирей, послѣ смерти брата своего Маг-мета, уѣхалъ управлять Крымомъ, а въ Казани оставилъ племянника своего Сафа-Гирея; законный же Царь Казан-цевъ, Шигъ-Алей, изгнанный народомъ своимъ, жилъ въ Москвѣ, подъ покрови-тельствомъ Государя Рускаго. Нѣсколь-ко разъ Іоаннъ возвращалъ ему поте-рянный престолъ, но вскорѣ онъ опять лишался его. Казанцы не любили Шигъ-Алея за то, что онъ признавалъ власть Россіи надъ Казанью и былъ всегда вѣ-ренъ Іоанну.

Въ 1549 году умеръ Сафа-Гирей. Наслѣдникомъ его остался, двухлѣтній сынъ, Утемишъ-Гирей; правительни-цею Казани, во время его малолѣтства мать его, прекрасная Царица *Сююнбека*

или *Сумбека.* *) Смотря на эту молодую женщину, совсѣмъ не привыкшую къ дѣламъ государственнымъ, и на маленькаго Утемишъ-Гирея, еще не умѣвшаго говорить, многіе изъ вельможъ Казанскихъ боялись за отечество свое, и послали къ Крымскому Хану просить защиты противъ Царя Рускаго. Другіе, приверженные къ законному Государю своему, Шигъ-Алею, звали его на престолъ Казанскій и клялись въ вѣчной вѣрности къ нему и Россіи. Вы можете представить себѣ, милыя дѣти, какая суматоха была тогда въ Казани! Каждый дѣлалъ что хотѣлъ, и огорченная Сумбека часто плакала, не зная какъ справиться съ своими непокорными подданными.

Между тѣмъ Іоаннъ Васильевичъ

*) Когда нибудь вы прочтете Россіяду, поэму Хераскова, въ которой представлено паденіе Казани и много говорится о Сумбекѣ. Эта Поэма дала мысль къ сочиненію прекраснаго балета *Сумбека.* Вѣрно многіе изъ васъ восхищались имъ на нашемъ театрѣ.

спѣшилъ воспользоваться такимъ состояніемъ враговъ, болѣе ста лѣтъ разорявшихъ подданныхъ его своими набѣгами и съ лучшимъ воинствомъ и Царемъ Шигъ-Алеемъ пошелъ самъ къ Казани. Это былъ тотъ самый походъ, во время котораго построенъ былъ городъ Свіяжскъ. Полудикіе народы— Чуваши, Мордвы, Черемисы — жившіе въ окрестностяхъ его, и бывшіе данниками Казанцевъ, такъ удивились неожиданному появленію этого прекраснаго города на высокой горѣ своей, такъ поражены были волшебною — по мнѣнію ихъ — силою того, кто могъ сдѣлать это, что сами послали своихъ знатныхъ людей къ Іоанну, и просили его, взять ихъ въ подданство къ себѣ.

Умный Государь предвидѣлъ большую пользу отъ новыхъ подданныхъ: отдѣляясь отъ Казани, они уменьшили силы ея, и увеличили его собственныя, и потому Іоаннъ принялъ ихъ благосклонно, осыпалъ милостями и подарками и не обманулся въ своихъ

ожиданіяхъ: Казанцы, потерявъ помощь столь многихъ данниковъ, сдѣлались гораздо сговорчивѣе и скоро согласились на всѣ требованія Государя Рускаго: признали Царемъ своимъ Шигъ-Алея, и отправили въ Москву прекрасную Сумбеку и сына ея. Хотя потомки Хановъ Крымскихъ беззаконно владѣли престоломъ Казанскимъ, но жалко было смотрѣть какъ эта бѣдная Государыня, еще такъ недавно гордившаяся своею славою и красотою, — теперь слабая и печальная — отправлялась плѣнницею въ столицу Рускую. Тихо ѣхала она въ колесницѣ до рѣки Казанки, гдѣ стояла богатая лодка. За нею —пѣстуны несли на рукахъ маленькаго Утемишь-Гирея, который, ничего не понимая, радовался новой прогулкѣ и весело улыбался. Бывшая Царица, садясь въ лодку, печально поклонилась народу, провожавшему ее и навсегда простилась съ нимъ.

Между тѣмъ безпокойные Казанцы не долго были довольны новымъ Ца-

ремъ, хотя правду сказать и самъ Шигъ-Алей виноватъ былъ: онъ обходился съ ними слишкомъ жестоко и тѣмъ заставилъ всѣхъ возненавидѣть себя до того, что чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ пріѣхали въ Москву послы Казанскіе и объявили Іоанну Васильевичу, что Казань умоляетъ его избавить ее отъ Шигъ-Алея и дать только *намѣстника Московскаго*, которому она будетъ повиноваться охотнѣе, нежели жестокому Царю своему.

Іоаннъ еще разъ милостиво выслушалъ Казанцевъ, еще разъ исполнилъ просьбу ихъ: убѣдилъ Шигъ-Алея выѣхать изъ Казани и сдѣлалъ намѣстникомъ ея, Князя Микулинскаго. Покореніе безпокойнаго Царства казалось уже несомнительнымъ, но прежде нежели Князь Микулинскій успѣлъ доѣхать туда, — Казань еще разъ измѣнила!

На эту—уже послѣднюю измѣну—преклонилъ ее опять Крымскій Ханъ, но уже не Саипъ-Гирей, недавно умершій, а племянникъ его Девлетъ-Гирей.

Онъ обѣщалъ Турецкому Султану—начинавшему бояться могущества Россіи, спасти Казань и поддержать прежнюю славу Татарскаго Царства. Сдѣлавъ Казанскимъ Царемъ, Астраханскаго Царевича Эдигера — Девлетъ-Гирей отправилъ его туда, а самъ зная, что Іоаннъ занятъ теперь одною Казанью и что даже большая часть казаковъ находится тамъ въ службѣ его—вздумалъ сдѣлать сильное нападеніе на Рускія области.

Но благоразуміе, храбрость и болѣе всего вѣра Іоанна, спасли Россію! Надѣясь на Бога, помогающаго справедливости, онъ принялъ самъ начальство надъ войскомъ, не смотря на слезы Царицы Анастасіи и всего народа, которые умоляли его беречь драгоцѣнную жизнь свою и остаться въ Москвѣ. Утѣшая плачущихъ и обнимая нѣжную супругу свою, онъ показалъ такую твердость, какой нельзя было ожидать отъ его молодости. Смотря на его веселое, мужественное лице,

всѣ, самые слабые люди, ободрились и съ какою-то надеждою простились съ нимъ 16 Іюня 1552 года.

Эта надежда была не напрасна: не прошло мѣсяца, и Крымскій Ханъ уже бѣжалъ изъ Россіи, скорѣе нежели пришелъ туда, а побѣдитель его уже отправился въ походъ на Казанцевъ. Однакожъ покореніе этого мятежнаго народа дорого стоило Рускимъ, не смотря на то, что они имѣли гораздо болѣе познаній въ военномъ искусствѣ, нежели Казанцы: здѣсь, въ первый разъ говорится въ исторіи нашей о подкопахъ, которыми Руские взрывали стѣны и башни Казанскія, и которыя помогли имъ наконецъ ворваться въ городъ и одержать совершенную побѣду. Предки наши очень гордились этою побѣдою, и имѣли на то полное право, потому что Казанцы, рѣшившись скорѣе умереть, нежели покориться, сражались такъ отчаянно, что осада Казани, не смотря на всѣ убѣжденія Іоанна Васильевича, не смотря на всѣ

мирныя предложенія его, продолжалась съ Августа мѣсяца до 1-го Октября. Въ этотъ день сдѣланъ былъ рѣшительный приступъ, взорвано нѣсколько новыхъ подкоповъ, и послѣ геройства почти невѣроятнаго съ обѣихъ сторонъ, гордая Казань наконецъ сдалась Рускому войску, котораго начальникомъ былъ знаменитый Князь Воротынскій, первый виновникъ побѣды, и назвала Государемъ своимъ Іоанна Васильевича. Но жители ея, прежде нежели рѣшились на это, сдѣлали все, что только подавало имъ малѣйшую надежду къ спасенію своего царства: они зажигали свои домы, сражались даже посреди города, въ улицахъ, и наконецъ Царь ихъ, Эдигеръ, съ остальными Казанцами, еще около часа защищался въ укрѣпленномъ дворцѣ Царскомъ. Но храбрость Руских побѣдила все! Не гордясь своею побѣдою, они приписывали ее святой помощи Бога и благочестивый Государь, войдя въ пылавшій городъ, прежде всего принесъ

благодарность небесному Помощнику своему и отслуживъ молебенъ у главныхъ городскихъ воротъ, называвшихся *Царскими*, поставилъ на этомъ мѣстѣ крестъ и назначилъ быть тамъ первой церкви Христіанской. Тутъ же послѣ молебна представили ему бывшаго Царя Казанскаго, Эдигера. Іоаннъ принялъ его съ кротостію, и видя, что онъ раскаевается въ своемъ упрямствѣ, и даже желаетъ креститься въ вѣру Христіанскую, не упрекалъ его ни въ чемъ. Впрочемъ молодой Государь былъ такъ счастливъ славною побѣдою своею, такъ радовался покоренію знаменитаго царства, такъ утѣшался мыслію, что подданные его навсегда избавились отъ нападеній жестокихъ Казанцевъ, что ему не хотѣлось ни на кого сердиться: онъ былъ ласковъ ко всѣмъ, благодарилъ за храбрость и знатныхъ воеводъ и простыхъ воиновъ, утѣшалъ раненыхъ, плакалъ объ убитыхъ, заботился даже о врагахъ, хвалилъ ихъ мужество, и

шакъ обходился съ побѣжденными, что разбѣжавшіеся жители Казани, на другой же день возвратились въ домы свои и сдѣлались вѣрными подданными его.

Устроивъ новый порядокъ въ Казани, сдѣлавъ Намѣстникомъ ея, Князя Александра Горбатаго-Шуйскаго, а товарищемъ его Князя Серебрянаго, и оставивъ у нихъ около 5000 войска, Іоаннъ Васильевичь отправился 11 Октября въ Москву. Не льзя описать съ какою радостію встрѣчали его по всей дорогѣ! Молодой двадцати-двухлѣтній побѣдитель народа жестокаго и отчаянно-храбраго, народа, 115 лѣтъ разорявшаго Россію — казался всѣмъ человѣкомъ неземнымъ, казался ангеломъ, посланнымъ отъ Бога вознести отечество наше выше всѣхъ другихъ государствъ! Мы —привыкшіе видѣть Руских побѣдителями во всѣхъ войнахъ, какія случались въ наше время; мы уже соединившіе съ именемъ Рускаго — мысль о военной славѣ, — мы никакъ не можемъ

*

понять всей радости, какую чувствовали предки наши, услышавъ о побѣдѣ Іоанна! Это былъ какой-то неизъяснимый восторгъ, о которомъ всѣ историки ихъ говорятъ какъ поэты.

Въ то самое время какъ Москва готовилась встрѣтить любимаго Государя своего, судьба — казалось, хотѣла дать ему почувствовать все счастіе возможное для человѣка: у него родился первый сынъ и наслѣдникъ — Царевичь Димитрій. Эта новая радость восхитила сердце Іоанна: онъ не зналъ какъ благодарить Бога за всѣ милости, ему посылаемыя! Чувствуя всю великость ихъ, онъ съ слезами на глазахъ подъѣзжалъ къ столицѣ и еще за шесть верстъ отъ нее встрѣченъ былъ народомъ, который тѣснился около его лошади, цѣловалъ его ноги, руки, и безпрестанно кричалъ: „Многая лѣта Царю благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю Христіанъ!" Ласково кланяясь на всѣ стороны, Государь едва могъ проѣхать сквозь тѣ-

сные ряды народа! Отслушавъ молебенъ въ Успенскомъ Соборѣ, Іоаннъ спѣшилъ во дворецъ. Здѣсь-то, обнимая супругу и сына, слушая поздравленія окружавшихъ его вельможъ, видя искреннюю любовь народа, толпившагося съ радостными криками на площади дворцовой, молодой герой почувствовалъ всю цѣну счастія, какимъ Богъ наградилъ твердое намѣреніе его исправиться, и благословилъ минуту своей чудесной перемѣны. Ахъ! еслибы онъ навсегда остался тѣмъ, чѣмъ былъ въ это незабвенное время! Тогда Россія назвала бы его не *Грознымъ*- но *Великимъ* Іоанномъ!

СЛАВА ІОАННА IV

и

КОНЧИНА АНАСТАСІИ.

Отъ 1552 до 1560 года.

(Пер. 8 лѣтъ.)

Послѣ побѣды Казанской много было праздниковъ при дворѣ, но самымъ лучшимъ и пріятнымъ—было крещеніе Царевича-наслѣдника и двухъ бывшихъ Царей Казанскихъ: Эдигера и маленькаго Утемишь-Гирея. Первый, названный *Симсономъ*, жилъ потомъ въ Кремлѣ, имѣлъ много бояръ, служившихъ

при немъ и женился на дочери одного знатнаго чиновника, Кутузова. Сохранивъ до смерти имя Царя Казанскаго, онъ совершенно забылъ прежнее свое царство и во всю жизнь свою былъ вѣрнымъ подданнымъ Россіи. Чтожъ касается до маленькаго Утемишъ-Гирея, котораго въ крещеніи назвали *Александромъ*, то Государь взялъ его къ себѣ, во дворецъ, и заботился о немъ, какъ о сынѣ.

Еще жители Московскіе не успѣли наговориться о покореніи Казани, еще не успѣли нарадоваться славѣ молодаго Царя своего, какъ вдругъ разнеслась ужасная вѣсть объ его опасной болѣзни: Іоаннъ занемогъ сильною горячкою. Всѣ встревожились, всѣ съ отчаяніемъ говорили: „видно грѣхи наши страшно — велики, когда Богъ отнимаетъ у насъ такого Государя!„ Это отчаяніе было общее, начиная отъ дворца до самыхъ бѣдныхъ жилищъ: всѣ равно любили Іоанна добраго, вели-

каго, обѣщавшаго такъ много славы народу своему!

Между тѣмъ, какъ это новое несчастіе заставляетъ плакать всю Москву, мы съ маленькими читателями посмотримъ что дѣлается во дворцѣ Кремлевскомъ, и особенно въ почивальной Государя! О! тамъ была еще сильнѣйшая горесть: тамъ плакала Царица о супругѣ, нѣжно любимомъ, тамъ плакали бояре о славѣ и величіи Россіи, которыя должны были погаснуть вмѣстѣ съ жизнію Іоанна! Но не всѣ изъ нихъ были заняты этою мыслію, и когда умирающій Іоаннъ объявилъ наслѣдникомъ сына своего, малютку Димитрія и приказалъ знатнѣйшимъ чиновникамъ, присягнуть ему, — не всѣ согласились на это. Многіе изъ бояръ начали шумѣть, спорить, говорили, что они не намѣрены опять подвергнуться тѣмъ несчастіямъ, какія уже испытали во время малолѣтства Іоанна, и хотѣли по смерти его сдѣлать Государемъ своимъ, не роднаго брата

его Юрія, слабаго умомъ и памятью, но двоюроднаго, Владиміра Андреевича, имѣвшаго много блестящихъ достоинствъ. Вообразите себѣ, милыя дѣти, ужасное положеніе Іоанна Васильевича, какъ Царя и отца! Не смотря на всю жестокость болѣзни, онъ былъ въ полной памяти, и слышалъ весь этотъ споръ! И безъ того, невыразимо-грустно было для него разставаться съ жизнію; оставлять столько радостей, столько счастія, столько славы! Оставлять прекрасную, добродѣтельную супругу, шести-мѣсячнаго сына, добрый народъ, такъ искренно простившій прежніе пороки его, и такъ нѣжно любившій его!... Все это, живо представляясь Іоанну, мучило его жестокою тоскою, и въ это самое время онъ услышалъ споръ бояръ, отвергавшихъ сына его! Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы остановить ихъ, а нечувствительные, забывъ о Государѣ умирающемъ, шумѣли въ самой спальнѣ его! Въ числѣ ихъ, Іоаннъ, съ новою горестію

увидѣлъ и Окольничаго Ѳедора Адашева, отца любимца его Алексія, и духовника своего, Сильвестра.

Но Богъ вѣроятно хотѣлъ только испытать этою болѣзнію твердость молодаго Государя: къ радости всѣхъ, онъ выздоровѣлъ, и хотя въ немъ осталось непріятное воспоминаніе о томъ, что люди, самые приближенные къ нему, не хотѣли назвать Царемъ сына его, но великая отъ природы душа Іоанна простила вину ихъ. Можетъ быть, и самое воспоминаніе объ этомъ жестокомъ оскорбленіи, со временемъ, совершенно изгладилось бы изъ его сердца, еслибъ не слѣдующій случай:

Государь, желая показать пламенную благодарность свою къ Богу, ѣздилъ послѣ выздоровленія вмѣстѣ съ супругою и даже маленькимъ Царевичемъ въ Бѣлозерскій Кирилловъ монастырь, *) и тамъ видѣлся съ бывшимъ

*) Этотъ монастырь и нынѣ существуетъ, и находится въ Новгородской Губерніи при озерѣ Одольскомъ въ 36 верстахъ отъ Бѣлаго Озера.

Епископомъ Вассіаномъ, который пользовался нѣкогда большею милостію Великаго Князя Василія IV, но потомъ, въ правленіе Бояръ, былъ сосланъ за хитрости и жестокость. Съ того времени, онъ ненавидѣлъ бояръ и не смотря на старость свою, искалъ всѣхъ случаевъ вредить имъ. Какъ же онъ обрадовался, когда Государь пріѣхалъ въ тотъ монастырь, гдѣ онъ жилъ; а еще болѣе, когда пришелъ къ нему въ келлію, началъ милостиво разговаривать съ нимъ о томъ времени, когда Вассіанъ былъ еще при Дворѣ, и уважая въ немъ любимца отца своего, просилъ у него совѣта, какъ лучше управлять государствомъ. Хитрый старикъ воспользовался этою минутою и этимъ вопросомъ, и съ злою радостію сказалъ молодому, доброму Царю: „Если хочешь быть настоящимъ Государемъ, то не имѣй совѣтниковъ умнѣе себя: ты долженъ учить, а не учиться—повелѣвать, а не слушаться: Тогда будешь твердъ

на царствѣ, и вельможи будутъ бояться тебя!,,

Такой совѣтъ былъ согласенъ съ тогдашнимъ расположеніемъ духа Іоаннова, которому еще живо представлялась дерзость бояръ во время его болѣзни. Съ чувствомъ благодарности поцѣловалъ онъ руку бывшаго Епископа и вскричалъ: „Самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта!,,

Съ этой минуты искра неудовольствія, таившаяся въ сердцѣ Государя начала разгораться и произвела въ послѣдствіи всѣ пороки его и всѣ несчастія Россіи! Да, милыя дѣти, много значитъ одно слово злаго человѣка; часто его довольно бываетъ, чтобы испортить десять добрыхъ сердецъ! Берегитесь же злыхъ людей, никогда не слушайте совѣтовъ ихъ, и помните несчастный примѣръ Іоанна. Но я небуду заранѣе печалить васъ, друзья мои! Еще Іоаннъ добръ, благороденъ, великъ, еще слова Вассіана не успѣли укорениться въ его сердцѣ и памяти,

но только слегка представляются ему. Со временемъ они сдѣлаютъ то, чего хотѣлъ злой Вассіанъ, но теперь мы еще можемъ насладиться добродѣтелями молодаго Царя, еще можемъ порадоваться громкой славѣ его!

Возвратясь изъ путешествія своего, Іоаннъ съ прежнимъ усердіемъ занялся дѣлами Государственными, и хотя въ душѣ его скрывалось теперь болѣе неудовольствія на бояръ, обидѣвшихъ его, но онъ ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ не показалъ его. Впрочемъ, ему и времени не было много думать о нихъ: неугомонные жители Царства Казанскаго, несмотря на то, что были уже подданными Россіи, часто затѣвали новыя безпокойства, такъ что Руские еще около пяти лѣтъ не могли быть совершенно увѣрены въ ихъ покорности. Послѣ этого времени многіе изъ нихъ начали креститься въ вѣру Христіанскую, которая смягчила нравы ихъ; другіе же усмирены были

Казаками и *Стрѣльцами*, *) жившими по приказанію Іоанна въ крѣпостяхъ и городахъ Казанскихъ.

Въ 1557 году слава Іоанна увеличилась покореніемъ новаго Царства: *Астрахани*. Городъ Астрахань, построенный при устьѣ Волги и называвшійся прежде *Асторloканью*, существовалъ еще при началѣ государства Рускаго. Въ немъ жили прежде Казары, потомъ Алане, наконецъ послѣ разоренія Золотой Орды, Асторокань была столицею Татарскихъ Хановъ, одноплеменныхъ съ Нагайскими Князьями. Эти Ханы никогда не были сильными владѣтелями и спасаясь отъ притѣсненій Черкессовъ и Крымцевъ, часто прибѣ-

*) Іоаннъ IV, улучшая войско наше, завелъ *Стрѣльцовъ*: это были пѣхотные полки, которыхъ выбирали изъ сельскихъ людей и вооружали пищалями. *Пищаль* значитъ старинное ружье, ставившееся для прицѣливанія на сошкѣ. Стрѣльцы составляли безсмѣнное войско, жили обыкновенно въ городахъ и употреблялись болѣе всего для осады крѣпостей.

гали къ покровительству Россіи, и последній изъ нихъ *Дербышь*, обязанный сохраненіемъ престола своего Іоанну IV-му, въ минуту искренней благодарности своей къ благодѣяніямъ его, поклялся вмѣстѣ со всѣмъ народомъ повиноваться Рускому Царю, какъ своему верховному Государю. Но прежде нежели отборное войско, посланное къ нему на помощь отъ Іоанна и состоявшее изъ Царскихъ дворянъ, Жильцовъ, Дѣтей боярскихъ, Стрѣльцовъ и Казаковъ, успѣло удалиться, Дербышь измѣнилъ своей клятвѣ и передался къ Крымскому Хану, Девлетъ-Гирею. Подданные его, уже испытавшіе разницу между благодѣтельнымъ покровительствомъ Россіи и дерзкими поступками Крымцевъ, очень недовольны были измѣною своего Государя, и обрадовались когда храбрые Стрѣльцы и Казаки совершенно разбили его и заставили бѣжать въ Азовъ. Тогда они всѣ дали новую присягу Россіи и навсегда уже остались ея вѣрными подданными.

Наша нынѣшняя *Астрахань* построена въ нѣсколькихъ верстахъ отъ старинной *Асторокани*. Даже камни на построеніе нѣкоторыхъ домовъ новаго города, брали изъ развалинъ стараго. Астрахань славится теперь большими плодоносными садами и богатѣйшими рыбными ловлями. Во время же Іоанна IV пріѣзжали туда торговать купцы изъ Шамахи, Дербента, Шавкала, Тюмени, Хивы; жители многихъ изъ этихъ земель хотѣли также какъ и Астраханцы, быть въ подданствѣ Россіи. Іоаннъ ласково принималъ ихъ и своими умными, благодѣтельными распоряженіями доставлялъ столько счастія новымъ подданнымъ своимъ, что слухъ о славѣ его достигъ до отдаленныхъ странъ Сибири!

Сибирь не была еще въ то время тою обширною землею, которой пространству и непроходимымъ лѣсамъ, вѣрно вы удивляетесь теперь, милыя дѣти, смотря во время Географичекаго урока, на карту Азіи! Нѣтъ, тогда из-

вѣстна была подъ именемъ Сибири, только средняя часть нынѣшней Тобольской губерніи. Ею управляли Князья Монгольскіе, потомки Батыева брата, *Шибана*. Рускіе ничего болѣе не знали объ этой Сибири, но послѣ покоренія царствъ Казанскаго и Астраханскаго, пріѣхали въ Москву два посла отъ Князя Сибирскаго Эдигера, съ поздравленіемъ къ Царю, по случаю побѣдъ его, и съ прозьбою защитить его отъ другихъ Князей Татарскихъ, разорявшихъ его землю. Эдигеръ обѣщалъ платить за это богатую дань Царю: по соболю и по бѣлкѣ съ каждаго человѣка въ годъ. По его словамъ, въ Сибири было тогда 30,700 человѣкъ жителей.

Вотъ какъ возвысилась Россія въ царствованіе Іоанна IV-го! Кто бы изъ предковъ нашихъ, съ такимъ страхомъ отправлявшихся на судъ въ Золотую Орду, повѣрилъ, что настанетъ время, когда потомки жестокихъ и гордыхъ притѣснителей ихъ, будутъ искать

чести быть подданными Царей Рускихъ! Но не думайте, друзья мои, что бы только одни необразованные Татары показывали такое уваженіе къ Іоанну; нѣтъ, слава о немъ долетѣла даже до Англіи, не имѣвшей прежде никакого понятія объ отечествѣ нашемъ: въ Августѣ 1553 года вошелъ Англійскій корабль въ Двинской заливъ Бѣлаго моря и присталъ къ берегу, гдѣ былъ монастырь Св. Николая и гдѣ потомъ построенъ городъ *Архангельскъ*. Рускіе рыбаки, увидѣвшіе въ первый разъ большой корабль, испугались и хотѣли уплыть въ лодкѣ своей подальше отъ невиданнаго чуда, но Капитанъ корабля, *Ченселеръ*, остановилъ ихъ, и сказалъ, что онъ пріѣхалъ изъ Англіи съ письмами къ Государю ихъ отъ своего Короля, который желаетъ завести съ Рускими торговлю. Начальники Двинской земли тотчасъ дали знать объ этомъ Іоанну,—который, понимая какъ выгодна можетъ быть для народа его торговля съ Англичанами, уже и тогда

славившимися своими морскими путешествіями и богатымъ купечествомъ— приказалъ послу Англійскому пріѣхать въ Москву и принялъ его и всѣхъ бывшихъ съ нимъ Англичанъ, такъ милостиво и такъ ласково, что они не могли безъ особеннаго чувства благодарности писать о томъ въ Лондонъ, и съ того времени и торговыя сношенія Рускихъ съ Англичанами и дружество Государей ихъ, продолжались во все время царствованія Іоанна.

Но высоко уважаемый и самыми отдаленными Владѣтелями, онъ не находилъ такого расположенія въ близкихъ сосѣдяхъ своихъ, и безпрестанно долженъ былъ бояться нападеній то Шведскаго Короля Густава Вазы, то Польскаго — Августа, то Крымскаго Хана, Девлетъ Гирея. Всѣ они боялись возрастающаго могущества Россіи и старались всѣми силами вредить ей. Густава Вазу — который былъ тогда уже очень старъ,—скоро усмиряли храбрые полки Рускіе; Крымскаго Хана про-

гоняли отъ границъ нашихъ Стрѣльцы, а въ особенности Днѣпровскіе или Литовскіе казаки, перешедшіе тогда въ подданство Россіи съ Атаманомъ своимъ, Княземъ Вишневецкимъ. Чтожъ касается Польскаго и Литовскаго Короля Августа, то главною причиной несогласій его съ Рускимъ Царемъ—была Ливонія. Іоаннъ жестоко мстилъ ей за то, что она, стараясь помѣшать просвѣщенію Россіи, не пропускала въ нее выписанныхъ имъ ученыхъ и художниковъ. Къ тому же, онъ почиталъ Ливонію землею, давно принадлежавшею Россіи, потому что еще Великій Князь Георгій или Юрій Владиміровичъ Долгорукій завоевалъ ее, и въ 1030 году основалъ въ ней городъ, названный по его имени, *Юрьевымъ*, а потомъ *Дерптомъ*, построилъ тамъ церкви Греческія, и наложилъ дань на всю землю, которая съ того времени считалась Рускою, и только въ 1210 году отнята была у насъ Ливонскими рыцарями. Іоаннъ IV, помня все это и

еще болѣе помня послѣднюю дерзость Ливонцевъ, непремѣнно рѣшился возвратить Россіи прежнія владѣнія ея, и уже взялъ Нарву, Нейшлосъ, Адежъ, Нейгаузъ, Дерптъ и много другихъ городовъ, а Король Польскій, желая не менѣе Ливонцевъ вредить Рускимъ, уговаривалъ рыцарей, не терять бодрости и съ радостію обѣщалъ имъ свою помощь и покровительство, когда Магистръ Ливонскаго ордена, со всѣми рыцарями и дворянствомъ, присягнулъ ему въ вѣрности и просилъ защиты противъ Іоанна. Ливонцы хотѣли лучше зависѣть отъ Польши, нежели отъ Россіи. Послѣ этого надобно было ожидать настоящей войны съ Литвою и Польшею; Ливонская же—продолжалась уже два года, и во все это время войско Руское не переставало побѣждать. Изъ Воеводъ Іоанновыхъ, всѣхъ болѣе отличались въ этой войнѣ, Князья: Андрей Курбскій, Иванъ Мстиславскій, Петръ Шуйскій, Василій Серебряный и Даніилъ Адашевъ, братъ Алексія.

Несчастная Ливонія почти вся была разорена и выжжена, слабые рыцари, не смотря на всю храбрость Магистра своего, молодаго Кетлера, вездѣ уступали; между тѣмъ, Рускіе, гордясь необыкновенными достоинствами Царя своего, его славою, его неизмѣннымъ счастіемъ и своими побѣдами, уже надѣялись скоро поздравить другъ друга съ совершеннымъ усмиреніемъ Ливоніи и Польши, какъ вдругъ разнеслась горестная вѣсть о неожиданномъ несчастіи, и остановила надежду и побѣды ихъ, остановила всѣ радости народа, всѣ мечты о счастіи самаго Іоанна! Эта ужасная вѣсть была: кончина кроткаго Ангела, прекрасной Царицы Анастасіи. Въ Іюлѣ 1560 года, она вдругъ занемогла, и больная — испугалась сильнаго пожара, случившагося въ Москвѣ. Испугъ усилилъ болѣзнь и не смотря на все искусство врачей, Анастасія скончалась 7 Августа. Какъ описать вамъ, милыя дѣти, то что

происходило тогда въ Москвѣ? Государь былъ въ совершенномъ отчаяніи: этотъ твердый, мужественный, великій Іоаннъ, плакалъ и рвался какъ слабая женщина! Бояре, окружавшіе его, и даже самъ братъ его, Князь Юрій Васильевичъ, боялись утѣшать его; одинъ Митрополитъ иногда осмѣливался подходить къ нему и напоминать о томъ, что христіанинъ долженъ быть покоренъ Богу. Народъ неутѣшно рыдалъ; бѣдные, идучи за гробомъ доброй благодѣтельницы своей, называли ее всѣми нѣжнѣйшими именами, и въ глубокой, нелицемѣрной горести, даже отказывались принимать милостыню! Однимъ словомъ, — всѣ какъ будто бы предчувствовали, что вмѣстѣ съ прекрасною душею Анастасіи отлетятъ на небо и добродѣтели Царя и счастіе народа его! Они угадали: слава Іоанна добродѣтельнаго, кончилась съ жизнію супруги его и оплакавъ первую, незабвенную *Царицу* свою, предки наши при-

готовлялись къ тѣмъ горькимъ слезамъ, которыя проливали они потомъ отъ жестокостей уже не великаго, но Грознаго, но страшнаго своими *пороками* Іоанна!

Конецъ второй части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Второй части:

Въ I-й части сей *Исторіи* на стр. 14, строк. 9. ошибкою напечатано: Игоря *Святославича* вмѣсто: *Рюриковича.*

Во II-й части, на стр. 215 внизу: *уваль*, вмѣсто *вуаль.*